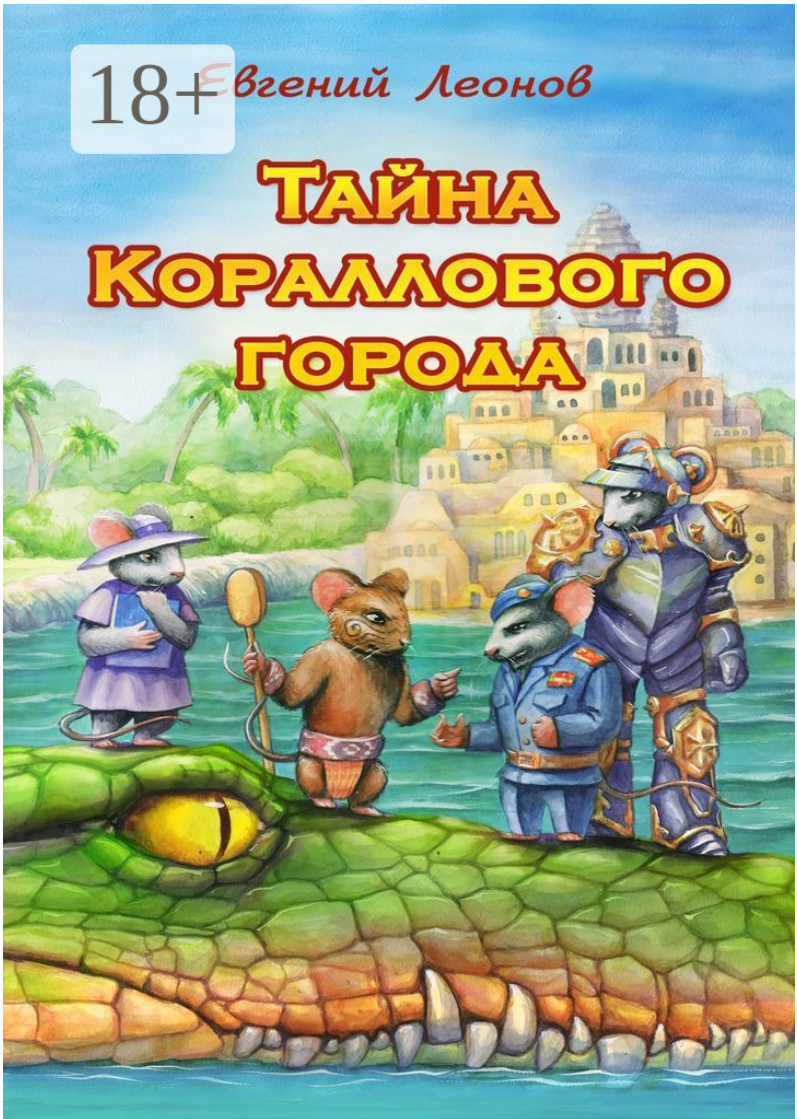
18+

Евгений Леонов

Тайна Кораллового города



Евгений Леонов
Тайна Кораллового города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58119684
ISBN 9785005143013

Аннотация

На атолле Матубару живут мышиные племена. Они ловят рыбу, ныряют за жемчугом, почитают богов моря и неба. Их размеренную жизнь ломает плавучий Мусорный остров – индустриальное государство с диктатором во главе.Простой рыбак Мауи встаёт на пути чудовища. Ему поможет мышка Александра – этнограф из Москвы, попавшая на Матубару в составе таинственной экспедиции.Всё, что у Мауи есть – это вера в правое дело и ясное понимание, что никто кроме него не спасёт родное племя.

Содержание

Пролог 5
Глава первая. Рыбий пастух 18
Глава вторая. Враждебные воды 36
Глава третья. Пленники пиратского корабля 48
Глава четвёртая. Прибытие на Мусорный Остров 67
Глава пятая. Кто нас ждёт на берегу 78
Глава шестая. Путь через Ржавую долину 98
Глава седьмая. Мауи делает выбор 113
Глава восьмая. Узник пивной банки 133
Глава девятая. Прыжок веры 146
Глава десятая. Город огня и дыма 163
Глава одиннадцатая. На улицах Фабричного района 180
Глава двенадцатая. Закон или справедливость? 195
Глава тринадцатая. Под несчастливой звездой 212
Конец ознакомительного фрагмента. 227

Тайна Кораллового города
Евгений Леонов

Памяти моего учителя, коллеги и друга, к.т.н. доцента Владимира Николаевича Полякова

Автор благодарит Евгению Белянину, Елену Коновалову, Наталью Ермакову и Алису Висмут за помощь в создании книги

Наталья Ермакова *Художник*
Алиса Висмут *Художник*
© Евгений Леонов, 2022
© Наталья Ермакова, художник, 2022
© Алиса Висмут, художник, 2022
ISBN 978-5-0051-4301-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Далеко на востоке Малаккский пролив соединяет два океана: Индийский и Тихий. Здесь проходит важнейший торговый путь между Азией и Европой. А где деньги – там и пираты. Они давно сменили парусные джонки на скоростные катера. Так легче догнать неповоротливое судно. Если бандиты получают отпор, то прячутся на каком-нибудь безымянном островке.

Там, под сенью влажного тропического леса, между увитых лианами ротанговых пальм, медленно течёт безымянная речка. Её мутная жёлтая вода пахнет гнилью и тиной. Кроны деревьев плотно смыкаются над ней, едва пропуская солнечный свет. Оттого и погожий день кажется пасмурным.

Лес полон жизни, которая замолкает только с рассветом и после заката: одни звери укладываются спать, а другие выходят на охоту. С места на место перелетают яркие попугаи. Мелькают пёстрые бабочки.

Тут есть небольшая деревня. В старину предки местных жителей промышляли пиратством. На лодочках спускались по реке к морю и нападали на торговые суда, тяжело осевшие под грузом специй. В те времена перец и шафран ценились дороже золота. Если бы капитан выкинул груз за борт, он мог бы поплатиться головой.

Теперь здешние люди ничем не напоминают своих жесто-

ких предков. Они приветливы и занимаются мирными делами: выращивают батат и маниок, ловят рыбу, мастерят изящные фигурки старых богов и духов. [1]

В послеполуденный час старая Анук устроилась на мостках, чтобы прополоскать выстиранное бельё. Она поминутно утирала пот. Душно.

Деревья переплетались над рекой подобно пальцам. По тёмной воде бродили лучики света, сумевшие проникнуть под зелёную шкуру.

Кроме пожилой женщины тут никого не было. Деревенские трудились рано поутру или на закате, избегая самых жарких часов. Анук спешила управиться с домашними делами. Вечером её ждали гости.

Старуха взялась полоскать рубаху мужа. Мысли утекли далеко, руки сами делали привычную работу.

Пятна солнечного света бросились врассыпную от поднявшейся волны, что покатилась прямо к мосткам. Мгновение – и Анук исчезла, не успев даже вскрикнуть.

Деревенские жители сбились с ног, разыскивая пропавшую женщину. Выкрикивая имя Анук, они бродили по лесу, плавали на лодках вверх и вниз по реке, но их усилия были тщетны. Тогда они решили, что виновата жара: старуху хватил удар, она упала в воду, и течение унесло её в море.

С тех пор прошло три дня. Деревня погрузилась в траур,

---

[1] У батата съедобны клубни, вызревающие на длинных побегах. Корни и листья маниока пригодны в пищу.

оплакивая Анук. Хоть люди и скорбели об утрате, жизнь шла своим чередом.

Двое братьев – Рату и Тирта – рыбачили с плоскодонки. Выйдя на середину реки, юноши привязали лодку к приметной коряге и пустили сеть по течению. Вдруг снасть дёрнуло с такой силой, что парни полетели в воду. Вынырнув, Тирта огляделся по сторонам – не виднеется ли голова Рату?

«Наверное, отплыл в сторону. Боится запутаться в сети».

Рыбак забрался в лодку и огляделся. Сердце кольнуло дурное предчувствие: Рату нигде не было. Вдруг плоскодонка качнулась, едва не опрокинув юношу. Он заметил, как прямо под ним проплыло что-то большое с белым пятном, а потом вода покраснела от крови.

Поздним вечером того же несчастливого дня, уложив детей спать, жители собрались послушать старейшин. Ярко горел огонь, отгоняя ночные страхи и злых духов. Люди снова выслушали плачущего Тирту и решили, что исчезновение Анук и гибель Рату имеют общую причину. Качак – муж пропавшей старухи – тихо зарыдал. До последнего он держался за надежду отыскать Анук.

Старики судили да рядили, теребили долгие бороды мозолистыми пальцами. В пламени костра сражались демоны и былинные герои.

Взошла луна, облив серебряным светом крыши из пальмовых листьев. По традиции дома складывали из стеблей бамбука, укрепляя глиной. Для защиты от наводнений все

жилища поднимали на сваи. Внутрь забирались по приставной лесенке.

За плетёной изгородью громко стрекотали сверчки и кричали ящерицы-древолазы, отчего нездешнему человеку стало бы не по себе: вопли ящериц походили на истерический хохот. А деревенские к ним привыкли и обращали на звуки леса не больше внимания, чем горожанин на шум автомобилей за окном.

Когда на реке громко плеснула вода, люди насторожились, ведь крупной рыбы там не водилось. Звонко треснуло дерево. Люди подскочили, оборвав разговор. Они увидели, как подломилась свая хижины, стоявшей на самом берегу.

Из домика донёсся пронзительный детский крик. В дверном проёме появилась Путри, дочка лоцмана. Она держала на руках свою годовалую сестру Дви. Вытаращив глаза от ужаса, девочка глядела вниз – приставная лестница упала на землю. Как же спуститься?! Новый удар вышвырнул детей из дома. Путри больно ушиблась, но не выпустила сестру из рук. Малышка отчаянно пищала, не понимая, зачем её достали из уютной колыбели посреди ночи.

Плач маленького ребёнка вывел взрослых из оцепенения. Родители бросились к своим дочерям. Отец подхватил Путри, а мать прижала к груди малышку, целуя и успокаивая её. Ещё один мощный удар опрокинул домик. В лунном свете лоцман заметил чешуйчатый хвост, который играючи крушил прочные бамбуковые сваи.

Мужчины бросились по домам, собирая нехитрое оружие, женщины выдёргивали горящие ветки из костра. А по реке гуляли волны, рассыпая лунные блики. На обломках домика бушевал крупный зверь. Очень скоро жилище превратилось в месиво из бамбука, мебели и домашней утвари. На берег выкатилась волна, заставив людей отпрянуть в ужасе.

Сначала показалась вытянутая пасть, затем мощное плоское тело с короткими лапами, а потом и чешуйчатый хвост, которым размахивало чудовище. Оно открыло рот, полный острых зубов. Низкий утробный рык вселял ужас.

– Бамбанг Сэнан! – воскликнул старик и сложил пальцами знак, отгоняющий злых духов.

Да, это был он – Бамбанг Сэнан. Огромный гребнистый крокодил. Большой, тяжёлый как грузовик, он одинаково хорошо чувствовал себя в речной и в морской воде, жил и насыщал свою утробу вот уже сто лет. Выбравшись на берег, он с наслаждением вдыхал запах страха, исходивший от двуногих, жавшихся друг к другу.

Бамбанг зарычал ещё раз. Так он показывал свою силу и заявлял права на охотничьи угодья. Голод и досаду он изливал в своём рыке, потому что в домике не нашлось еды: добыча сумела ускользнуть. Крокодил грузно пополз к людям, желая ухватить кого-нибудь из них.

Но потомки бесстрашных пиратов не разбежались. Они дали отпор чудовищу. На всех нашлось единственное двуствольное ружьё, ведь для обычной охоты достаточно копий,

а сбить обезьяну с дерева можно и камнем. Увы, камни и копья отскакивали от крокодила, не причиняя вреда. За столетие шкура Бамбанга обрела необыкновенную твердость.

Грохнул выстрел! Дробь расколола пластины на спине, едва ранив зверя. Перезарядив ружьё, стрелок решился на отчаянный шаг. Со смелостью льва он подскочил ближе, прицелился в открытую пасть и выдал заряды дуплетом. Должно быть, этот малый родился под счастливой звездой: выстрел пришёлся в язык чудовища и попутно разнёс пару зубов.

О, как громко завыл Бамбанг Сэнан от невыносимой боли! Какой яростный взгляд он устремил на обидчика! Сумеет ли дотянуться до него одним броском? Однако стрелок трясущимися руками уже заталкивал в ружьё два новых патрона. Перепуганный, он готовился выстрелить ещё, и на этот раз по глазам.

И тогда Бамбанг решил, что с него хватит. Он пополз обратно в спасительную реку. Деревенские жители радостно закричали, увидев, как буро-зелёная туша скрылась под водой. В лунном свете мелькнуло белое пятно на спине. Люди окончательно уверились, что в гибели Рату и Анук виноват Бамбанг Сэнан. Ночной бой закончился победой, хотя все понимали – это ещё далеко не конец.

Так и случилось. Чудовище стало разбойничать, нападая на скот, что приходил к реке напиться. Пастухи ничего не могли сделать. К счастью, обходилось без человеческих жертв. Жители оставили рыбную ловлю. Брали воду для ку-

пания и стирки в мелких ручьях. Кое-кто на время переехал к соседям, подальше от опасной реки.

Осада вымотала и людей, и животных. Послали за полицией. На следующей неделе из города прибыл отряд хорошо вооружённых охотников.

Местные помогли им устроить облаву. На реке соорудили плотину, отрезав зверю путь в море. Эта мутная речушка должна была стать могилой грозному Бамбангу, чьим именем пугали детей уже третье поколение.

Опытные охотники утверждали, что гребнистый крокодил не поднимется по течению, рискуя завязнуть в болоте. Обойдёт плотину по суше – напорется на засаду. Толковый замысел не учитывал, что за годы Бамбанг стал сильнее и намного коварнее.

В одну ненастную ночь крокодил, словно ведомый дьявольской рукой, пошёл на прорыв. Он напал на плотину и своим могучим телом проломил её. Пули штурмовой винтовки не ранили его. Гранаты лопались безобидными хлопушками. Бамбанг Сэнан взобрался на остатки плотины и разразился рыкающим смехом.

Убедившись, что жалкие людишки не могут ему навредить, крокодил потерял всякий страх. Он выбирался на сушу там, где его не ждали, крушил дома, хватал любую живность. Порой Бамбанг оставлял тела на месте убийства. А ведь крокодилы так не делают: они прячут добычу, чтобы съесть позже.

Бамбангом двигал не голод – он упивался жестокой забавой, потешался над страданиями живых существ. Люди молились богу Тангароа, прося положить конец бесчинствам крокодила.

На другой день Бамбанг спокойно плыл по реке. Он уже позавтракал козой, отчего пребывал в хорошем расположении духа. Бамбанг неторопливо обдумывал новую проделку для собственного развлечения.

Вот вчера, к примеру, он тихо забрался в деревню и до смерти перепугал её жителей. Они бросились бежать, не разбирая дороги. Остался лишь несчастный пёс. Никто не позаботился его отвязать. Отчаянно скуля, пёс жался в угол. А Бамбанг не спеша подползал ближе, с удовольствием ощущая, как страх опорожняет собачий кишечник. Натешившись, крокодил проглотил пса. Правда, верёвка застряла меж зубов, щекоча дёсны.

Вдруг Бамбангу стало трудно плыть. Болотный вкус воды переменился и напоминал кровь и гнилые объедки. Да и сама вода загустела, будто кисель. Крокодил отчаянно грёб лапами, молотил хвостом, чувствуя как тонет. На дне он обнаружил огромного осьминога. Оторопев, Бамбанг заглянул ему в глаза и увидел в них звёздное небо и Млечный путь.

– Бамбанг Сэнан! – раздался голос в голове крокодила, тихий и бесстрастный, точно шелест пальмовых листьев.

– Кто ты?! – прорычал Бамбанг, бултыхаясь в густой кровавой жиже.

– Неужели ты не узнал меня? – ручейком зажурчал смех. – Ведь я – небо и море, радуга и дождь, я – алый закат. Меня называют Тангароа.

Бамбанг понял, что попал в переплёт. Вот бы оторвать богу щупальце!

– Что тебе надо, Тангароа?

– Я ощутил предсмертную боль Анук, агонию Рату. Услышал молитву Путри и шепот собаки.

– Они моя пища! – возразил Бамбанг. – Должен ли я жалеть их?

– Не всякая жизнь утоляла твой голод. Ты наслаждался страхом и мучениями. В этом я обвиняю тебя.

Сказав так, гигантский осьминог сжал крокодила щупальцами: кровь засочилась между твёрдых пластин.

– Мне стоило бы покарать тебя смертью. Но ты можешь заслужить прощение в обмен на три службы.

У Бамбанга, обезумевшего от нестерпимой боли, был простой выбор: умереть или подчиниться. И крокодил согласился на всё.

– Ты уйдёшь прочь из Малаккского пролива и будешь плыть через океан, покуда не отыщешь атолл Матубару. Исполни мою волю, – Тангароа ослабил хватку. – Вот твои службы: ты должен поймать мышь, упавшую с неба, проглотить крепость и утопить солнце.

«Да он полоумный!» – пронеслось в меркнущем сознании крокодила.

Тангароа отпустил Бамбанга, и тот рванулся наверх. Течение понемногу уносило кровь, возвращая привычные запахи болота. Когда зверь отдышался, в голову ударил гнев: до сих пор никто не смел обращаться с ним как с мелкой ящерицей. Он даже хотел нырнуть обратно, отыскать Тангароа в речной тине и поквитаться с ним. Но мудрость одолела жажду мщения. И хитрый крокодил решил повременить. Однажды судьба даст ему шанс расправиться с обидчиком. Ведь судьбе покорны и люди, и боги, и даже крокодилы. Выпустив досаду грозным рыком, Бамбанг поплыл вниз по течению навстречу солёным волнам.

К вечеру следующего дня он добрался до огромного города, сверкающего огнями. Это был Сингапур – город-государство, город-порт и пристанище для шести миллионов человек. Мегаполис раскинулся на десятках островов, соединённых мостами и дамбами.

В долгом пути крокодил изрядно проголодался. Поймать бы крупную рыбу, да как её учуять? Вода пахла мазутом и ещё какой-то дрянью, отчего Бамбангу захотелось почистить шкуру белым песком. Его сбивали с толку низкий гул корабельных двигателей и нудное зуденье лодочных моторов.

Тогда он поплыл вдоль берега, высматривая добычу, пока не увидел ярко освещённый пляж. Несмотря на поздний час, звучала музыка и танцевали люди. Некоторые забегали в воду, увлекшись игрой. И тотчас Бамбангу до смерти захо-

телось поужинать вкусным человеком. Как это просто – ловить и поедать людей! У них нет ни толстого панциря, ни когтей, а зубы крохотные – смех один! Двуногие плохо видят в темноте и медленно плавают. Можно сказать, Бамбанг очень любил людей, но по-своему.

Он подобрался ближе, нацелившись на толстую китаянку. Её маленький сын упустил мяч. Матери пришлось оторваться от разговора с подругой и вылавливать игрушку из воды. Женщине и в голову не пришло, что в двадцати шагах затаился крокодил размером с фургон. Тихо, чтобы не спугнуть, Бамбанг подплывал к добыче, уже чувствуя запах пота и цветочных духов. Его настиг шум мотора, нарастающий с каждым мгновением. Между Бамбангом и китаянкой промчался лихач на гидроцикле, окатив женщину грязной вонючей водой. Китаянка выпрыгнула на песок, провожая спортсмена бранью. Женщине было невдомёк, что она едва-едва разминулась со своей смертью. Несолоно хлебавши, крокодил повернул обратно искать добычу в более спокойном месте.

Разумеется, Бамбанг Сэнан понятия не имел, где находится атолл Матубару. Потому он просто плыл на восток через Яванское море, мимо больших островов Тимор и Сулавеси. Ему пришлось пересидеть тайфун на Новой Гвинее. Лишь только буря улеглась, под водой замаячила тень Тангароа, и Бамбанг снова пустился в путь.

Впереди его ждали необъятные просторы Тихого океана. Ни один крокодил в здравом уме не отважился бы на такое

путешествие, но многорукий бог не оставил Бамбангу выбора.

Крокодила несли попутные течения: от Папуа до Вануату, от Вануату до Фиджи и от Фиджи до Таити. На каждом острове он делал остановки и отъедался впрок. Снова и снова ему являлся Тангароа, торопя в дорогу. Крокодил плыл на восток. Всегда на восток.

Глава первая. Рыбий пастух

На берегу тропического острова, где золотой пляж сменяется пальмовой рощей, лежал большой камень. Он любовался голубой лагуной, подставляя гладкие бока ласковому тёплому ветру. Под камнем жило мышиное семейство в удобной и просторной норе.

Камень давно врос в землю и надёжно прикрывал дом от свирепых штормов, что нередко случаются в южной части Тихого океана. Маленькие звери отвечали камню благодарностью и заботой. Они разрисовали его сверху донизу красивыми рисунками: красной полосой лёг закат над синим морем, рыба затаилась в темной пучине, а семейное счастье распускалось бутонами цветов. Словом, пёстрый камень очень радовался удачному соседству.

Ранним утром из норки показался мышонок Мауи. Скажем правду: мышонком его называла только мама по привычке. Крепкий сильный подросток вполне мог бы сойти за взрослого.

Но по-настоящему взрослым считался лишь тот, кто прошёл суровое испытание: сунул хвост в муравейник. Мату обмирала от страха при мысли, что её сын будет терпеть жуткую боль. Настоящий мужчина должен перенести муки, ничем не выдавая своих чувств. Впрочем, испытание муравьями ещё не скоро, но племя ждало от Мауи взрослых поступ-

ков. И сегодня у мыша был очень важный день.

Прежде всего Мауи влез на пёстрый камень, цепляясь за едва заметные щербинки. Пройдясь по ровной верхушке, мышак поднял лапы, приветствуя солнце. Бриз нежно гладил шерсть на боках. Солнышко согревало тёмный мех, украшенный изящным рисунком. Мыши покрывали себя узорами, особое внимание уделяя щекам и лбу. Такие «моко» рассказывали всю мышиную жизнь.

Для островитян море как родная мать, и мыши научились превосходно разбираться в его настроении. Запах воды и ветра сулил погожий день. Мауи улыбнулся: боги на его стороне.

– Мауи! Сынок!

Внизу стояла Мату и высматривала ушастую голову сына, щурясь от яркого света.

– Не видать ли отца? – спросила мама с тоской, отчего сердце Мауи сжалось.

Она спрашивала каждый раз, едва он отлучался из дому: шёл гулять с друзьями или собирать корешки в роще. В её вопросе сквозило безнадёжное отчаяние женщины, потерявшей любимого мужа.

– Нет, мамочка, я его не видел! – крикнул в ответ Мауи. – Наверное, он вернётся завтра.

Мышак знал: покончив с домашними делами, Мату взберётся на камень, сядет на хвост и будет не смыкая глаз высматривать рыбацкий парус. И снова тщетно. Разумеется,

Мауи очень любил своего отца Ронго, переживал его исчезновение не меньше мамы. И так же отчаянно тосковали семьи ещё троих рыбаков, пропавших вместе с Ронго пару недель назад.

– Я собрала покушать в дорогу, – улыбнулась Мату. – Обещай мне, что не забудешь про обед.

Она хмурилась, глядя, как сын спускается на землю. Ах, как неосторожен! Так недолго и шею свернуть!

– Погоди, я переоденусь и возьму свои вещи, – Мауи крепко обнял и расцеловал маму.

Он прыгнул в нору и скоро вернулся. Теперь его сильное тело с шерстью цвета кофе прикрывала юбка из пальмовых листьев. Юбку поддерживал пояс с традиционным узором, собранный из маленьких жемчужин. Оглядев сына, Мату ахнула от удовольствия.

– Ты совсем взрослый, – прошептала она, прижимаясь к его груди. – Будь осторожен в плавании. Я буду ждать тебя!

Мату всхлипнула и махнула лапой, смутившись. Ей не хотелось, чтобы сын видел слезы в уголках её глаз. А вчерашний мышонок, предвкушая приключение, даже не заметил переживаний матери. Чмокнув меховую щёку, он подхватил узелок с едой и побежал по песчаному пляжу.

Нора под пёстрым камнем находилась в стороне от деревни. Большинство мышиных семей жило в пальмовой роще, вырыв норы по двум улицам. На холмике, свободном от травы, устроили мараэ – плоскую каменную площадку, где де-

ревенские жители общались с богами. Рядом с мараэ было маленькое кладбище.

Ночной прилив вынес на берег пучки водорослей, ветки и прочий сор. Мышак ловко перепрыгивал через сучки, а морские растения опасливо обходил стороной. Там мог притаиться краб или ядовитая медуза.

Лениво накатывали волны и шумела роща, а время от времени тишину нарушал громкий стук. Это падал очередной перезревший кокос. К разбитому ореху сбегались хозяйки, чтобы набрать сладкую мякоть для пирогов. Иногда мыши забирались на деревья и сами перегрызали стебли орехов. Подчас их караулил пальмовый вор – большущий рак, что не прочь закусить неосторожной мышью.

На песке валялся странный круглый предмет, похожий на ракушку. Мауи подошёл ближе и ощупал незнакомую вещь. Ему было невдомёк, что это крышка от пузырька с лекарством. Мауи смекнул: вещь нездешняя и наверняка опасная. Он прошептал обережный заговор и поспешил откатить крышку в кусты, где пряталась статуя толстой мыши. Это был тики – каменный истукан, межевой знак и вместилище духов. Что ни говори, магия предков сильнее любой другой. Мышу захотелось разыскать старших и показать им необычную находку, но у него были дела поважнее.

Взобравшись на трухлявый пенёк, Мауи внимательно осмотрелся. Кажется, вокруг нет хищников. На другом конце пляжа пальмовая роща сменялась мангровыми деревья-

ми, что в изобилии росли по берегам острова. Обычные деревья прячут корни в землю, а у этих они торчат наружу. Прилив превращал мангровый лес в болото. А когда вода уходила, в корнях, точно в причудливом лабиринте, прятались маленькие рыбки и рачки.

Мауи добрался до навеса из листьев, где мыши хранили лодки. Хлипкое укрытие не выдержало бы даже обычного шторма, не говоря уже о мощных тайфунах, что прокатывались через атолл. На случай серьёзной непогоды у мышей имелись надёжные убежища. А для повседневного труда и такой навес сгодится: всё нужное рядом, только лапу протяни.

Под навесом Мауи обнаружил только одно каноэ. Напрасно он встал пораньше и наскоро позавтракал, ведь ему не удалось опередить дядю Момо! Похоже, этот мышак подскочил ни свет ни заря и уже уплыл проверять кораль. [2] [3]

Мауи волновался перед путешествием, хотел побыть в одиночестве и не спеша собраться. А дядя, добрый характером, имел большой недостаток. Он страшно любил поговорить и забалтывал Мауи до головной боли.

«Наверняка привяжется со своими советами, – в голову юного мышака ползли хмурые мысли, – и обязательно расскажет, как утонул один его приятель».

---

[2] Небольшая лодка для прибрежного плавания. Мыши выдалбливают такие из толстого сука. Гребут одним веслом, похожим на узкую лопату.

[3] Загон для выпаса одомашненных животных и рыб.

Мауи дотащил каноэ до кромки прибоя и запрыгнул в лодку. Едва он собрался поставить её носом к волне, как обнаружил, что позабыл весло. И тут же волна перевернула каноэ. Мокрый и злой, мышак выбрался на берег, а следом море выплюнуло лодку.

«Сам виноват, – сказал он себе. – Нечего было так волноваться из-за первого плавания. Отец не зря говорит, что волнением и слезами делу не поможешь».

И Мауи глубоко задышал, постепенно успокаиваясь. Он нашёл весло, ловко заскочил в каноэ, направил его к темнеющему проходу в переплетённых корнях. Под сумрачным сводом лучики солнца находили лазейки и пробивали прозрачную голубую воду до самого дна, упираясь в белый песок. От них мышиной душе стало радостно и спокойно.

На корнях темнели зарубки. Они могли рассказать многое: прилив сейчас или отлив, где находится кораль для малышей, а где для взрослых рыб, и куда плыть, если хочешь попасть в кладовку. У одного корня Мауи придержал каноэ и подновил отметку. Мангровые деревья быстро залечивали раны.

Вскоре послышалось неясное бормотание. Мауи без труда узнал голос дяди Момо.

«Правду говорят, что дядя не выносит тишины. Даже если не с кем поговорить, он не смущается и заводит беседу с самим собой. И как тётя Фатима его терпит?»

Лодка вошла в большое круглое озеро шириной в сот-

ню шагов. Корни расходились в стороны, точно стены танцевального зала, открывая воду жарким солнечным лучам. В закутке приткнулся сарайчик. А возле него стоял крепкий мышак с заметным брюшком. На его мордочке, расплывшейся в улыбке, виднелись такие же узоры, как у Мауи, только их было заметно больше.

Завидев племянника, дядя Момо расхохотался и замахал лапой:

– Мауи! Доброе утро! Я так рад тебя видеть! Смотри-ка, чудесный денёк для первого путешествия, да? А вот если бы небо хмурилось и ветер задувал, какое уж тогда плавание, так? Как думаешь? – дядя не замолкал ни на миг.

– Дядя, дядя! – Мауи не сразу удалось прервать болтуна. – Ты не забыл про мой груз?

– А как же! Ради него я встал пораньше, быстренько позавтракал и бегом-бегом сюда, – Момо говорил всё быстрее и быстрее, размахивая лапами. – У меня же всё с вечера приготовлено. Сеть проверил, дырки починил. Не подведёт!

– Так, так, – закивал Мауи, опасаясь, что Момо снова увлечётся. – Идём смотреть!

Он взял дядю под лапу и потянул к озеру. Там резвились рыбы длиной в половину мышиного роста. Они любили прозрачную голубую воду и яркое солнце: тихая заводь и хищников можно не бояться.

Момо, Мауи и его родители происходили из племени острова Араутака. Наиглавнейшим занятием мышей было раз-

ведение рыбы, отчего их величали рыбьими пастухами.

Неизвестно, кто и когда обнаружил под манграми сеть озёр, но это случилось очень давно. Предки нынешних мышей подметили, что во время сильных штормов море захлёстывает купол из сплетённых корней. Иногда вместе с потоком воды внутрь попадала рыба. Сначала островитяне съедали её без остатка, благодаря богов за угощение. Так продолжалось до тех пор, пока некто по имени Ранги не догадался оставить сколько-то рыбок в озере. Бежать им было некуда, так что рыбы спокойно росли и размножались. Мудрый Ранги открыл, как важно вовремя отсаживать взрослых в другое озеро, пока они не пожрали молодняк. С тех пор в племени забыли, что такое голод.

Неважно, кем прежде был Ранги, но после открытия его стали почитать как полубога.

Прошли века, истинный образ героя стёрся из народной памяти. Старики учили так: почуяв свой срок, Ранги попросил Тангароа позволить ему и впредь заботиться о сородичах. Добрый бог услышал просьбу и наградил мышака за праведные дела – превратил его в Большую Рыбу. Отныне Ранги водит косяки в морских глубинах, а иногда поднимается на поверхность и помогает мышам в беде.

Другие старики говорят, что после смерти боги забрали Ранги на небо и сделали его четвёртой звездой в созвездии Южный Крест. Только в эту историю мало кто верит.

Как бы то ни было на самом деле, через поколения мыши

в совершенстве научились разводить рыбу для себя и на продажу соседям. Пастухи сбивали косяк рыбы, загоняли в сеть и тащили по морю на другой остров. И вот сегодня Мауи ждало первое самостоятельное плавание.

Сначала мыши завели сеть. Взяв конец, Мауи нырнул и переплыл на другой берег озера. Там он зацепил сеть за колышки. А Момо проделал то же самое на своей стороне. Сеть легла на дно, над ней плавали ничего не подозревающие рыбки.

– Хорошо, – похвалил дядя Момо. И добавил, немного замявшись: – Ну, лодку с имуществом приготовишь сам.

Обычай предписывал каждому собственными лапами проверять лодку, снасти и припасы. За недосмотр некого винить, кроме самого себя.

А сколько историй рассказывали старшие мыши! Там происходили невероятные вещи, и только смекалка да удача помогали герою остаться в живых и не растерять рыбу. Мауи слушал, раскрыв рот, а потом спрашивал себя: по силам ли мне такие испытания? И пусть большинство историй – это выдумка. Послушать бы тех, кто наделал ошибок, да никак – они лежат на дне морском.

В голову упрямо лезли чужие советы. Мама говорила взять побольше еды, отец – опытный рыбак – брать побольше верёвок для ремонта сетей в море. А дядя Момо заглянул в сарайчик и приумножил сумятицу в мышиной голове, выдавая инструкции на-гора. Он так утомил Мауи, что тот

замахал на него и выгнал прочь.

«Ах, отец! Почему ты не рядом? – загрустил Мауи. – Твоя мудрость мне бы помогла».

Он вспомнил, как они с папой выходили на берег, разжигали костёр и сидели полночи. Над лагуной светила луна, море пылало синим огнём от тысяч мельчайших водорослей, а они всё говорили и говорили, делились друг с другом сомнениями и переживаниями.

Сегодня Мауи предстояло проделать тот же путь, каким плыл Ронго сотоварищи две недели назад. Они отправились на соседний остров Тараваи с грузом рыбы. Расстояние близкое и дорога знакомая. Однако ни вечером, ни на следующее утро мужчины не вернулись. Их принялись искать. В таравайской деревне родичам пропавших рассказали, что мыши уплыли восвояси сразу после обеда.

В тот день стояла хорошая погода, море было спокойно. Куда могли деться опытные рыбаки, и по сей день оставалось загадкой. Семья Мауи и другие семьи разом осиротели.

Взрослые и дети обыскивали побережье Араутаки. Но никаких следов пропавшего кораблика и рыбаков не обнаружилось.

Без вестей о муже Мату сделалась сама не своя. Она бормотала что-то невнятное, не интересовалась ничем, что происходит вокруг. Часами Мауи просиживал рядом с ней на пёстром камне, утешая.

Над ними летали чайки, перекрикиваясь противными го-

лосами. Мышак знал, стоит ему оставить маму, одна из птиц может броситься вниз и схватить её. Глаза овдовевшей мыши застилали горе и тоска. Она не думала о грозящей опасности.

Дни сменяли друг друга. Всё было почти как прежде, разве что мать ещё больше переживала за сына – где он и что делает. В дом стал чаще захаживать дядя Момо, её брат. Он взял на себя обязанности главы семьи, не забывая заботиться о своей жене и детях. Таков обычай племени: если в дом приходит беда, родичи спешат на помощь. Конечно, Момо не заменил Мауи отца, хотя горе сблизило их. И молодой мышак был благодарен дяде за подставленное плечо, на которое юноша мог опереться в такой важный день.

Мауи вернулся из воспоминаний в пыльную кладовку. «Нужно взять всего понемногу», – рассудил он. В мешок, который почти не пропускал воду, Мауи погрузил несколько мотков верёвки. Из крючков выбрал те, что поострее. Долго стоял перед стопкой парусов, решая, брать ли с собой запасные. Решил не брать, потому что море выглядело спокойным, а вчерашний закат не предвещал бури.

Известно, что плавание до острова Тараваи и возвращение домой занимают два дня. Однако втайне от всех Мауи решил проделать этот путь за один день, вернувшись на Арутаку поздно вечером или даже ночью. Тёмное море, полное хищников, его не страшило. В первую очередь потому, что он был очень юн, самонадеян и не ведал настоящей опасно-

сти. Да и к тому же вырос на рифах, много раз плавал там, и поэтому верил, что сможет пройти их даже при свете звёзд.

«Не стоит брать с собой лишние вещи, – решил Мауи. – Незачем перегружать лодку. Она и так тихоходна. Мне не нужно много еды и воды. Ведь уже сегодня вечером я буду спать в своей постели, отведав маминого ужина».

На песчаном полу виднелись круглые крышки. Они закупоривали большие глиняные кувшины, вкопанные по горло, и сберегали припасы от жуков. Мауи набрал в кожаный мешочек сушёного батата. А воду налил в морскую раковину и залепил глиняной пробкой.

С трепетом Мауи взял отцовский крис. Он залюбовался изящным оружием, лезвие которого изгибалось подобно языку пламени. В бугорках и пятнах, проступавших на металле, он увидел акулу с разверстой пастью. У народов Полинезии считалось добрым знаком разглядеть на клинке какую-нибудь фигуру. Такой крис приносит удачу своему владельцу.

Отец заказал резчику новую рукоять и выбрал её в форме чайки. Другие островитяне обычно просили рыбу. Их жизнь проходила вокруг рыбы, зависела от рыбы и нередко кончалась в желудке у рыбы. А вот отец не такой. Сколько помнил Мауи, папа любил забираться на пёстрый камень и смотреть, как летают птицы.

Местные кузнецы не делали ничего сложнее гвоздей и рыболовных крючков, а потому крисы привозили извне. Их ко-

вали на острове Бали в Индонезии, где был известен секрет булатной стали. Оружие меняло владельца много раз, пока его покупали и продавали китайские торговцы. Оно путешествовало через Соломоновы острова, Вануату, Таити, пока не добиралось до Матубару. За время пути крис становился баснословно дорогим.

Полюбовавшись оружием, Мауи убрал его в деревянные ножны, украшенные волнистым орнаментом, и повесил за спину.

Пока племянник собирался, Момо не терял времени даром. Он подогнал большую лодку из половинки кокосовой скорлупы, какими пользуются погонщики рыбьих стад. Покатое дно закрывала дощатая палуба. Под ней устроили небольшой трюм, а возле мачты намертво прибили рундук. Лодка отлично годилась для каботажного плавания из-за большой остойчивости. [4] [5] [6]

Момо положил в лодку гарпуны. Традиция традицией, но племянник может их позабыть. Эта снасть походила на копьё: медное жало с небольшим крюком на рукоятке, длиной не меньше мышиного роста. Рыбаки отгоняли гарпуном любопытных рыб и поколачивали груз, если стадо своевольничало.

---

[4] Ящик для хранения личных вещей моряков.

[5] Плавание в виду берега без выхода в открытое море.

[6] Способность судна возвращаться в состояние равновесия после крена и не переворачиваться.

Из сарайчика появился Мауи, увидел лодку и благодарно кивнул дяде.

– Правда, хороша? – Момо хлопнул по борту. – Немало наших на ней плавало. Она не новая, но волну держит. В прошлом году вниз засыпали камни, и она стоит так же крепко, как твоя тётя Фатима у печи. Не свернёшь!

Оба мышака расхохотались, ведь, право, нельзя представить без смеха грузную тётю, что повалилась на спину и болтает ножками.

Отсмеявшись, мыши принялись за дело. Мауи в последний раз проверил лодку и сложил вещи в рундучок. Затем он привязал толстый канат к борту одним концом, а другой отдал дяде. Тот поплыл на каноэ вдоль озера, снимая с колышков закрепленную сеть. Каждое ушко он нанизывал на канат.

Мыши сходились всё ближе и ближе, чтобы сеть поднималась со дна и обхватывала стадо со всех сторон. Момо, как более опытный, завёл песню, которой рыбаки помогали своим товарищам делать всё одновременно. На особых словах нужно подтянуть сеть. Запевала мог петь быстрее или медленнее согласно тому, как шло дело.

Когда дядя закончил, рыбы оказались внутри сети, окружившей их прозрачным шаром. Они засуетились, тыкаясь в ячейки, ещё не понимая, что пойманы и вскоре попрощаются с родным озером.

– Вот, Мауи, держи! – крикнул Момо, протягивая ему свой конец верёвки. – И послушай добрый совет. Привяжи

к лодке своё каноэ, и пусть плывёт вместе с тобой.

– Дядя, оно же будет меня тормозить, – поморщился Мауи. – А мне хочется поскорее выполнить поручение и вернуться домой.

– Море не терпит суеты, – покачал головой Момо. – Никогда не знаешь, что может понадобиться.

– Ну дядя, – простонал молодой мышак, чувствуя, как уходит время на споры с этим упрямцем. – Тараваи совсем недалеко. Мы с отцом и с тобой много раз туда плавали.

– Так-то оно так, да сегодня ты идёшь один. Давай-ка не спорь, а послушай опытного рыбака. Ронго не простит мне, если я отпущу тебя без запасной лодки, и с тобой, как на грех, что-нибудь приключится.

Мауи лишь махнул лапой, дескать, твоя взяла.

Сборы кончились. Мауи взял весло и принялся грести то с одной, то с другой стороны круглой лодки, направляя её в проход между корнями. Момо последовал за ним в каноэ.

Поколения рыбаков расширили туннели. И всё равно от гребца требовалось мастерство, которое Мауи перенял от своего отца и других мужчин племени. Сначала его просто возили в лодке, как несмышлёного ребёнка. Затем доверили грести, и он тут же упустил весло. Как ему влетело от дяди! Потом он научился направлять лодку кормилом. И, наконец, сегодня он доказывал, что может сделать мужскую работу целиком.

Момо плыл позади, не отставая. Он обсуждал уровень

и запах воды, цвет корней, поведение рыбы. Кроме этого, Момо следил, чтобы на поворотах, в мелких или узких местах сеть не зацепилась.

Кокосовая скорлупа выскользнула из мангровых зарослей на простор, и Мауи зажмурился от яркого солнечного света. После полумрака глаза не сразу привыкли к слепящей бирюзе тропической лагуны.

Сзади его окрикнул дядя. Он подгрёб поближе, и Мауи подал лапу, чтобы помочь ему подняться на борт. Момо оглядел племянника по-особенному, и будто бы на глазах у него выступили слёзы. А может быть, это просто от яркого солнца.

– До свиданья, дружок! – сказал Момо. Он крепко обнял Мауи и расцеловал.

– Дядя! Ну что ты! Скоро увидимся! – у Мауи тоже защемило сердце и защипало в глазах. Он только сейчас понял, что за болтовнёй Момо прятал любовь и беспокойство.

Вытерев глаза, дядя перелез в своё каноэ и сказал на прощанье:

– Удачи тебе, Мауи! Уважай море и не бойся его!

Мауи улыбнулся и распустил парус, похожий на клешню краба. Ветер тут же подхватил кокосовую скорлупу, понёс между подводных скал. Здесь нужно держать ухо востро, ловко управлять кормилом, потому что течение так и норовило бросить лодку на рифы. Когда Мауи прошёл опасное место, он оглянулся на остров. Где-то там остались его маль-

чишеские забавы: катание на дощечке по волнам и полёты на воздушном змее.

Каноэ Момо стало совсем маленьким, но самого дядю ещё было видно: покачиваясь на волнах, он махал лапой.

– До свиданья, сынок! – донёсся едва слышный крик.

Мауи помахал в ответ, с трудом проглотив комок в горле. А тем временем ветер уносил его кораблик всё дальше и дальше от родных берегов.

Глава вторая. Враждебные воды

Мать-земля По обильно прела под жарким солнцем, отчего на горизонте высилась гора облаков. Туда Мауи правил лодку, крепко сжимая кормовое весло.

Мыши неспроста выбрали для отплытия ранний час. Они знали, что утром ветер дует в сторону Тараваи. Все течения и ветра вокруг родной Араутаки были хорошо им известны. Вот только бог неба переменчив по своей природе. И всё же Мауи, взволнованный чувством полной свободы, не сомневался в своей удаче.

Иногда морская зыбь, обычно непроницаемая для взгляда, вдруг открывалась прозрачными окнами, уходившими вниз до самого дна. Мауи завороженно глядел, как под его лодочкой открывается грандиозный мир с дивными растениями, цветными рыбками и мрачными тенями, скользящими в глубине.

Увлечённый зрелищем изнанки моря, мышак не сразу заметил, как лодка пошла рывками. Позади пристроилась жёлтая полосатая рыбка, называемая селар. Её привлёк живой груз. Чуя близость хищника, стадо заволновалось. Сеть дёргалась, раскачивая лодку.

На ум пришла старая байка про то, как рыбы объединились, выбрали вожака и поплыли все разом в одну сторону. Они перевернули лодку с незадачливым пастухом и уплыли

на свободу. Подобные небылицы мог сочинять лишь недотёпа. Даже мышатам понятно, насколько рыбы глупые. Разве они могут выбрать себе вождя?!

Вскоре Мауи убедился, что даже неорганизованная рыба умеет сильно раскачивать лодку. «Вот же гадкий полосатик!» – подумал Мауи с досадой. А неприятель, между тем, пробовал сеть на зуб, норовя её прокусить.

«Он не отстанет! – злился Мауи. – Метнуть гарпун? Нет, полосатик глубоко под водой! Вдруг уйдёт с гарпуном в спине? Что я скажу дяде Момо? Ведь это его снасть».

Тогда в голове мышака родился дерзкий план. Тотчас же он взял самую длинную верёвку. Один конец привязал к мачте, а другой – к своему хвосту. Схватив гарпун, Мауи прыгнул в море.

Вот он, жёлтый полосатик. Жуёт сеть, будто водоросли. А бедные рыбки забились едва ли не под днище лодки, лишь бы оказаться подальше от кровожадного хищника.

Энергично работая лапами и подруливая хвостом, Мауи приблизился к селару. Тот слишком увлёкся сетью и не видел мышь. За это и поплатился – гарпун ударил его в бок, пониже жёлтой полосы. Рыба так сильно дёрнулась от боли и неожиданности, что мышак едва не упустил гарпун. На всякий случай он отплыл подальше, ведь подранок мог напасть и на него. Однако селар поспешил скрыться в глубине. Посмотрев ему вслед, Мауи увидел косяк рыбы, подобный облаку невероятных размеров. Нельзя было различить

отдельных особей – тысячи и тысячи следовали друг за другом. Посередине мышак разглядел тигровую акулу, от которой шарахалась рыбёшка. По телу Мауи пробежала дрожь: эти хищники наводили страх даже на самых отважных. Никому бы и в голову не пришло бороться с ними. К счастью, акулу увлекла добыча. Её ничуть не интересовала мышиная скорлупка.

Вынырнув и отдышавшись, Мауи снова погрузился, чтобы проверить сеть. Порывов не было, лишь потёртости в тех местах, где её жевал жёлтый полосатик. А стадо, увидев перед собой привычное меховое тело, понемногу успокоилось. Всё-таки она была домашней, эта рыба.

Кончив осмотр, мышак забрался в скорлупку. Он присел отдохнуть на рундук и оглядел горизонт. Треугольный парус! Как некстати привязался жёлтый селар! Мышак мог бы заметить нежданного гостя и раньше.

Скоро он смог увидеть корабль, без труда узнав в нём шебеку – небольшое трёхмачтовое судно, которым часто пользовались китайские торговцы. Если сначала Мауи думал, что корабль следует встречным курсом, то теперь сомнений не оставалось: рыбацкую лодку заметили, и судно идёт прямо к ней.

Мышак не мог вспомнить ни единого случая, когда китайцы устраивали торг посреди моря. Обычно затевали ярмарки, чтобы все – покупатели и продавцы – могли приехать на целый день, расположиться с удобством и спокойно за-

ключать сделки. А бывало так, что купец объезжал острова и торговал с их обитателями. Но никогда – в море. Потому Мауи, скорее на всякий случай, открыл рундук и переложил крис поверх других вещей. Встречи не избежать: слишком уж тихоходна рыбацкая лодочка.

Когда корабль подошёл вплотную, Мауи услышал грубый голос, отдающий команды. Распоряжения перемежались с грязными ругательствами. Над высоким бортом возникли две морды.

– Вы посмотрите, кто у нас тут! – произнесла первая, сощурив узенькие глазки. Мауи оторопело смотрел на эту рожу самого бандитского вида.

А вторая морда, грубо осклабившись, пробасила:

– Чего тебе надо в нашем море?

Мауи узнал голос – этот крыс командовал на корабле. Похоже, он пользовался авторитетом.

– С каких это пор пролив между Тараваи и Араутакой стал вашим морем?! – с вызовом спросил Мауи.

– Вы посмотрите – он ещё и огрызается! – злобно усмехнулся вожак. – Эй, Вэнь Хо, а ну-ка покажи мышу-малышу, кто мы такие!

– А почему я-то?! – обиженно прогнусавил тощий грызун, высунув мордочку. – Пусть кто-то другой туда лезет!

Получив затрещину, Вэнь Хо рухнул как подкошенный. Пропал и вожак, а затем послышались глухие удары и жалобный писк. Через полминуты Мауи вновь увидел побито-

го. Обиженно зыркая на вожака, тощий взобрался на фальшборт, держась за ванты. Мауи понял, что перед ним стоит настоящая крыса! Эти звери крупнее мышей раза в полтора. Вэнь Хо – заморыш среди сородичей – выглядел внушительно по сравнению с Мауи. Раньше мышак никогда не видел крыс, потому что на островах они не водились. Крысам приписывали подлость и коварство, особенно в отношении мышей. А может, напрасно наговаривали. [7]

Если у Мауи и были сомнения, то Вэнь Хо их тут же развеял. Он достал из-за пояса большой нож и закусил его зубами, освободив передние лапы. Затем прикинул расстояние между шебекой и лодкой, раскачался хорошенько и прыгнул. Не долетев полшага, крыс шлёпнулся в воду, но тут же вынырнул, схватившись за бортик. Кокосовая скорлупа резко накренилась, опрокинув Мауи на палубу.

От качки рундук открылся, и Мауи без колебаний схватил крис. Когда Вэнь Хо с кряхтением перевалился через бортик, мышак подскочил к нему и воткнул крис прямо в брюхо. Коротко вскрикнув, Вэнь Хо раскинул лапы, будто в удивлении, а потом упал в воду и тут же пошёл ко дну.

Шебека взорвалась криками гнева. Вряд ли крысы жалели Вэнь Хо. Они пришли в ярость, что какой-то рыбак решил сопротивляться и убил одного из них.

– Ах ты маленький негодяй! – закричал вожак, прибавив

---

[7] Фальшборт – ограждение по краям палубы. Ванты – верёвки, которыми крепят мачты.

ещё несколько бранных слов.

Крысы ненадолго исчезли, а когда явились вновь, у Мауи сердце ушло в пятки. Разбойники вернулись с короткими луками. По одному слову вожака они могли пронзить его маленькое мохнатое тело.

«Что делать?! – судорожно соображал мышак. – Драться? Но как?! Бежать? Куда?! Вокруг море, а до земли далеко».

– Эй, убивец! – крикнул вожак с мрачной иронией. – Бросай свою железку и встречай призовую команду. Не дёргайся, иначе мои бравые парни сделают из тебя ёжика!

Кто такой ёжик, Мауи не знал, хотя и без того слова главной крысы были понятны. Испытывая жгучую обиду, он разжал пальцы. Отцовский крис, испачканный кровью Вэнь Хо, брякнулся на палубу.

А дальше всё случилось очень быстро. Пираты ловко подцепили абордажными крюками скорлупку Мауи и поставили борт о борт с шебекой. На палубу рыбацкой лодки спустились две крысы. Тесновато, да разве головорезам это помешает?

Первым делом они забрали крис, а потом сильно избили несчастного Мауи. Затем его перебросили на шебеку. Рундук полетел вслед за ним, и крысы принялись за грабёж. У мышака брать было нечего, а вот крис, съестные припасы и вода быстро разошлись среди морских разбойников. Каноэ засунули в трюм, где хранилась крупная добыча.

– Гунтур, что делать с этой мышью? – спросил вожака

один из пиратов. – Разреши выбросить его в море? Посмотри на него – голытьба! Вряд ли родичи дадут за него хоть какой-то выкуп.

Мауи разлепил глаза, стараясь разглядеть своих мучителей.

Угрюмый Гунтур, вожак пиратов, был статным крупным зверем с чёрно-серой шерстью и шрамом поперёк носа. Он носил шаровары, белую рубашку, а поверх неё наглухо застёгнутый кожаный жилет, служивший ему нагрудной бронёй.

А крыса, желавшая выбросить Мауи за борт, была менее удачлива, чем её командир. На правой лапе не хватало двух пальцев. Похоже, пират расстался с ними совсем недавно: кровь на тряпке, закрывавшей обрубки, была свежей.

Калечный крыс носил мундир с содранными погонами, и Мауи угадал в нём дезертира. Хоть юноша никогда не бывал в заморских странах, он знал, что там военная служба устроена иначе, чем на родных островах. Вместо ополчения воевали регулярные армии. Количество солдат и качество оружия зависело от толщины государственного кошелька, но две вещи оплачивались наперёд прочих: военная форма и парады. Без них армия – не армия. Давно известно, мышиный воин, одетый в мундир, вселяет ужас в сердца врагов. И неважно, что он марширует по грязной улице своей нищей деревни.

– Нет, – решил Гунтур. – Пленник молод и силён. Мы

продадим его Сюркуфу. Этот пройдоха просил наловить ему островитян. Уж не знаю зачем, – крыс подумал немного. – Или предложим Мусорному Барону. В Трюме постоянно нужны новые рабы. Мрут без счёта.

– А если не возьмёт? – засомневался дезертир. – Что, будем возить его туда-сюда и кормить за просто так?

– Не возьмёт Барон, продадим в Асаханский султанат, – раздражённо ответил вожак. – Каннибалы острова Минданао рады всем. Мы завсегда можем сбыть его на невольничьих рынках Калимантана и Сулавеси. Мало ли мест, где нужны здоровые рабы. А чтобы он не скучал в плавании, мы его определим на вечную вахту на нашем дредноуте! – он громко расхохотался. [8]

Тем временем крысы закончили потрошить рундук и выгребли всё ценное из лодки. Мауи заметил, что никто не прятал добычу по карманам. Всё найденное складывалось у грот-мачты на видном месте. [9]

Гунтур построил команду и сказал:

– Молодцы! Хорошо потрудились! По закону две доли добычи принадлежат капитану, и пусть каждый возьмёт себе по одной. И не забудьте вы, тухлые креветки, отложить долю Вэнь Хо, да смилостивится Тангароа над его душой. Я отошлю её безутешной вдове и деткам.

– У него же никогда не было жены и детей, – раздался

[8] Мощный военный корабль.

[9] Самая большая мачта на корабле.

тонкий голос сутулого крыса. – Он сам хвастался, что его корабль ещё не налетел на рифы семейной жизни.

Гунтур хмыкнул, подошёл к матросу и сильно ударил его в живот. Правдоруб согнулся, ловя ртом воздух.

– Если был холост, то я передам его долю в фонд мира во всём мире, – пояснил Гунтур, обводя команду злобным взглядом. – Пусть послужит благотворительности. Есть возражения?

Кто встанет на пути капитана, преисполненного добрых намерений?

– Я возьму этот кинжал, – капитан поднял крис над головой. – Показываю его всем, чтобы ни один из вас, сволочей, не посмел обвинить меня в нарушении морского закона. Я знаю, что Сюркуф коллекционирует всякое туземное оружие. Пожалуй, он не откажется купить и это.

Он подумал немного, собирая складками шерсть на лбу. Вдруг досадливо крякнул, вспомнив что-то важное.

– Надо же! Пропустил официальную часть. Эй ты, дикарь! Да будет тебе известно, что ты и твоё судно арестованы по выданному нам каперскому патенту. – Гунтур с прищуром посмотрел на мышака и махнул лапой. – Э, ты всё равно ничего не поймёшь. [10]

Потом капитан снова повернулся к морякам и заговорил:

---

[10] Каперы или корсары – частные лица, которые имеют право нападать на торговые корабли страны, с которой воюет государство, выдавшее им каперский патент.

– Мы выполнили данный нам приказ. Вот этот мышак буксировал целый косяк рыбы. Теперь рыба наша, и что из этого следует? Из этого следует, что задача фуражировки нами выполнена. Можно возвращаться домой.

Крысы радостно переглядывались в предвкушении веселья.

– Все по местам! – принялся командовать капитан. – Рулевой, курс на Мусорный Остров! Старший помощник! Тайпен, ты оглох? Подтяни буксировочный канат. А сначала тащи пленного в трюм. Нечего ему здесь околачиваться.

Тайпеном звали ту самую крысу-дезертира. Мерзавец подошёл к Мауи, больно стукнул, а затем, толкая перед собой, повёл в трюм.

– Рыбачок-рыбачок, сам попался на крючок! – оскалил зубы Тайпен, дав мыши такого пинка, что бедный Мауи едва не упал в люк, ведущий в нижнюю часть корабля.

Они спустились в сырой обгаженный трюм. Крысы-пираты не особенно жаловали чистоту. Матросы, свободные от вахты, спали в подвешенных гамаках. Почему-то грязь и вонь им не мешали. Зато Мауи, житель вольных островов, смердение объедков и крысиных испражнений счёл невыносимым.

Тайпен, злобно ругаясь, провёл пленника в переднюю часть корабля, где была каморка, больше походившая на шкаф. Сначала Тайпен заставил Мауи выгрести оттуда всю рухлядь, а потом – забраться в каморку самому.

Щёлкнул замок, затихли шаги Тайпена, а на Мауи навалились боль, усталость и страх от пережитого. Он подобрал под себя лапы, обвил их хвостом и горько заплакал. Мышонок был совсем один в вонючем трюме пиратского корабля, который вёз его навстречу рабству.

Глава третья. Пленники пиратского корабля

Посидев в каморке, Мауи немного успокоился. Его выдернули из обычной жизни, словно клубень с грядки. Вдали от родичей приходилось рассчитывать только на себя.

В тихой тоске подошло время обеда. Мауи жалел о кусочках батата и ракушке с водой. Всё отобрали пираты. От голода, страха и усталости слёзы снова потекли из глаз.

Загремели кастрюли, потянуло рыбой. Кажется, варили похлёбку. Мышак с горечью подумал – из его рыбы. Мерзкие пираты поедают стадо, выращенное для соседей с Тараваи! А про пленника бандиты, конечно же, забыли. Пришлось Мауи глотать слюну, заглушая урчание в животе.

Тут за дверью послышались шаги, скрипнул замок, и в щели появилась алюминиевая миска с супом.

– Вот, держи, – произнёс тихий голос.

Мауи взял миску и поблагодарил незнакомца.

– Пожалуйста. Крепко тебе досталось, да?

– Очень болят рёбра, – пожаловался Мауи. – Меня сильно избили.

– Негодяи, – согласился незнакомец. – Пираты так поступают со всеми пленниками, чтобы сразу показать им, кто здесь хозяин. Со мной было так же.

– Так ты не пират?! – удивился Мауи.

– Почему же, пират. Меня зовут Сухарто. Я служу коком, то есть корабельным поваром.

Дверь отворилась пошире, и Мауи увидел худую носатую крысу в грязном фартуке поверх саронга – длинной юбки с традиционными узорами. На плечи повар набросил куртку с красивой вышивкой. Впрочем, тоже изрядно замызганную.

– Чего ж ты меня жалеешь, пират? – спросил мышак, принимаясь за похлёбку. Он пил её, точно чай из блюдца, пока Сухарто не протянул ему оловянную ложку.

– Я не всегда был таким. Не так давно я служил счетоводом при почтенном господине Лю Кванге, уважаемом купце из Сайгона. Это его корабль, вернее, был его, – поправился Сухарто. – «Хотэй» принадлежит Гунтуру и его бандитам. Капитан переименовал судно в «Мару». Ему так ближе. [11]

– Как это вышло? – пробубнил мышак набитым ртом.

Взглянув на него, Сухарто улыбнулся:

– И у меня разыгрался аппетит.

Он оставил дверь приоткрытой и вскоре вернулся с тарелкой супа и ложкой. Крыс присел на порог и принялся за еду. Некоторое время ели молча, а потом любопытство Мауи заставило его нарушить тишину:

– Так что же всё-таки случилось с вашим кораблём? Как он попал в лапы этих головорезов?

---

[11] Хотэй – японский бог благополучия и счастья. Мару – бог войны у маори, коренного народа Новой Зеландии.

Повар задержал ложку в супе и грустно посмотрел на Мауи.

– Печальная история. Стоит начать с того, что господин Лю Кванг был очень уважаемой жабой. В первую очередь потому, что всего в жизни добился сам. Ещё в молодости он проплыл на небольшом плотике по великой реке Меконг от родного болота до большого города Сайгон, что стоит на берегу Южно-Китайского моря. По первости он влачил жалкое существование на берегу, как и многие другие эмигранты. Перебивался тем, что приносили морские волны. Его сердце пылало восхищением, когда он смотрел на высокие дома людей, взрывающие ночь яркой неоновой рекламой. О, Мауи, я тоже их видел – завораживает!

Мышак согласно закивал, хотя и не видел в ночи ничего ярче луны и звёзд. Снова взявшись за ложку, кок стал переправлять суп из миски в рот.

– Поначалу Лю Квангу пришлось нелегко. Он стеснялся своего происхождения. Жабе казалось, что тело бурого цвета до сих пор пахнет болотом, а выпученные глаза отпугнут деловых партнёров. Было ещё одно обстоятельство, о котором он рассказывал, посмеиваясь над собой.

Сухарто улыбнулся, припоминая старого знакомого.

– В минуты волнения Лю Кванг терял контроль. Его горловой мешок раздувался, и несчастный Лю оглушительно квакал. Частенько посередине фразы.

Впервые с той минуты, как попал в плен, Мауи улыбнулся,

представив себе несчастную жабу.

– Он ужасно стеснялся своего недостатка и много работал над собой с присущим ему упорством. В конце концов, Лю поборол изъян и уже не квакал невпопад. Вплоть до несчастливого дня, когда напали пираты. – Повар забылся, и миска едва не соскользнула с его коленей.

– Впрочем, не будем забегать вперёд. Лю Кванг устроил магазин и склады в обувных коробках. Он нанял крабов, которые откапывали вещи из песка. Частенько люди теряют ценное на пляже, и кое-что выбрасывает шторм. Обычно крабы успевали к добыче первыми. И могли за себя постоять, если возникал спор.

Подкопив денег, Лю Кванг начинал новые проекты. Например, спа-отель на родном болоте. Он приглашал туда состоятельных мышей из города, убеждая их, будто бы там грязь лечебная.

Повар выразительно махал лапой, объясняя Мауи такие вещи, о которых тот и понятия не имел.

– Счастливый случай помог нам познакомиться. Однажды на базаре он подошёл к лотку, чтобы купить сушёных кузнечиков. Продавец обсчитал его, а я увидел и сказал господину Лю. Конечно, продавец тут же стал кричать на меня, словно это я мошенник. А господин Лю так треснул его палкой по лбу, что у негодяя пропало всё желание продолжать.

Сухарто замолк, обнаружив, что Мауи смотрит на него с раскрытым ртом. Юному мышаку до смерти хотелось

узнать о жизни в дальних странах.

– В ту пору я был очень беден, – стыдливо сказал Сухарто. – Едва смог наскрести грошей на кузнечиков. Во Вьетнаме сушёные кузнечики – это самая дешёвая еда. Мои беды кончились в тот счастливый час, когда я познакомился с господином Лю. Мы отошли, он взял меня за лапу и сказал, что я очень хорошо считаю и могу быть ему полезен. А потом спросил, не желаю ли пойти к нему в услужение. Конечно, я согласился.

Он улыбнулся, вспоминая едва ли не единственную удачу в своей жизни.

– Проект спа-отеля лопнул с треском, как только выяснилось, что далеко не все мыши-толстосумы добираются от города до отеля. Кто-то пустил слушок, будто мы грабим постояльцев, убиваем и бросаем трупы в воду. Потом полиция выяснила правду.

Оказывается, речные змеи пронюхали о новом заведении и уже поджидали лодки с нашими гостями. Ума не приложу, кто им рассказал?

Когда история всплыла в газетах, никто больше не хотел ехать в отель, и наше заведение понемногу захирело. На местных ничего не заработаешь. Они могут и забесплатно искупаться в грязи.

– Как же вы оказались в море на корабле? – нетерпеливо спросил Мауи.

– Сейчас-сейчас, я уже подхожу к этому, – успокоил его

Сухарто. – Господину Лю Квангу пришлось продать отель за бесценок, однако он не унывал. На вырученные деньги он купил вот эту шебеку и переименовал в «Хотэй», надеясь, что новое имя принесёт удачу и процветание. На самом деле, это очень старый корабль. Его построили давно, во время Второй Индокитайской войны, чтобы возить контрабанду. Тебе бы «Хотэй» понравился. Он быстроходен, чтобы спасаться бегством, если заметят, и трюм у него вместительный – туда влезает много запрещённых товаров. [12]

– Какой войны? – не понял Мауи.

– Было время, когда большие армии людей сражались друг с другом. Им требовалось много припасов, часть из которых попадала в наши лапы. На войне наживались все, не исключая наших правителей. Они хотели обложить нас налогами, а мы возили товары тайком, контрабандой. Понимаешь? [13]

Мауи охотно кивнул, хотя не всё понял. Мир оказался слишком большим для самого первого путешествия.

– Итак, господин Лю Кванг отремонтировал шебеку, нагрузил её товарами и стал плавать из Сайгона на ближайшие острова. У него было много конкурентов, и он быстро смекнул, что больших денег тут не заработаешь. Тогда он поплыл дальше – в Сингапур, на Тайвань, на Борнео, и прибыль пре-

---

[12] Масштабный вооружённый конфликт, начавшийся в 1950-х годах и окончившийся в 1975 году. Происходил на территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

[13] Мыши широко освоили тайные перевозки колониальных товаров в людских грузах. Источники дают противоречивые оценки объёмов контрабанды.

взошла самые смелые надежды. А ещё Лю Кванг требовал, чтобы я был при нём. Только мне он полностью доверял. Что оставалось делать? – Сухарто развёл лапами. – Разве можно отказать своему благодетелю? А ведь я не люблю морские путешествия.

– Потом у господина Лю возник смелый план, – продолжил повар. – Он решил отправиться дальше, на восток от Филиппин. Другие купцы рассказали ему, будто там много небольших островов. И будто тамошние мыши выращивают жемчуг в мангровых зарослях и не знают ему цены. Меняют пустяковые безделушки на гору жемчужин!

Крыс осёкся, сообразив, что ляпнул лишнего. Видя его смущение, Мауи усмехнулся:

– Да, мои сородичи на Тараваи добывают жемчуг на морском дне. И мы не так глупы – мы знаем ему цену. Он сполна оплачен жизнями ныряльщиков.

Сухарто смутился и затих, доедая уже остывший суп. Он поставил тарелку на пол и облизал ложку.

– Торговля с островными государствами принесла Лю Квангу баснословный доход. Я знаю наверняка, ведь всюду следовал за ним. Понемногу господин изучал вас, островитян, и приспосабливался. Например, он купил китайскую одежду, дабы походить на ваших давних торговых партнёров. Лю верно рассудил, что мыши с островов не различают китайца и вьетнамца, а смотрят разве что на одежду и внешний вид. В то наше последнее плавание господин Лю был

одет в китайский халат с драконами и квадратную шапочку, какие носят чиновники-мандарины. Я это точно помню, – снова вздохнул Сухарто. – Наш господин имел большие планы насчёт торговли с атоллом Матубару. Если бы он заработал репутацию честного торговца, то получил бы привилегию открыть лавку в Коралловом городе. Однако его планам не суждено было сбыться.

Мауи подобрался, предчувствуя развязку.

– Мы бросили якорь у тропического острова, чтобы размять лапы после долгого плавания. Господин Лю отправился на озеро. Уж больно любил он плескаться в пресной воде. Неожиданно появились две лодки. Пираты быстро захватили «Хотэй», а их подельники взяли нас. Бежать и сопротивляться не имело смысла.

Пираты выловили Лю Кванга из озера, пополнили запасы пресной воды и перевезли всех на корабль. Я хотел бы сказать «наш», только он был уже не наш. Пока шебека следовала на их базу, пираты обыскали судно, пересчитали товар и отобрали у нас всё ценное.

Затем они стали нас бить и пытать, выведывая, у кого есть богатые родственники. Выяснилось, что никто из матросов не имел за душой ничего, что бы не поместилось в рундучок.

Бандиты хотели получить побольше от Лю Кванга, а тот объяснил им, что все его деньги вложены в судно, команду и товары. Бедняга! От волнения он даже перестал контролировать свою речь. Его горловой мешок раздулся, и господин

начал квакать через слово. Даже своё имя произнёс как «Лю Ква-ква-кванг». Затруднение позабавило и разозлило пиратов. Они намеревались отрезать ему этот мешок и сделать из него флягу, но в итоге просто избили.

Сухарто молчал так долго, что Мауи решился побеспокоить его.

– Что же было дальше?

– Поняв, что больше с нас взять нечего, пираты построили всех в очередь и принялись бросать за борт, – севшим голосом сказал Сухарто. – Гунтур, Тайпен и другие участвовали в расправе. Подводили очередного бедолагу и отправляли на корм рыбам. Кто-то тонул сразу, а кто-то старался плыть.

На его глазах выступили слёзы.

– И вот пришёл мой черёд. Знал бы ты, как страшно мне стало! Они подвели меня к борту…

– Как ты спасся?! – воскликнул Мауи.

– Закричал во всё горло: «Я не хочу умирать! Я буду, я буду служить вам! Возьмите меня в отряд!»

– И они согласились?!

– Да. Только сначала пираты заставили меня… казнить моих друзей, – закончил Сухарто едва слышным голосом. – Понимаешь, их бы всё равно убили, а я выжил. Понимаешь? – он с тоской посмотрел на Мауи, а тот таращился на него круглыми от изумления и ужаса глазами.

– И первым я убил моего благодетеля, доброго господина Лю Кванга. Когда его бросили в воду, он поплыл – жабы

не тонут. Мне принесли лук и заставили стрелять, пока Лю не пошёл на дно, оставив на поверхности пятно крови и свою квадратную шапочку.

Сухарто горько усмехнулся:

– Вот ты, наверное, думаешь, какое чудовище сидит перед тобой. И ты прав, конечно. Среди домочадцев, в уюте родного гнезда, мы все хорошие и добропорядочные граждане. Всё меняется, когда ты стоишь в шаге от неминуемой смерти. Я не герой, а простой счетовод.

В общем, кончив расправу, я повязал себя кровью с бандитами. Они определили меня на камбуз. С тех пор я с ними участвую в разбое и получаю свою долю добычи, век бы её не видать!

В трюме послышались чьи-то шаги, и знакомый голос рявкнул:

– Сухарто! Да чтоб тебя забрали морские дьяволы! Долго ли капитан будет ждать свой обед?! Или ты хочешь, чтобы он сам за ним явился?!

Повар забеспокоился, завертелся, но ничего сделать не успел. За его спиной возникла фигура в синем мундире.

– Ты что тут устроил?! – заорал Тайпен. – Почему ты рассиживаешься с пленным, пока братва голодает? Мы всё ждём, когда ты подашь свою вонючую похлёбку!

– Не твоё дело, – пробубнил Сухарто, опустив голову. Он встал, протиснулся мимо Тайпена, и пошёл на кухню.

Дезертир зыркнул на Мауи и ухмыльнулся.

– Эге, да ты, похоже, излил душу этому дикарю! – Тайпен загоготал. – Думаешь упасть ему на грудь, чтобы он пожалел тебя? Отличная идея! Давай, расскажи, как упирались твои товарищи, когда ты своими же лапами толкал их за борт! Как они просили пощады, вспоминали вашу дружбу! И как ты был глух к мольбам!

– Ах ты гад! – взвился Сухарто. – Хочешь сказать, я ничего про тебя не знаю?! Ты, предатель, зарезал офицера и своего командира из-за чего? Из-за карточного долга! Подлец! Убийца!

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Тайпен налетел на Сухарто, да так встряхнул его, что чуть не порвал фартук. Две крысы сцепились, и не миновать бы крови, но в трюме появился дневальный матрос:

– Чёртово семя! Вы что тут устроили?! Скажу капитану, и он пропишет вам двадцать примиряющих ударов плетью. Посмотрим, как затрещат ваши шкуры да отвалятся хвосты!

Тяжело дыша и обжигая друг друга взглядами, полными ненависти, крысы разошлись по сторонам. Повар налил похлёбку и понёс капитану долгожданный обед. А Тайпен с угрозой в голосе сказал Мауи:

– Не вздумай вылезти наружу, кокосовое отребье! – и тут же хохотнул, точно вспомнив что-то смешное: – А везёт нам на рыбачков! Ловим вас пачками. Помню, недавно продали нескольких Мусорному Барону. За них щедро заплатили. Хоть они и меньше крыс, зато сильные и здоровые. Эти

в Трюме протянут долго, пока не передохнут от сырости, голода и побоев. А нам-то что? Мы на те деньги пьянствовали неделю!

Увлечённый своими рассуждениями, дезертир не заметил, как округлились глаза Мауи и как тот задрожал.

– Постой! – крикнул мышак. – Вы схватили рыбаков с такими же рисунками, как у меня?!

– Разводы на мордах у них были – это точно, – кивнул Тайпен. – А больше ничего не помню. Какая разница?

С этими словами он захлопнул дверь перед носом Мауи, и все остальные вопросы застряли у того в горле. Неужели отца с соплеменниками захватила эта же банда?! Может ли быть такое, что их не убили, как друзей Сухарто, а продали какому-то Мусорному Барону в трюмные рабы? И кто такой этот Барон?

Мауи сел на пол, приводя в порядок мысли. Пока корабль не доберётся до цели, вряд ли удастся выяснить что-либо ещё. В мышином сердце искрой вспыхнула надежда, что папа жив и обязательно отыщется. А уж он, Мауи, постарается вызволить отца из плена и вернуть домой. Правда, для начала нужно вырваться из неволи самому.

«Больше никаких слёз!» – решил Мауи. Он заметил, что Сухарто, сцепившись с Тайпеном, совершенно позабыл про миску и ложку. Мышак спрятал ложку за пояс своей юбки и пнул миску подальше с глаз в тёмный угол.

И снова потянулись часы одиночества. От скуки мышак

обследовал темницу и нашёл маленькую щель в корпусе судна у самого пола. Он лёг рядом с ней и смотрел на море.

Посвежело. Лёгкие облачка приняли оттенок папайи с красноватым отливом, а сердце защемила тоска по дому.

«Вот уже и вечер, – подумал Мауи. – Наверное, сейчас мама сидит на пёстром камне и гадает, доплыл ли я до Тараваи. Или к ней зашёл Момо и прожужжал уши о моих проводах».

Он усмехнулся: дядя может до смерти заболтать даже морскую губку. Хотя как раз это и нужно матери, оставшейся без сына и мужа.

Мышак неловко повернулся, и в живот ему ткнулось что-то твёрдое.

– Как же я мог забыть про ложку! – воскликнул он и тут же зажал рот лапами, испугавшись, как бы его не услыхали пираты.

За дверью было тихо – видимо, все заняты на палубе. Тогда Мауи сел в уголок и принялся точить ложку о суповую миску. Свет, сочившийся через щели, угас. Стемнело.

В кубрике послышался шум, насторожил Мауи. Не за ним ли явились пираты? Мышак нашёл маленькую дырочку в двери и прильнул к ней.

В трюм пришли матросы, окончив вахту. Переругиваясь и толкаясь в тесноте, они стали разворачивать гамаки. И вокруг одного из них – совсем маленького хомячка с рыже-кремовой шерстью – разгорелся скандал. Верховодил всеми Тайпен. Похоже, склочный негодяй нашёл, за что придрать-

ся к рыжему малышу.

– Эй, Шульц! – крикнул он. – Кажется, ты собрался на боковую, якорь тебе в глотку! А не рано ли? Ведь это из-за тебя мы сейчас болтаемся по морям, а не веселимся в «Безногом крабе»! [14]

– Позвольте, в чём же я виноват?! – удивился хомячишко. Он сжался от страха, когда пираты обступили его.

– А кто неверно проложил курс?! – не унимался Тайпен.

– С тех пор, как ты погнул секстант, я не могу точно определить наши координаты, – оправдывался Шульц. – Я пробовал учитывать погрешность в несколько угловых минут. Не помогло, потому что ты, Тайпен, не только погнул прибор, но и потоптался на нём. Теперь секстант ни на что не годен. [15]

Навигатор сказал правду и тотчас поплатился, потому что крыс набросился на него и стал шлепать ладонями по ушам и по голове. Вроде бы не больно, но обидно.

– Ты ещё поумничай! Поговори мне тут! – кричал Тайпен. – Я тебя на куски порежу и отправлю твоей невесте в Баварию посылкой через Сингапур. До востребования! – он захохотал.

---

[14] Таверна в Южном порту на Мусорном Острове. Во время описываемых событий – грязный притон, где собирались пираты и контрабандисты. Её владельцем была мурена по имени Фердинанд, которая варила особое пиво из ядовитых моллюсков. Ныне «Безногий краб» – популярная туристическая достопримечательность.

[15] Измерительный инструмент для определения географических координат.

А Шульц почёл за лучшее сбежать из кубрика подальше от драчливого крыса.

– Иди-иди! – кричал Тайпен ему вслед. – Стой хоть всю ночь напролёт, но определи, где мы сейчас и куда нам плыть!

Мауи отошёл от двери, сел на пол и обхватил голову лапами.

«Как сильно они ненавидят друг друга. Почему? Ведь это одна команда. Все вместе либо доплывут до цели, либо погибнут в море!»

Порядки на пиратском корабле были самые дрянные. Так непохоже на Араутаку! Хоть мыши порой ссорились, до настоящих драк доходило редко. Злоба к сородичам порицалась. А уважению учили с детства по сказкам и народным преданиям. Если кто-то преступал закон, то селяне избирали судей из самых уважаемых мышей, и те назначали наказание.

Понемногу кубрик затихал. Погасли все светильники, кроме одного на крючке у лестницы. Вскоре Мауи услышал густой храп, вырывающийся из крысиных глоток, подобно львиному рыку. Пираты спали, кто-то бормотал во сне, поскрипывал корпус, в щели тянуло солёным запахом воды.

Мышак решил, что пираты крепко спят, а их храп заглушит любой звук, если даже запеть. Потому он снова принялся острить заточку. Вдруг что-то сильно бухнуло в дверь. От неожиданности пленник аж подскочил и выронил ложку.

– Эй ты, там! – раздался окрик Тайпена. – Кончай скре-

стись! Дверь крепкая, и даже если сточишь об неё все зубы, то ни за что не откроешь! Тихо! Больше сапог бросать не буду – приду лично и отрежу хвост!

Поразительно, насколько чуткий слух у бандита. Делать было нечего, и мышак стал укладываться спать, справедливо рассудив, что утро вечера мудренее. Ему долго не удавалось найти удобную позу на жёстких досках. В каморке не нашлось плетёного коврика, которые мыши так любят класть на пол и вешать на стены в своих домах. Наконец Мауи свернулся клубочком, пригрелся в шерсти и засопел.

Рано утром его разбудил звук отпираемой двери. Снова появился повар и протянул ему сухарь и кружку воды. Мауи поблагодарил крыса, начал есть и внезапно понял, что Сухарто пристально смотрит на перевёрнутую миску посреди каморки.

«Ой! – Мауи едва не подавился. – Я совершенно забыл её спрятать!»

На жестяном боку густо блестели царапины от заточки. Только полный дурак не понял бы очевидного. А Сухарто дураком не был. Он поднял тарелку, повертел в лапах и сказал:

– Совсем испортилась. При удобном случае выброшу её за борт.

И ушёл, прихватив с собой посуду.

Скоро дверь снова открылась. Явился незнакомый пират. Он велел Мауи опорожнить за борт ведро, послужившее

пленному ночным горшком. А потом мышаку пришлось выливать остальные вёдра, что поджидали его в кубрике, и чистить их пучком травы, морщась от тухлого запаха крысиного помёта.

В это время на палубе разыгралась драма. Несчастного навигатора Шульца обступили пираты во главе с Гунтуром и Тайпеном. Заикаясь от страха, хомячок оправдывался:

– Я был совершенно уверен, что взял правильную поправку. А Остров! Остров постоянно движется. Он совсем не там, где был сутки назад. Направление и скорость его движения – военная тайна. Как прикажете работать? Нам же не сообщают! Да войдите в моё положение, наконец! – пискнул он в отчаянии.

Хоть он говорил честно и был по-своему прав, пираты разозлились ещё сильнее. И быть ему выброшенным за борт, если бы марсовый матрос не закричал с вышины: [16]

– Птицы! Вижу птиц слева по борту!

Гунтур оттолкнул Шульца, прошёл на левый борт и вперился в морскую даль. По его приказу рулевой сменил курс.

Через некоторое время Мауи увидел вдали тёмную массу, мало похожую на привычную полоску земли. Корабль шёл к ней на всех парусах, и скоро мышак убедился, что это совсем не атолл Матубару. Из моря вырастала куча мусора невероятных размеров, закрывавшая горизонт. Над ней носились птицы. Они непрерывно галдели, падали вниз и под-

[16] Площадка на мачте, где вахтенный матрос ведёт наблюдение.

хватывали что-то, а затем взмывали в небо.

Воздух наполнился прелью и тухлятиной. Чем ближе к острову подходил корабль, тем страшнее воняло. Вонь забиралась в шерсть и проникала даже сквозь пальцы, которыми Мауи зажал чувствительный мышиный нос. «Если я ступлю на сушу, то пропитаюсь зловонием и никогда не смогу отмыться», – в отчаянии подумал он.

Пока Мауи стоял, прикрыв слезящиеся глаза и сдерживая тошноту, к нему тихо подошёл Тайпен и сказал с привычной издёвкой:

– Неужели аромат нашей родины режет нежные глазки, рыбачок? Хе-хе! Ничего, привыкнешь, обживёшься. Полюбишь эту юдоль скорби и отчаяния для таких, как ты.

Стена прессованного мусора поднялась перед шебекой на недосягаемую высоту. В горе имелся проход, обозначенный исполинскими шинами от карьерного самосвала. Они стерегли вход в бухту.

– Впечатляет, да? – Тайпен упивался своей властью над пленником. – Вот она – зримая мощь нашей цивилизации! Куда вам до нас, жалкие дикари! Вы, поди, не встречали ничего сложнее банана?

Корабль шёл внутри просторного ущелья между мусорных кряжей, где перемигивались стеклянные бутылки и донышки консервных банок.

Позади остались голубые волны и окна в глубину. А тут вода как трупная жижа: в ней плавали пластиковые пакеты,

гнилые водоросли и разбухшие плюшевые игрушки. Шебека бодро протолкалась среди всякой дряни и вышла в широкую бухту, окружённую мусорными валами со всех сторон. Здесь, в удобной гавани, «Мару» бросил якорь.

Глава четвёртая. Прибытие на Мусорный Остров

Гунтур отдал команду, и матросы забегали, убирая паруса и приготовляя крепкие канаты с петлями на концах. В суете про Мауи забыли. Он с любопытством разглядывал место, куда занесла его судьба.

В порту были причалы из камней и прессованного мусора. Их покрывали куски пластика, нарезанные из разных упаковок. Это придавало причалам пёстрый, аляповатый вид.

К шебеке резво бежали крысы в грязном тряпье. А за ними трусил зверь, какого Мауи никогда не видывал. Он походил на крысу, но был раза в два крупнее. На заросшей рыжим мехом морде едва просвечивали чёрные блестящие глаза. А мощные резцы, выступавшие из-под верхней губы, внушали Мауи трепет. Похоже, крупный зверь был тут за главного.

Мауи не ошибся – бригадой портовых рабочих руководила нутрия по имени Августа. Её история примечательна и стоит подробного рассказа.

Когда-то Августа жила на вилле американского дипломата в Сиднее и была любимицей его дочери. Хотя нутрия имела всё, чего можно хотеть, приёмную семью она не жаловала. Однажды дипломат с семьёй отправился из Сиднея в Порт-

Морсби – столицу Папуа – Новой Гвинеи. При первой же возможности Августа сбежала. [17]

Помыкавшись некоторое время среди трюмных крыс, она перебралась в гостеприимное семейство вомбатов. Общество добрых, но недалёких зверьков быстро наскучило Августе, и нутрия сошла на берег в Порт-Вила. Там пароход делал остановку, чтобы принять на борт пассажиров и уголь. Затем судно отправилось дальше, увозя в закат безутешную дочь американского дипломата, скучавшую по пропавшей зверушке. А между тем эта зверушка стояла на причале и полной грудью вдыхала воздух свободы. [18] [19]

Однако чуда не случилось. Нутрия хваталась то за одно дело, то за другое, не останавливаясь ни на чём достаточно долго, чтобы затраченные усилия превратились в результат. Скука и досада, помноженные на сварливый характер, в итоге привели её за стойку бара, где она глушила стаканами дрянную банановую водку. Августа обвиняла во всём людей, из-за которых её жизнь не сложилась, совершенно забывая про свою собственную лень. Здесь-то её и нашли вербовщики Мусорного Барона, по достоинству оценив размеры и физическую силу будущей наёмницы. Они предложили

---

[17] Самый большой город Австралии.

[18] Крупный австралийский грызун. Больше всего напоминает смесь хомяка и медвежонка. По своей натуре вомбаты очень общительны. Они охотно путешествуют, нигде подолгу не задерживаясь. Частенько зарабатывают на жизнь песнями и танцами.

[19] Столица островной республики Вануату.

ей очень выгодный контракт, от которого спившейся нутрии было трудно отказаться.

Прибыв на новое место службы, Августа устроила себе хатку прямо в грязной воде Южного порта, поскольку ей было лень искать жильё получше. Верная себе, нутрия запугала крыс, отчего те лишний раз боялись побеспокоить её – настолько она ненавидела труд.

Нынче выбраться из хатки всё-таки пришлось, потому что крысы не смогли бы пришвартовать тяжёлый «Мару» и лодку с рыбьим косяком. Когда портовые рабочие привязали корабль к причальным тумбам, настал черёд Августы. Она поплевала на ладоши, упёрлась задними лапами и потянула центральный канат. Все с восхищением смотрели на бугрящиеся мускулы сильной женщины и на то, как «Мару» подвигается к причалу. Раздался глухой удар, возвестивший об окончании швартовки. Августа бросила канат подоспевшему помощнику.

– Прими плату от капитана, бездельник, – она широко зевнула. И, не попрощавшись, лениво поплелась в свою хатку. Сегодня ей больше не хотелось работать.

Мауи так увлёкся, что не сразу заметил появление толстой мыши в зелёном мундире. На лацкане отличительным знаком красовался кусочек пластикового пакета из продуктового магазина. Мышь несла на спине деревянный ящик, просунув лапы в постромки.

Она была старше Мату и поднималась по сходням с такой

уверенностью, что Мауи решил, будто мышь имеет власть и авторитет. А значит – непременно прикажет пиратам освободить своего сородича, и те исполнят приказание.

Пираты и впрямь отошли, уступая ей дорогу. Мышь остановилась около грот-мачты, сняла с плеч ящик и поставила его на палубу. Потом смерила крыс хмурым взглядом снизу вверх. Бандиты поёжились.

Показав, кто тут главный, мышь стала потрошить свой ящик. Оттуда появились табурет, письменный набор и большая печать. Разложив все это на ящике, как на столе, мышь устроилась на табурете, свесив хвост.

– Кто капитан? – буркнула она.

Гунтур шагнул вперёд. Мышь посмотрела на него особым взглядом, в котором читалась усталость от ежедневного общения с недалёкой матроснёй – так бездарно тратились лучшие годы её жизни! Молчание затянулось. Взгляд мыши давил на Гунтура паровым катком. Лихой пират неуверенно заёрзал.

– Ну? Долго ждать документы на корабль и ваше задание? – тяжко вздохнула мышь.

– Простите, госпожа таможенный чиновник, – смутился Гунтур.

Он махнул Тайпену, который держал наготове стопку жёлтой бумаги. Мышь приняла документы и, щуря глаза, принялась медленно читать. И всё это время пираты стояли по струнке, боясь лишний раз вздохнуть.

– Та-а-ак, – протянула госпожа чиновник, поднимая взгляд на капитана. – Тут написано, что вас послали на фуражировку. И где же ваша добыча? – она обвела лапой палубу, словно ожидая увидеть горы разной снеди. – Или вы вернулись, не выполнив задание, порученное вам государством?!

– Что вы, что вы! Как можно! – замахал лапами Гунтур. И Мауи удивился, насколько лихой капер не похож на себя самого.

– Мы захватили местного рыбака с большим уловом в сети, – начал объяснять Гунтур. – Там живая рыба, вместе с его лодкой. Желаете ли взглянуть?

– Ну что ж, показывайте, – снова вздохнула мышь, поднимаясь с табуретки. Мауи даже стало немного совестно, что такую уважаемую пожилую женщину вынуждают делать лишние шаги.

Гунтур повёл госпожу чиновника на корму и показал привязанную лодку и сеть. Увы, несколько рыб плавали кверху брюхом, отравившись грязной водой.

– Ясно, – кивнула государственная мышь. – Значит так. Улов сдадите приёмщикам, а лодку я конфискую в Фонд обороны.

– Как забираете лодку?! – непроизвольно вырвалось у Гунтура. Видно, он не ожидал такого поворота. – Нас же посылали за провиантом, а что добудем сверх того – всё наше.

– Кто вам такое сказал? – внимательно посмотрела на него

мышь. – Оставьте ваши архаичные обычаи своим бабушкам. Мы живём в правовом государстве и строго соблюдаем законы. Родине требуется эта лодка, чтобы отражать атаки врагов на наш любимый остров.

– Так на нас же никто не нападает, – глупо ляпнул Тайпен.

Мышь повернулась к нему, зашуршав пластиковым пакетом, будто гремучая змея.

– Кажется, вы, матрос, заделались стратегом и ставите под сомнение мудрость нашего правителя?

– Нет-нет, что вы, – стушевался Тайпен и спрятался за спины моряков.

– Другие ценности удалось найти? – мышь снова впилась глазами в капитана.

– Никак нет, – соврал ей Гунтур. – Рыбак был беден и почти что гол, не считая юбки из пальмовых листьев.

– Где же он сам?

Ей показали Мауи, который всё так же стоял у борта и глупо улыбался, ещё надеясь на чудесное освобождение. На Араутаке мышь никогда не оставила бы в беде другую мышь. И он наивно думал, что госпожа чиновник, нагнав страху на пиратов, непременно сбросит с него оковы рабства, вернёт лодку и пожелает доброго пути домой.

– Ну, подойди же сюда, – мышь махнула лапой. – Или я должна за тобой ходить?

Мауи, смущаясь, подошёл к важной особе и замер в почтительном внимании, ожидая, что она ему скажет. А гос-

пожа чиновник принялась внимательно осматривать мышака. В её взгляде не было сочувствия или радости от встречи с себе подобным, лишь тупая усталость. Она пощупала его мышцы, не поленилась залезть в рот и посмотреть зубы, поскребла узоры на его щеках и пробормотала: «Занятно!»

Покончив с осмотром, она вернулась за свой ящик, достала отпечатанный бланк и принялась заполнять пустые графы.

– Имя?

– Мауи.

– Откуда родом?

– Остров Араутака на атолле Матубару.

– Мабару… – старательно выводила мышь.

– Матубару, – осторожно поправил её Мауи.

– Да какая разница, – буркнула она, скрипя карандашом по бумаге. – Род занятий?

– Рыбий пастух.

– Чего? Не морочь мне голову. Запишем просто – «рыбак».

– Я бы хотел вас спросить, – решился мышак. – Мой отец и его друзья могли оказаться здесь. Они тоже рыбаки с атолла Матубару. Может быть, вы их встречали?

Госпожа чиновник раздражённо посмотрела на него, поджав губы.

– Разве упомнишь вас всех? Мабару, Матубару, Науру, Вануату, – недовольным голосом сказала она. – Вас много,

а я одна. Не отвлекай меня больше глупыми вопросами!

Закончив с анкетой, государственная мышь порылась в ящике и достала толстый справочник. Она послюнявила палец и перелистала несколько страниц, бубня себе под нос:

– Редактор, резчик, рыцарь, а, вот – рыбак! – воскликнула она, уперев жёлтый коготь в нужную строчку. Отругав авторов книги за мелкий шрифт, мышь списала несколько цифр в анкету Мауи и шлёпнула печать поперёк бумаги, крякнув от натуги.

– Вот так, Гунтур, – мышь более не замечала Мауи. – Выписала тебе транзитные документы на пленника. Когда продашь его, пусть новый хозяин оплатит сбор за анкетирование и оформление. А ты не забудь подоходный налог, когда получишь с него деньги.

Гунтур согласно закивал, и на его порубленной морде появилась улыбка. Пусть платит другой дурачок!

– В целом, он неплох, – добавила госпожа чиновник. – Можно его определить на государственные принудительные работы в Трюм, да неохота возиться с документами, карантином и службой надзора. На полдня писанины! Эй, Гунтур, вам сегодня повезло! Скажем, я решила, что этот пленный очень хилый и не годится ни в гребцы, ни в старатели. Все меня поняли? – она обвела взглядом команду, и каждый быстро закивал, преданно глядя ей в глаза.

– Ладно, – мышь тяжко вздохнула. – Пора мне. Скоро обед, а потом другие корабли придут. Столько возни с ва-

ми! – капризно воскликнула она.

Гунтур оказался тут как тут. Он помог упаковать вещи обратно в ящик. Перед тем как убрать большую печать, мышь негромко выругалась, снова порылась в пачке документов, выудила нужный и шлёпнула печатью по нему.

– Вот, едва не забыла. Утомили вы меня! – беззлобно проворчала мышь. – Заплатите в порту все нужные пошлины, не забудьте.

Гунтур улыбался и кивал, провожая её до трапа, а когда она сходила на берег, махал ей лапой, хоть чиновница и не думала оглядываться. Мауи всё смотрел ей вслед и хлопал глазами, не понимая, как можно было так с ним обойтись. Вместо того, чтобы спасти соплеменника, мышь выдала документ, который узаконивал его рабство.

Проводив госпожу чиновника, Гунтур вернулся к команде уже в своём привычном виде – нахмуренный и злой.

– Слушай меня! Всё получилось хуже, чем мы планировали. Лодку отнимут, и мы за неё не выручим и медного гроша. Пленника и крис я попробую продать Сюркуфу. Говорят, будто француз скупает туземное оружие за бесценок, везёт во Францию и продаёт там за миллионы.

Кто-то из моряков присвистнул.

– Если не получится продать дикаря, то сведу его в государственный приёмник. Там точно возьмут, хоть и задёшево. В любом случае, деньги поделим как положено.

Все согласно закивали. А Гунтур ощерился и прошипел:

– Не выболтайте про крис! Никому, даже своим жёнам и подружкам! Мы не сдали его государству как часть добычи, это подсудное дело. Причём, для всех! – он обвёл пальцем моряков. Те втягивали головы в плечи и прижимали уши, когда на них падал грозный взгляд капитана. – Да, вы все мои подельники! Утаили добычу от государства. Так что – ни звука, иначе всем крышка! Поняли?

И снова пираты закивали, так же искренне, как совсем недавно соглашались с госпожой таможенным чиновником.

– Дрозд и Трест, – Гунтур обратился к двум пиратам. – Вы остаётесь ждать приёмщиков рыбы. И лодку отдадите тому, кто за ней придёт. С каждого взять расписку! С печатью!

– Давайте выпустим рыбу в какой-то садок, – робко предложил Мауи. – Она же издохнет там. Жалко.

– А нам какая печаль? – отмахнулся Гунтур. – Мы своё дело сделали и подпись с печатью получили. Что с рыбой станется – уже не наша забота.

В который раз мышак подивился отличиям Мусорного Острова от родной Араутаки. Там любили море и не разбазаривали его дары.

Подошёл Тайпен и набросил на шею Мауи петлю. Другой конец верёвки он привязал к своей лапе.

– Не дёргайся, дикарь, – сказал он без злобы, даже миролюбиво. – Так положено водить рабов. Слышал же, что живём в правовом государстве, а потому порядок есть порядок.

Собрав свои пожитки, пираты попрощались с Дроздом

и Трестом, которые остались сторожить корабль. Те с тоской смотрели им вослед. Они знали – матросы бросят якорь в «Безногом крабе» и там спустят вещи, отнятые у Мауи. А что поделать? Слово капитана – закон.

Из полузатопленной хатки раздавался могучий храп Августы. Умаявшись за утро, нутрия выпила пол-литра банановой водки и завалилась спать. Она рухнула на дно алкогольного колодца, из которого видно звёзды вместо унылой помойки.

Глава пятая. Кто нас ждёт на берегу

Дорога петляла между холмов разносортного мусора, огибая остов автомобиля, токарный станок и завал из магазинных тележек. Мауи шёл свободно, если не считать петли, наброшенной ему на шею. Он больше не зажимал нос: то ли принюхался, то ли здесь гулял ветер, освежая вонючий воздух. Поначалу Тайпен развлекался дёрганьем верёвки: петля на шее пленника натягивалась, и Мауи спотыкался. Первое время это забавляло пирата, потом наскучило, и он оставил рыбака в покое.

Мауи с любопытством осматривался по сторонам, удивляясь необычному пейзажу и обилию неизвестных ему вещей, которые выглядывали то из одной, то из другой кучи. Его ум рачительного хозяина быстро находил им применение. Например, из той проволоки получился бы неплохой садок для рыбьего молодняка, а из куска зеленой пластмассы – укрытие от дождя.

Удивительно, что нигде не зеленела трава, не росли кусты и деревья. Кругом лишь сломанные предметы из мира людей. Мусор окружал его, мусор высился над ним и мусор хрустел у него под ногами. Неплохо было бы заиметь обувь, чтобы не пораниться об осколок стекла или гвоздь, карау-

ливший свою жертву посреди дороги.

Моряки шли расслабленно, болтая и смеясь. Сейчас они выглядели совсем иначе, чем в море. «Чувствуют близость дома», – подумал мышак.

Сухарто плёлся позади и время от времени бросал на Мауи задумчивые взгляды. Ему хотелось ещё поговорить с островитянином, но повар боялся Гунтура и Тайпена.

Большак был перегорожен высоким железным ящиком с непонятными надписями на человеческом языке. Трудно не заметить, что он съехал с мусорного холма, разрушив дорогу. Из-под него виднелись обломки домашней утвари и порванные шторы. В обход ящика уже протоптали тропинку.

Под ноги Мауи что-то попалось. Он увидел мышиную куклу из тряпочек. У девчат на Араутаке были похожие игрушки, только их делали из пальмового лыка. Мышак выбрал лапой верёвку, чтобы та не задушила его, наклонился и поднял куклу. Конвоир почувствовал натяжение и обернулся посмотреть, в чём дело.

– Здесь стояли домики береговой охраны, – пояснил Тайпен. – Нас здорово тряхануло ураган неподалёку от Маршалловых островов. Дожди подмыли гору, и – раз! – сошёл сель прямо на деревню. А тут жили солдаты с жёнами и детьми. Контейнер их переехал, как утюг. Все они остались там.

Постояв немного, крыс дёрнул верёвку, принуждая Мауи следовать за ним. Мышак подчинился, сунув куклу за пояс и заодно пристроив поудобнее заточенную ложку.

«Твоё время придёт, – мысленно сказал он. – Нужно выбрать удачный момент, а пока слушаться во всём бандитов. Пусть расслабятся».

Отец учил, что грубая сила не всегда помогает. Порой нужно применить хитрость.

Миновав место трагедии, пираты снова принялись травить байки и отпускать сальные шуточки. Дорога пошла в гору, протискиваясь среди гор хлама. Пираты подначивали друг друга, чтобы скрасить однообразный путь.

Подъём закончился на широком плато. Свежий солёный ветер продувал его насквозь, унося запах нечистот. Здесь стояла деревушка о двух десятках хижин. Заборчики, лавочки и сами домики были собраны из разномастного мусора. И тем не менее, посёлок смотрелся опрятно, даже уютно. Большак разделял деревню на две части, становясь главной улицей, а затем уходил прочь и скрывался вдали за холмами.

Впервые с момента прибытия на Остров Мауи увидел маленькие огороды. Он снова вспомнил, что до этого ему не попадалось ни клочка почвы. Её заменял прессованный мусор твёрже камня. Разумеется, на нём ничего не росло. А местные жители раздобыли где-то землю, выложили её тонким слоем и высадили тапиоку. Заборчики оберегали чахлые растения, чтобы их ненароком не затоптали.

Деревня точно вымерла. Гунтур застыл посредине улицы, в недоумении оглядывая пустые дома. Откуда-то с окраины поселения раздался крик. Нахмурившись, капитан махнул

лапой и зашагал в ту сторону. Все пошли за ним.

За крайними домиками начался пустырь, отшлифованный до блеска тысячью лап. Тут шумела и волновалась толпа. Одни принесли из дома табуретки, другие сидели прямо на земле, а те, кому не хватило места, стояли за их спинами. В криках не было вражды – жителей деревни объединяло какое-то зрелище.

Пираты подошли поближе, ведя Мауи за собой. Из-за плеча дородной мыши он увидел, ради чего все собрались. На спортивной площадке играли две команды, составленные из самых разных зверей: мышей, крыс, хомяков и даже одной шиншиллы, которую поставили на ворота. Одна команда надела синие целлофановые пакеты, а другая – красные, чтобы отличать друг друга.

Игроки гоняли кожаный мяч, яростно пиная его ногами. Вот одна крыса, худая и ловкая, подхватила мяч, обыграла соперника и пробила по воротам с такой силой, что шиншилла даже не успела почесаться.

Толпа взвыла. Одни хватались за головы, ругаясь на чём свет стоит, а другие прыгали от радости. То же самое происходило и на поле.

– Сыночки, вернулись наконец! Как заждались вас! – раздался старческий голос, едва слышный за криками болельщиков. К Гунтуру пробилась пожилая хомячиха в платке с цветочками и заключила его в объятия.

– Вернулись, бабушка Джамиля, – ласково ответил ей ка-

питан. – А где Батари?

– Так вот она, утешает твою дочь Закиру, – ответила старушка, указав на красную команду. Рядом с игроками стояла крыса в простом белом платье и говорила что-то насупленной девочке. – Намедни ребята с Рабочего посёлка говорят, мол, давайте устроим футбол. Пусть матч будет товарищеский, пусть всё по дружбе. Где она – эта дружба? Они нашим уже два гола забили, а наши им – ни одного. Я, может, и старая, а знаю точно: в дружбе всё надо делить пополам. Правильно ведь?

Гунтур только улыбнулся в ответ. А хомячиха добавила:

– Приходи вечером! Будут на ужин бастурма и кебаб. Джучи хотел тебя видеть, разузнать, как дела. Он ведь завтра уходит в море, – бабушка Джамиля грустно вздохнула. – А вот и Джучи, лёгок на помине.

Через толпу зрителей протолкался толстый приземистый хомяк в широких красных трусах. Он протопал к своей команде и отозвал одного из мальчиков в сторонку. Тёмная полоска на спине выдавала их родство. Поговорив немного с отцом, мальчишка кивнул и побежал к зрителям, а Джучи остался вместо него. Он не стал надевать красный пакет – цвет трусов говорил сам за себя.

Гунтур хмуро посмотрел на деревянный щит. Неизвестный художник нарисовал пиратам красный парус, а рабочим – синюю лопату. Старался как мог, да вышло всё равно неряшливо. Задрипанная шиншилла сменила картонки

с цифрами. Два-ноль в пользу рабочих – дурной расклад.

– Как же так?! – забеспокоился капитан. – Нешто наши продуют грязекопам?!

Прозвучал свисток, и тут же красные ринулись в атаку на вражеские ворота. Ими двигали обида за «сухой» счёт и стыд перед односельчанами. Неловко проигрывать на домашнем поле!

Синих подстёгивало давнее соперничество. Так повелось, что морской разбой считался делом фартовым, в отличие от тяжкого труда. Конечно, работа пиратов таила опасности, но те предпочитали о них умалчивать. Можно было подумать, что богатства достаются морякам просто так. И вот теперь, забив два гола на чужом поле, рабочие чувствовали своё превосходство и даже испытывали некое злорадство. Они тешились случаем поквитаться за давние обиды. [20]

Так что синие быстро перехватили мяч и пошли в контратаку. И здесь у них на пути встал Джучи. Он смотрел на рабочих так грозно, будто готовился взять их на абордаж. Взревев тигром, хомяк бросился на футболистов, отобрал мяч и поскакал вперёд, расталкивая всех на своём пути.

Среди болельщиков творилось безумие. Они орали и свистели Джучи, который словно прорубался на корму вражеского корабля, алкая крови капитана. Пузо набекрень свисало с трусов и душило хомяка, но того было не остановить.

Вратарь, закусив губу, прыгал то влево, то вправо, стара-

[20] То есть зависящим от удачи, личной смелости и куража.

ясь угадать намерение Джучи. Тщетно! Удар кривой лапы отправил мяч под перекладину. И кто скажет, что хомяки не умеют играть в футбол?

Мауи оглох от рёва болельщиков. Они кинулись обнимать друг друга, игроков, а когда увидели Гунтура с матросами, радости не было предела. Ведь каждый из них был чьим-то сыном, мужем, отцом.

Матч как-то сам собой закончился. Рабочие запротестовали: счёт получился два-один – их победа. А им сказали:

– Ну и ладно! Наши родненькие вернулись! Будем праздновать, доиграем после.

На том и порешили. Рабочие сняли синие пакеты и оказались такими же простыми ребятами. Если нет формы, то и не отличишь одних от других. Они попрощались с недавними соперниками и отправились по большаку в свою деревню.

На семейный праздник их не пригласили. Да они всё понимали и не обижались. Сегодня им тоже было что отпраздновать. По всем спортивным правилам, они победили команду пиратов, а это чего-то да стоит.

Гунтур горячо обнял свою жену, поцеловал Закиру – серьёзную девочку, игравшую за красных, – и пощекотал маленькую крыску, сидевшую на материнских лапах. Это была его младшая дочь Басма.

Пираты вместе с родными и друзьями пошли по домам. Гунтур угостил малышей сушёными кусочками батата, кото-

рые отобрал у Мауи. Его команда раздаривала мелочь из рыбацкой лодки. Как ни странно, Мауи не обижался. Чахлые огороды вряд ли баловали детишек обилием свежих овощей.

На дикаря смотрели с опаской и не подходили близко. Тайпен крепко держал верёвку с петлёй на шее Мауи. Боялся, чтобы он не покусал кого-нибудь.

На главной улице от процессии откалывались пираты, исчезая в своих хижинах вместе с родичами. Ушёл и Джучи – герой дня. Бабушка Джамиля ещё раз заставила Гунтура пообещать, что он придёт на ужин.

Мауи заметил, как сильно устала Батари. Она тяжело дышала, нетвёрдо ставила ноги, опираясь лапой на оградку палисадника. Старшая дочь, заметив перемену в матери, забрала сестру с её лап. Басма тут же разревелась и потянулась обратно, но Закира погладила крыску по спинке и почесала за ухом, отчего девочка понемногу успокоилась. Гунтур поглядывал на жену с тревогой.

Наконец они остановились у дома, что был побогаче других. Большой, не меньше двух метров, с окошками на фасаде и крышей из половинки железной бочки. Аккуратные стены некогда были дверью шкафа в людской квартире. Мауи заметил, что дом выглядит лучше, чем у соседей, ещё и потому, что за ним ухаживали, держали в чистоте и порядке.

Гунтур забрал верёвку у Тайпена, попрощался с компаньонами и повёл пленника во двор. Жена и дети следовали за ним.

Батари едва добрела до лавочки у входной двери и с тяжким вздохом опустилась на неё. На морде Гунтура отразилась тревога. Он наскоро привязал верёвку к забору, злобно зыркнул на пленника и поспешил к супруге. Присев рядом с ней на корточки, капитан взял её лапу и участливо спросил:

– Зачем же ты встала с постели? Тебе нужно лежать.

– Да так всю жизнь пролежишь, – сардонически усмехнулась Батари. – Вот и доктор говорил, что надо расхаживаться. А знаешь, – вдруг вспыхнула она, – я сердцем чувствовала, что ты сегодня вернёшься! И у Закиры важный матч. Как она любит футбол! Да, дочка? Вы не волнуйтесь, мне уже лучше. Посижу ещё немного и пойду готовить ужин.

– Батари, Батари, – тихо бормотал Гунтур, поглаживая шерсть жены. – Разве это доктор? Он просто сурикат-травник. Много он понимает в медицине!

Женщина хотела что-то возразить, но крыс не дал ей вставить слова и продолжил с жаром объяснять, указывая на Мауи:

– Смотри! Мы поймали дикаря с лодкой и уловом. Правда, лодку пришлось отдать чиновникам. И рыбу всю отобрали – домой нечего принести. Дармоеды! Зато пленник наш по праву. Он – и ещё кое-что, – Гунтур выразительно громыхнул крисом в мешке.

– Что там, дорогой?

– Ценная вещь, которую мы отобрали у этого неотёсанного чурбана. Мне за неё Сюркуф отвалит кучу денег. А по-

том я повезу тебя в город, к настоящему доктору. Нет, здесь не могу показать. Идём домой.

– Не связывался бы ты с этим Сюркуфом, – сказала Батари, поднимаясь с лавки. – Он не из наших мест, хитрый и подлый мышак. Обманет тебя, как пить дать.

– Меня не так-то просто обмануть, – нахмурился Гунтур и пошевелил усами. – Нам очень нужны деньги. Доктор в Тауне стоит дорого.

– Мне вреден здешний климат, мусорные миазмы, – устало объяснила крыса, видно, уже не в первый раз. – От них на меня нападает чахотка.

– Тогда тем более нам нужны деньги! – с нажимом сказал Гунтур. – Как ты хочешь переехать отсюда, не имея за душой ни гроша? Ладно, поговорим дома. Ты иди, а я посажу пленного в клетку.

Кивнув мужу, Батари побрела в дом, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Закира пошла за ней с Басмой на лапах. А Гунтур отвязал верёвку от забора и отвёл Мауи в дальний угол двора. Там стояла клетка, сделанная людьми. Её выкинули на помойку, а крысы подобрали.

Как унизительно для вольного рыбака сесть в клетку, словно он комнатная зверушка! Вот только его мнения никто не спрашивал. Щёлкнув дужкой амбарного замка, пират ушёл в дом, оставив Мауи одного.

В клетке не было ничего, кроме засаленного коврика, отхожего ведра и миски. Задвинув ведро подальше в угол,

Мауи стал раздумывать, как выбраться из своей тюрьмы.

Люди сделали клетку на совесть. Прутья не погнуть, не сломать. Пол из древесной стружки поддавался когтю и не устоял бы перед заточенной ложкой. Если процарапать дыру, то потом нужно рыть подкоп в утрамбованном мусоре. Уж лучше рядом с прутьями, чтобы как-то протиснуться наружу.

А что дальше? Он совершенно не представлял, где находится Мусорный Остров. Как далеко Араутака и куда плыть? «Да меня тут же схватят! – с тоской думал Мауи. – Любой опознает во мне чужака и доложит властям. Пираты с живого шкуру спустят!»

Он размышлял ещё долго, с досадой пиная решётку, да не придумал ничего путного. Мауи лелеял надежду узнать что-то об отце, если его поместят с другими пленниками. И вдруг какой-то мореход подскажет, как добраться в родные места. Словом, плох тот рыбак, что не умеет ждать. Оставалось надеяться только на авось да небось.

Потянулись скучные часы. Мауи оглядел двор, скудный и голый, как и всё здесь. У дома притулилась маленькая пальма. Чахлое деревце тянуло листья к небу на заботливо возделанном участке. Оно давало небольшую тень для розового столика и двух стульев из кукольного набора. Наверное, там любили играть Закира и Басма.

Хоть мышак прятался от тропического солнца под крышей, его терзала жажда. Последний раз он пил утром, когда

Сухарто подал ему кружку воды.

От нечего делать Мауи разглядывал потолок и вскоре обнаружил на нём кое-что интересное – едва заметные значки. Большинство из них ничего не говорили ему, но в одном мышак признал мету ловцов жемчуга с острова Тараваи. Стало ясно, что в клетке сиживали мыши из разных земель. Гунтур и его пираты поставили захват рабов на широкую ногу.

Заскрипела дверь, и на пороге дома появилась хозяйка. В одной лапе она держала кувшин, а в другой бумажный свёрток.

– Куда ты снова пошла?! Сиди, я сам ему отнесу! – послышался голос Гунтура.

– Нет, я хочу быть полезной, а не лежать в кровати дни напролёт, – ответила Батари. – Безделье сводит меня с ума. И тело болит ещё сильнее.

Прикрыв голову свёртком, крыса медленно пересекла двор и остановилась возле клетки. Некоторое время Батари и Мауи разглядывали друг друга. Кое-где шерсть крысы повылезла, женщина тяжело дышала – даже небольшая прогулка под палящим солнцем далась ей нелегко. И тем удивительнее было обнаружить сочувствие в её глазах.

– Откуда же ты к нам приплыл? – спросила Батари.

– С острова Араутака, – ответил Мауи.

– Красиво у вас, наверное, – мечтательно сказала крыса. – Зелёные пальмы, золотой песок. Так?

– Да, – улыбнулся мышак. – Голубая вода в лагуне, горя-

чие камни с весёлыми рисунками, песни и танцы у вечерних костров.

Батари охнула и грустно обвела лапой двор:

– А у нас бесплодная пустошь. Я никогда не была на островах и знаю о них только по рассказам мужа и его друзей. Вот бы однажды побывать там или даже переехать.

– Вряд ли, – заметил Мауи с едкой горечью. – Ремесло вашего мужа не обрадует местных жителей, где бы вы ни поселились.

– Будто я не знаю, – крыса покачала головой и в очередной раз охнула, схватившись за грудь. – Он не так жесток, как может показаться, а скорее практичен, – она замялась, отыскивая нужные слова. – Его мало заботят страдания других, понимаешь? Гунтур обращает на них внимание не больше, чем на брызги воды. Раньше он легко выходил из себя, не терпел чужого мнения и кулаками отстаивал свою правоту. И мне доставалось. А сейчас постарел, остепенился, и нам стало полегче.

– Пират есть пират, – отрезал Мауи.

– Твоя правда, – кивнула Батари. – Я его не оправдываю. Только оглянись вокруг. Здесь почти нет травы и деревьев. Ну, разве что в Дубраве. Не найдёшь даже плодородной почвы. Буквально всё привозят на Остров кораблями, включая землю для огородов. Так что это не Гунтур выбрал себе профессию, а она выбрала его.

Батари помолчала и с сочувствием посмотрела на мыша-

ка.

– Жалко. Отправят в Трюм, где ты до скончания дней своих будешь вычерпывать нечистоты и крутить гребной винт, чтобы Остров плыл, куда прикажет Мусорный Барон.

Мауи мрачно смотрел на неё. Ему на миг показалось, что всё так и будет и не изменить предначертанного. Отчаяние накатило и прошло. Мауи встряхнулся, пообещав себе, что выберется из этой дыры.

– Послушай меня. Та железная штука называется «миска». Из неё кушают. А там в углу ведро. В него ходи по нужде. Смотри, не перепутай!

– Да я знаю, что такое миска и ведро! – обиделся Мауи.

– Ну, прости, – улыбнулась Батари. – Гунтур представил тебя как некультурного дикаря. Откуда же мне было знать. Не злись. Вот, я тебе воды принесла попить, – крыса просунула кувшин через прутья решётки и поставила на пол рядом с Мауи. – А ещё – поесть.

Она показала ему газетный свёрток. На бумаге были напечатаны буквы и небольшие картинки.

– Что это?

– Лепёшки с чесноком и сладкий карри. А, ты спрашиваешь про газету? Никогда не видел газет? Её привозит почтальон каждый день, и всякий гражданин обязан её выписывать и читать. Называется «Голос правды». Хотя такая дрянь, что в неё только ужин заворачивать. Да ты ешь, пока тёплые. У вас пекут лепёшки?

– Моя мама печёт из кукурузной муки, а карри у нас не бывает, – ответил Мауи. – Вкусно, спасибо!

– Что ж, приятного аппетита! – крыса улыбнулась и наморщила нос, радуясь похвале.

Мауи отпил воды из кувшина, поперхнулся и подозрительно посмотрел на Батари.

– Не нравится? – та поняла без слов. – В нашем колодце вода невкусная. Не чета вашей из чистых ручьёв.

– Неужели у вас нет ни озёр, ни речек? – удивился Мауи.

– Откуда им взяться? Дождевая вода уходит в нижние слои мусора, отстаивается и тухнет. Её-то мы и достаём из колодца. А если хочешь чистой, то покупай на водяной ферме. Там растягивают полиэтиленовые пакеты и собирают воду. Она дорогая. По карману только богачам.

Мышак грустно вздохнул. Батари решила больше не докучать ему разговорами и пошла обратно в дом. Мауи съел все лепёшки, макая их в оранжевую подливку, старательно собрал крошки. Жаль, что лепёшки кончились слишком быстро, едва насытив молодого рыбака.

Снова послышался скрип. Мауи решил, что хозяйка возвращается за посудой. Из дома выбежала Басма, а за ней с хохотом гналась Закира. Малышка пронзительно верещала. Она мчалась, не разбирая дороги, покуда не застыла перед клеткой, будто налетев на стену. Обе крыски смотрели на незнакомца во все глаза, о чём-то тихо перешёптывались и хихикали. Потом Закира спросила:

– А ты не кусаешься?

– Не кусаюсь! – буркнул Мауи. – И блох у меня нет, и сплю на коврике, как и вы!

– Мы спим на кроватях, – высокомерно ответила девочка. – Не обижайся. Просто папа сказал не подходить близко, потому что ты нас разорвёшь на клочки. А с виду ты вовсе не злой.

– А зачем ты разрисовал мордочку? – восхищённо пискнула Басма. – Я тоже хочу такие картинки!

– Это моя моко, – объяснил Мауи, трогая шерсть на щеках и лбу. – Священные рисунки нашего племени. Портить их строго запрещено – табу! Кто стирает моко, тот стирает память.

– И для чего они тебе? – спросила Закира. – У нас таких рисунков нет.

– Они рассказывают обо мне и о моей жизни, – ответил мышак, но девочки посмотрели на него с недоумением.

Мауи растерялся, потому что никогда не отвечал на такой вопрос. В племени суть моко очевидна всем мышатам.

– Понимаете, каждая черта в узоре значит что-то в моей истории: мой родной остров, племя, занятие, кто мои папа и мама. Словом, книга жизни, написанная на мордочке.

– А если переедешь на другой остров? – не унималась старшая крыска. – Что тогда? Надо будет стирать прежние узоры и рисовать новые?

– Нет, – рассмеялся Мауи. – Мы продолжим писать книгу

жизни на моём теле. Узорами покроют спину, плечи, грудь и живот. Я видел старика, который прожил такую интересную и долгую жизнь, что весь был разукрашен, с головы до ног, и даже на хвосте были узоры.

– Шутишь?!

– Правда! Ещё к нему приставили младшего правнука, который раз в день осматривал деда. Проверял, не стёрлась ли краска. Дед ослаб глазами, мог что-то пропустить, а это неприлично.

Сёстры переглянулись, восхищённые рассказом Мауи. Довольный, что сумел произвести на них впечатление, мышак решил разузнать побольше о Мусорном Острове.

«Взрослые заподозрят, что я планирую побег, – подумал он. – А дети ничего не поймут».

– У вас чудесная пальма! – воскликнул Мауи, начав опасный разговор издалека.

– Ой, спасибо! – засмущалась Закира. – Я очень люблю растения. Пришлось долго упрашивать папу, чтобы он купил почву и саженец. Столько денег! А когда у меня был день рождения, приехала телега, и на ней было всё это, – крыска указала лапой на дерево. – Мы с Басмой ухаживаем за ним, поливаем каждый день.

– А какие ещё деревни есть на Острове? – Мауи подбирался поближе к главному.

Крыски призадумались. Нечасто они задавались вопросами об окружающем мире.

– Тут неподалёку Рабочий посёлок, а за дальними холмами – столица острова. Только это не деревня, а город. Его называют просто – Таун, – ответила Закира.

– Мама говорит, будто там есть всё, чего сердце пожелает, – мечтательно вставила Басма.

– А ходят ли отсюда какие-то корабли на другие острова? – рискнул Мауи.

– Мы не знаем, – переглянулись крыски. Подумав, старшая вспомнила: – Вроде бы, отец говорил, что на Остров пищу привозят на больших баржах, а покупают её за товары, которые старатели находят на свалке.

– Да, папа сказал, что у нас богатейшие недры! – снова влезла Басма и для пущей убедительности топнула ногой по твёрдому мусору. – А что такое недры? Мы разроем большую яму, у нас станет много денег, и мы вылечим маму!

– Да, обязательно, – старшая крыска погладила девочку. – В школе говорят, что нам следует благодарить Мусорного Барона за то, что он «организовал систематическую разведку и добычу полезных ископаемых, чем обеспечил стабильное процветание нашего островного государства».

Эта длинная фраза была сказана тоном, которым отвечают заученный урок. Басма даже раскрыла рот от удивления. Она завидовала сестре, что та уже большая и ходит в школу.

В окне показалась голова Гунтура:

– Где вы ходите?! Мать ставит ужин на стол! Мойте лапы и садитесь!

Пискнув, крыски бросились со всех ног, забыв про Мауи. Скоро из дома донёсся стук ложек по глиняным тарелкам, смех и семейные разговоры. Слов не разберёшь, а на душе тепло становится.

«Мама, конечно, волнуется, – загрустил Мауи. – А дядя Момо поднял на уши всю округу. Ищут лодку и моё тело на прибрежных камнях».

Опустилась тьма. На небе зажглись звезды и появился месяц, который в этих широтах словно бы лежит на спине.

Обитатели дома затихли. То ли легли спать, то ли занимались своими делами. Пленником никто не интересовался. Тогда Мауи решил оставить весточку о себе тем, кто попадёт в узилище после него. Если ему суждено безвестно сгинуть на Мусорном Острове, то, быть может, другой пленник выберется и сообщит родному племени о его судьбе. Мышак достал заточенную ложку, выбрал участок потолка, свободный от надписей, и принялся царапать своё имя и символ Араутаки. Он закончил работу уже затемно, надеясь, что недостаток света не испортил дело.

Завтрашний день не сулил Мауи ничего хорошего. Потому лучшее, что он мог сделать, – это хорошенько выспаться и достойно встретить свою судьбу. Мышак думал об отце, который, возможно, прямо сейчас смотрит на этот же месяц через решётку темницы.

«Я обязательно сбегу с проклятого острова, – думал Мауи, погружаясь в забытье. – Проберусь на баржу, идущую

куда угодно. Спрячусь так, что меня никто не найдёт».

Если бы его мысли слышала госпожа таможенный чиновник, то она бы сообщила молодому рыбаку, что по официальной статистике девять из десяти беглых рабов пробуют удрать именно на баржах торгового флота. Где их, разумеется, ловят.

А ещё Мауи не знал и знать не мог, что дядя Момо и другие мужчины племени не ищут его. В эти минуты дядя Момо, оставив Мату на попечении старых женщин, сидит в лодке, которая полным ходом идёт к Коралловому городу. Триумвират, управляющий столицей Матубару, разослал гонцов собирать ополчение. Все, кто может держать оружие, шли на защиту Города. Близилась буря, и судьба юного мыша затерялась в лихой круговерти.

Глава шестая. Путь через Ржавую долину

Мауи проснулся на заре от смрада, выходящего из глубин Острова. Над грядой холмов стоял гнилой туман. Там что-то тухло годами, будто тлел торфяной пожар. С вонью можно было примириться, но не замечать её Мауи не мог.

Едва взошло солнце, как из дома выскочили сестрёнки и, весело хохоча, подбежали к пленнику.

– Доброе утро! – пропищали они. – А почему ты зажимаешь нос?

– Привыкаю к местной вони, – прогнусавил Мауи.

– Какой вони? – не поняли крыски. – Сегодня прекрасное, свежее утро.

«Похоже, девочки привыкли и уже не чуют», – догадался Мауи. Только он не стал им этого говорить, а спросил:

– Что вы мне принесли?

– Мама прислала тебе завтрак, – сказала Закира, просовывая сверток между прутьями. – Она велела съесть всё без остатка, потому что тебе с папой далеко идти. Он тоже сейчас кушает.

– А это ягодный компот. Я помогала маме его варить, – Басма поставила перед Мауи бутылочку с тёмно-красной жидкостью. Наверное, бутылочка была всё из того же кукольн-

ного набора, что и стол со стульями.

– У меня тоже есть для вас подарок, девочки, – Мауи протянул им куклу, найденную вчера.

Сёстры взяли игрушку, но, вопреки ожиданиям Мауи, не обрадовались ей. Закира, нахмурившись, покрутила подарок в лапах и сказала:

– Это кукла моей подруги Алии, я узнала её. Она жила вон там, вместе со своими родителями, дядей Мустафой и тётей Жасмин, – крыска показала на дорогу, что вела в порт. – Потом с ними случилось несчастье. На них сошёл оползень. Вот как бывает, – грустно добавила она. – Алии больше нет, а кукла ещё здесь.

– Я знаю, знаю, что мы должны сделать! – воскликнула Басма. – Давай похороним эту куклу, чтобы Алия могла играть с ней. Они с куклой очень скучают друг по другу.

– Правильно! – подхватила старшая сестра. – Что в мусоре уродилось, то в мусор уйдёт! Так взрослые говорят.

– Что в мусоре уродилось, то в мусор уйдёт! – торжественно повторила малышка. – Ты подожди, а я сбегаю за лопаткой.

Басма тут же умчалась прочь. Мышак оторопело смотрел ей вслед, такого он не ожидал. Очень скоро девочка вернулась с лопатой из кусочка жести и толстой проволоки в белом изоляторе.

– Нам пора, – сказала Закира, махнув лапой. – До свидания!

– Пока-пока! – наспех попрощалась младшая и потянула сестру за собой. Ей не терпелось поиграть в рытьё могилы.

А Мауи остался один и приступил к завтраку. Мама Батари снова напекла лепёшек, добавив перетёртых овощей и кусочки рыбы. Всё это мышак с удовольствием съел и запил компотом, показавшимся ему приторным. На жаре много сладкого не выпьешь, замучает жажда.

Едва Мауи прикончил завтрак, как на порог дома вышел Гунтур, одетый в парадное: белую рубашку, голубые шаровары и мягкие сапоги. Грудь, как и прежде, закрывал жилет из толстой кожи. На поясе висели два небольших кинжала в ножнах, а сборку пират пристегнул короткий меч.

Вслед за мужем вышла Батари. Она подала ему заплечный мешок, обняла и поцеловала.

– Будь осторожен, любимый, – сказала она, глубоко вздохнув.

– И ты береги себя, моя дорогая жена, – ласково ответил пират. – Сейчас поди и принеси мне верёвку. Я позабыл её в доме.

Он просунул лапы в ремни мешка. Внутри что-то звякнуло.

«Наверное, там отцовский крис, – с досадой подумал Мауи. – Капитан хочет продать оружие этому Сюркуфу, кем бы он ни был».

Когда женщина вернулась с верёвкой, Гунтур подошёл к решётке, угрюмо взглянул на пленника и отпер дверь. Ед-

ва Мауи сделал шаг, как на его шее снова затянулась петля. Провожаемые грустным взглядом Батари, они вышли через калитку на улицу.

– Пойдёшь впереди, – скомандовал Гунтур. – Я буду вести тебя на поводке и следить за тобой, дикарь. А если замыслил какую-то глупость – побег или нападение – то советую передумать. Выпущу кишки, и дело с концом!

Капитан толкнул Мауи в спину, и они зашагали прочь из пиратской деревни. У последнего дома мышак увидел, как с земли поднялась долговязая худая крыса и поковыляла к ним.

– Сухарто! Тебе что здесь надо?! – спросил Гунтур, опустив приветствие.

– Доброе утро, капитан! – повар почтительно поклонился. – Я принёс сандалии для пленного.

Он показал грубую поделку из автомобильной резины – подошвы с верёвочками для крепления на ноге.

– Вы же знаете, какие у нас дороги. Камни, стекло, торчащая проволока, – Сухарто протянул сандалии мышаку, но тот боялся их взять без разрешения. Вдруг Гунтур рассердится и побьёт?

– Отчего такая трогательная забота? – Гунтур подозрительно посмотрел на повара.

– Беспокоюсь о своей доле прибыли, – объяснил Сухарто. – Если пленный поранит ногу, то получит заражение крови и умрёт. А мы ничего не заработаем.

– Хм, тогда пусть берёт, – Гунтур снова толкнул Мауи в спину.

Мышак уселся на землю и стал примерять обувь. На Арутаке он ходил босиком и не понимал, как правильно завязать шнурки. Дело затянулось. Сухарто пришлось присесть рядом. Возясь с обувью, повар поглядывал на Гунтура. Улучив момент, он шепнул Мауи в самое ухо:

– Найди в Тауне бар «Три топора». Спроси хозяйку про своего отца. Она может знать.

Мауи выпучил глаза на Сухарто, но тот уже вставал, отряхивая саронг.

– Всё готово. Дикарю следует научиться завязывать себе шнурки, если у него хватит на это ума.

Гунтур криво ухмыльнулся, а Сухарто, не сказав больше ничего, пошёл в деревню.

– Что, рад обновке? – язвительно спросил Гунтур. И, не дожидаясь ответа, дёрнул за верёвку: – Идём, нечего рассиживаться!

Они пошли дальше, поднялись на мусорную гряду и остановились, чтобы перевести дух. Дарёные сандалии измучили Мауи: верёвки кусали ноги, подошвы загибались – так и норовили зацепиться за кочку. Зато Сухарто дал ему ниточку, которая могла привести к пропавшему отцу.

Гунтур приказал кончать привал и повёл Мауи через седловину между двумя высокими холмами. Одним из них была стиральная машина. Такая белая и чистая, словно попала

на свалку только вчера.

Отсюда открывался вид на долину, что блестела на солнце всеми оттенками рыжего и охряного. Груды металла венчала железная птица, разукрашенная пальмами и песчаными пляжами. Сердце рыбака затрепетало:

– Великие боги! Что это такое?!

Гунтур молчал, решая, стоит ли отвечать рабу. Однако дорога впереди дальняя, идти жарко и скучно. И Гунтур всё-таки решил просветить дикаря.

– Ржавая долина, – буркнул он. – А большая штука называется «самолёт». Люди на ней летали по воздуху.

– Не может быть, – засомневался Мауи. – Она слишком тяжёлая. Вот если бы китайский фонарик или воздушный змей, тогда другое дело.

– Шагай-шагай, – недовольно ответил Гунтур. – Много ты, пустоголовый, понимаешь в людских чудесах. Иногда между облаков видны следы железных птиц. Если б ты хоть иногда задирал голову к небу, а не возился в грязи!

Мышак всё равно не поверил, но счёл за лучшее идти молча. Ведь Гунтур мог побить его за строптивость. Да и под ноги нужно смотреть в оба глаза. Проволока так и норовила ухватить за сандалии.

«Хорошо Гунтуру, – завидовал Мауи. – Его сапоги подогнаны точно по ноге, а мою обувь Сухарто делал по памяти. И память у него неважная».

Спустившись в долину, путники зашагали по хорошо

утоптанному тракту. Идти стало намного легче. Ближе к самолёту Мауи разглядел прорву мышей, крыс и неизвестных ему зверей, облепивших блестящую обшивку. Они выстроили леса, чтобы забраться повыше. Кое-где покрытия уже не было. Там виднелся шпангоут, похожий на кости погибшего кита. По верхней части самолёта мыши проложили мостки. А кто-то висел на тросах и резал корпус там, куда рабочие с лесов не могли дотянуться. [21]

– Зачем они разбирают самолёт? – спросил Мауи. – Разве не лучше починить его и заставить летать?

В ответ послышался горестный вздох. Гунтур мотал головой, призадумавшись.

– Твоя правда, Мауи. Хоть ты и дуроломный дикарь. Вот я тебе расскажу историю самолёта.

Пока тракт огибал труп летающей машины, Гунтур рассказывал:

– Это один из самолётов, что пропадают над океаном без следа. За годы машина ушла в глубину под своим весом, да так, что виднелся только хвост. Под узкой скалой отдыхали путники. Никто и не думал, что там такое!

Как-то раз любознательный мышак решил проверить, что скрывается под скалой. Поговаривали о кладе… И мыш копал всё глубже и глубже, а скала и не думала кончаться.

Поняв, что в одиночку не справиться, безвестный герой отправился к самому Мусорному Барону и долго ждал при-

[21] Каркас воздушного судна.

ёма у Его Сиятельства. Представляю, как мышак подпрыгивал от нетерпения. На его счастье, владыка оказался в хорошем настроении и послал чиновника для проверки слов пытливого мыша.

Гунтур хмыкнул и задумчиво добавил:

– А мог бы и голову отрубить. Словом, повезло.

– А дальше?

– Дальше дело техники. Пригнали рабов, выдали концессии старателям, и так образовалась Ржавая долина.

– Кто это – старатели? – переспросил Мауи.

– Всякие звери, обуянные духом предпринимательства, – пояснил Гунтур. – Некоторые ведут раскопки сами. Богатые посылают рабов, а сами сидят в Тауне.

Все должны покупать у Мусорного Барона концессию на поиски, а также уплачивать пошлину за ценные находки. Платят и бедняки из трущоб, и богачи. А кроме того, здесь есть небольшой городок, где можно помыться и переночевать, вкусно поесть и весело провести время. Разумеется, всё облагается налогами в пользу Его Сиятельства.

– А как же полёты на небо? – спросил Мауи.

– Да не нужны они никому! – раздражённо брякнул Гунтур. – Зачем самолёту летать, если его годами можно пилить на сырьё? И все имеют с этого прибыль. Получается, что наш замечательный Мусорный Остров с богатейшими недрами является сырьевым придатком более развитых государств. Куски самолёта и другие полезные ископаемые гру-

зят на баржи и везут в разные страны, где меняют на еду, одежду и даже на детские игрушки. Вместо того, чтобы создавать вещи самим! А ведь мы сильная морская держава со славным прошлым! – пират погрозил кулаком.

«Оно и к лучшему, что на Мусорном Острове нет летающих самолётов, – подумал Мауи. – Сколько бед его жители принесли бы другим народам, умей они летать!».

– А ты, верно, думаешь, что у нас бы не получилось?! – его молчание Гунтур истолковал по-своему, обиделся и разозлился. – Ничего, пригласили бы иностранных специалистов, уж на это у державы хватит денег! А со временем вырастили бы своих, – он расходился всё больше и больше, размахивая лапой и кривя морду с уродливым шрамом.

– А ты не похож на обычного пирата, – заметил Мауи. И сказал так уверенно, будто бы на своём веку перевидал уйму морских бандитов и смог составить впечатление.

– Ты ожидал увидеть жестокого дуболома? – рассмеялся Гунтур. – Таких среди нас хватает. Мой папаша был уважаемым учителем, пока не умер от сыпного тифа. Он собирал книги всю жизнь, выучил меня читать, и благодаря ему я стал разбираться в вещах получше, чем многие. Разум! Вот главное оружие моряка! – он назидательно поднял палец.

– Разум не у всякого есть, – поддакнул Мауи.

– Снова твоя правда, – осклабился большой крыс. – Посмотри на Тайпена. Подлая шкура, убийца своего командира. Он нам рассказывал, будто бы офицер издевался над ним.

Ах, несчастный Тайпен! Думал, я не узнаю, – Гунтур снова рассмеялся, издавая рыкающие звуки. – Будто не поинтересуюсь, с кем хожу в одной команде и кому подставляю спину. На самом деле, этот прохвост убил из-за денег! Прознал, что в несгораемом шкафу лежит жалованье за три месяца, и позарился, скотина!

Гунтур сердито сплюнул под ноги.

– А третьего дня его поймали возле чужого рундука на воровстве. По морскому обычаю Тайпену отрезали два пальца. Один – за кражу, а второй – чтобы не забывал урок.

Некоторое время шли молча, огибая самолёт. Другой борт пострадал сильнее: по обшивке змеилась длинная трещина, валялось оторванное крыло.

Вокруг сновали мыши, не обращая внимания на путников. Самый толстый мышак стоял в тени крылатой машины и орал на четырёх других, выставленных на солнцепёк. Те понуро склонили головы, и на каждом был железный ошейник как символ рабства.

«Неужели и меня ожидает такая же судьба?» – вздрогнул Мауи. Он решил отвлечься от дурных мыслей и спросил Гунтура:

– А чем ещё занимаются пираты, кроме убийств и морского разбоя?

– Ну, официально мы каперы, а не пираты, – заметил Гунтур. – Государство даёт нам право нападать на суда, брать с них добычу, а потом платить налоги в казну. Так что всё

законно.

– А как же мы?! – не выдержал Мауи. – Вы грабите мирных тружеников!

– Горе побеждённым, – пожал плечами Гунтур. – Разве вы беззащитны? Взгляни на Коралловый город. Ваш матриарх могла бы отрядить флот для патрулирования атолла. Защитить рыбацкие деревни. И где же этот патруль? – крыс театрально оглянулся по сторонам, словно ожидая увидеть боевые каноэ. – Нет его. Город защищает только сам себя. От вас требуется платить налоги и спасать их шкуры, когда припечёт, – крыс довольно захохотал.

Хмуро глянув на него, Мауи задумался.

«А ведь этот бандит в чём-то прав. Раз в год наше племя собирает лодочный обоз с рыбой свежей и солёной, с пальмовым лыком, копрой и другими припасами для Храма Тангароа. [22]

И дядя Момо рассказывал, как водил такой обоз. Надутый чиновник, который принимал товар, ругался, мол, рыба-то с душком! А когда Момо захотел открыть лавку в городе, то ему грубо отказали. Деревенщина – знай своё место!

Как же так получается? Когда им нужны припасы – требуют с нас. А когда нам что-то от них надо, то ничего не получишь!

Да разве отвертишься от дани? За неё жрецы целый год молятся богу Тангароа. А как иначе? Ведь бог рассердится!

---

[22] Высушенная мякоть кокосового ореха. В частности, из копры делают масло.

Будет топить наши лодочки и рвать сети чаще, чем обычно. А потом чиновники пошлют солдат. Те сильно побьют смутьянов, чтоб неповадно было. Некоторых и до смерти. Изымут недоимки, да ещё и сверху возьмут за свои услуги».

При Мауи такого не случалось, хотя он всякое слышал от мышей, много повидавших на своём веку. Он увлёкся мыслями и не сразу понял, что Гунтур продолжает говорить.

– Вот скажи, дикарь, чем разбойники отличаются от обычных граждан? – Гунтур явно подтрунивал над Мауи. – Разбойники стараются добиться материального благополучия без того, чтобы трудиться. Они привыкли брать силой то, что другие производят долгим и нудным трудом. Раз-два! Было ваше, стало наше. Однако и тут есть какие-то рамки. Предательство осуждается везде. Как я могу быть уверен, что завтра Тайпен не воткнёт мне нож в спину? Я знаю, он метит на моё место и ждёт, гадёныш, удачного момента.

– Так зачем же ты держишь его возле себя?

– Потому что Тайпен опытный моряк и служил у бомбейского султана, пока не случилась с ним известная история. Знаешь, толкового старпома сложно найти. Многие хотят в пираты, побыстрее сорвать куш. Это лучше, чем горбатиться на Фабрике за гроши или рыться в мусоре. И для скороспелых морячков первое плавание частенько оказывается последним. Помнишь Вэнь Хо, которого ты утопил?

– Помню, – выдохнул Мауи и похолодел.

– А, не горюй о нём, – махнул лапой Гунтур, уловив пе-

ремену. – Парень из ниоткуда, ловец удачи. Мы его послали вперёд, чтобы не рисковать самим. И, как видишь, не ошиблись. Оказалось, что в рундуке припасён крис, и тебе хватило смелости пустить его в ход. Вэнь Хо погиб не зря – он спас более ценные жизни своих товарищей! – пират снова загоготал.

Самолёт остался позади. Дорога повела Гунтура и Мауи прочь из Ржавой долины. Сначала мышак думал, что им снова придётся перевалить через мусорную гряду, но дорога шла вдоль возвышенности, не делая попыток подняться на неё. Вдалеке курились дымы, и вскоре показались какие-то постройки. Впрочем, разглядеть их получше мешало большое расстояние.

– А Сухарто тоже предатель? – Мауи решился на вопрос, крутившийся у него на языке.

– Он тебе уже плакался про свою жизнь? – уточнил Гунтур, осклабившись. – Ха, Сухарто думает, я не знаю, как он болтает с пленными.

– Зачем он так делает?

– Наверное, ищет сострадания, – Гунтур пожал плечами. – Я не знаю. Каждый борется с призраками по-своему. Кто-то азартной игрой, кто-то выпивкой. А вот Сухарто – исповедью. Я лично не против. Пусть исповедуется, если ему так хочется.

– Так он предатель или нет? – настаивал Мауи, не в силах сам ответить на этот вопрос.

– Нет, не предатель, – уверенно сказал Гунтур. – Его спутники уже были мертвы. Мы бы утопили их одного за другим, с Сухарто или без него. Шансов спастись не было. А он молодец. Разобрался, что к чему, и сделал выбор. Хоть и мучается теперь.

– Наверное, он ищет прощения, – предположил Мауи.

– Глупо надеяться, что какой-нибудь народ примет его, узнав, что он натворил. Не бывает такого.

«Кто знает», – подумал Мауи. Он искренне сочувствовал несчастному повару.

Они снова шли молча, и вокруг тянулся унылый пейзаж с хижинами старателей: нищими времянками, наскоро собранными домишками. Их становилось всё больше, появились пыльные улицы, где дети таскали друг друга за хвосты. Мауи понял, что Гунтур привёл его в посёлок вроде пиратской деревни. Путники подошли к высокому забору из веток и глины с воротами, которые сторожил совсем маленький мышак-полёвка. По всему было видно, что стражнику очень жарко в шлеме и кольчуге. Опершись на копьё, мыш пытался охладиться, вывалив язык. Увидев пирата и его пленника, стражник оживился, подобрался и сурово спросил:

– Кто вы и по какому делу?

– А то ты не знаешь? – с издёвкой откликнулся Гунтур, смотря на мыша сверху вниз.

– Гунтур! Отвечай по форме, – обиженно пискнул стражник. – Я же на дежурстве. Мне положено спрашивать. Если я

всех буду пускать без вопроса, мне старший голову открутит.

– Эх, трудная у тебя служба, – смеясь посочувствовал пират.

– Да ладно, проходите, – мышак поправил шлем и тоже улыбнулся.

Он прислонил копьё к стене, ухватился за кольцо на створке ворот и потянул изо всех сил. Дверь немного поддалась, но потом застряла.

– Может, так пролезете? – пристыженно спросил часовой.

– Чем же они кормят вас, могучих воинов? – вздохнул Гунтур, подвинул мыша в сторону и сам дёрнул за кольцо. Створка боролась, как могла, но капитан был посильнее мыша, и дверь признала поражение.

– Ладно, бывай, служивый, – махнул лапой пират и пошёл внутрь, потянув Мауи за собой.

– Эй, эй! – закричал им вслед тщедушный мышак. – Помоги закрыть ворота! Гунтур, не бросай меня!

А пират, ухмыляясь в усы, шёл прочь на всех парусах, оставив мышиные проблемы за кормой.

Глава седьмая. Мауи делает выбор

Сразу за воротами раскинулась зеленая лужайка, покрытая ласковой травой. Она походила на мягкий плюшевый ковёр и колыхалась под слабым ветром. По лужайке бежала дорожка золотого песка. По обе стороны поднимались головки чудесных цветов, ярких, с густым сладким ароматом. Орхидеи приковывали взгляд своей красотой.

Мауи захотелось порезвиться – пусть трава щекочет животик и спинку. А потом залезть в бутон и дышать нектаром, пока не закружится голова. Вот если бы верёвка Гунтура не хватала за шею…

Они прошли искусственную изгородь колючего кустарника, за которой притаилась сторожка. Их встретили две молодые мыши, одетые в кимоно. Юноша имел чёрную шёрстку, а девушка – белую. Оба держали в лапах длинные прямые мечи, до срока скрытые в ножнах. На приветствие Гунтура мыши ответили поклоном, не проронив ни слова.

– Так здесь настоящая стража! – воскликнул Мауи.

– Конечно, – хмыкнул Гунтур. – А как ты думал? Усадьба хорошо охраняется со всех сторон. Вот даже этот чудный газон изобилует скрытыми ловушками для непрошеных гостей.

– Зачем же нужен тот слабосильный мышонок перед воротами? – не понял Мауи. – Какой от него прок?

– Он, как это называется, держит флаг. Показывает всем, что усадьба под защитой. И если вдруг придут посетители, то он пропустит их, наказав не сходить с дорожки. А здесь их встретят и разберутся.

Откуда ни возьмись, на пути возникла молодая симпатичная мышка в европейском платье. Она смотрела строго и важно, ничуть не пугаясь сурового Гунтура.

– Я желаю видеть Сюркуфа, – сказал Гунтур.

– Он принимает ванну. Хозяин велел проводить вас прямо к нему, когда вы появитесь, – ответила мышка мелодичным голоском. – Прошу вас следовать за мной.

Она привела гостей к необычному дому из разноцветного бутылочного стекла. Внутри оказался бассейн с белым песком, а в нём возлежал незнакомый мышак. Он развалился как барин, раскинув лапы и хвост. Пообочь сидели две шиншиллы и массировали своего господина, просеивая песок через его шерсть. Мышак покряхтывал и подёргивал хвостом от удовольствия.

– Господин, пришёл капитан Гунтур! – объявила секретарь.

Мышак в бассейне быстро перевернулся на живот, сел на задние лапы, а передними умыл мордочку.

– Благодарю, Сесилия, можешь идти, – он отпустил секретаршу взмахом лапы. – И вы, девочки, тоже.

Шиншиллы выбрались из бассейна и пробежали мимо рыбака, подарив ему на прощанье печальный взгляд. Когда

в стеклянном доме не осталось посторонних, начался серьёзный разговор.

– Здравствуй, друг! – воскликнул мышак и развёл лапы в стороны, точно хотел обнять большую крысу. Голос так дрожал от радости, что Мауи поверил в искренность Сюркуфа.

– Я своих друзей знаю, – холодно бросил Гунтур. Его тон не смутил хозяина усадьбы.

– Очень, очень рад тебя снова видеть! – улыбался мышак. Он выбрался из бассейна и запихнул своё дородное тело в китайский халат. – Вот, посмотрите на это чудо! Я привезу моду на песочные ванны во Францию. Все с ума сойдут от экзотики! Начну с родного курорта Сен-Мало, а затем доберусь и до Парижа!

Знаете, шиншиллы ненавидят купаться в воде и взамен предпочитают песок. Доказано: песок отлично избавляет от паразитов. А ещё придаёт шерсти приятный запах, напоминающий о дальних морях. Это потому, что мы туда добавляем крупинки морской соли.

Он забегал взад-вперёд, продолжая строить грандиозные планы:

– Представьте себе мышь-вдову, у которой муж сгинул на свечной фабрике. Скажем, попал под каблук рабочего. Бывает же такое! А бедняжка осталась одна с пятерыми мышатами и одной коркой хлеба на всех. Может ли она вымыть своих чад? Ведь ей придётся заплатить владельцу арендуе-

мой норки за каждое ведро воды. Конечно, нет. А песок совсем другое дело! Его можно просеивать, а потом использовать снова. Куда ни посмотри – одни плюсы! Дёшево, практично, гигиенично. Производство наладим из местного сырья.

– А не боишься, что найдутся другие предприимчивые ребята и тоже станут его продавать? – усмехнулся Гунтур.

– Во-первых, мы продаём не просто песок, а образ жизни, – назидательно объяснил Сюркуф. – Совсем другое дело! Потребитель уже знаком с товарами торгового дома «Лефевр». Громкое имя работает на нас. Вот послушай, мы продаём дешёвые стеариновые свечки, которые в народе называют «грошики». Их часто покупают в норы, где нет денег на дорогое масло для светильников. А ещё их едят, когда брюхо скручивает от голода, а в кармане пусто. Видите, дёшево и практично – как я люблю! [23]

Сюркуф с удовольствием хохотнул.

– А во-вторых? – спросил Мауи.

– Что «во-вторых»? – не понял француз, увлечённый собственными мыслями.

– Ты сказал «во-первых» и начал рассказывать про свечки.

---

[23] Начиная с XVI века, европейские государства создали акционерные общества для торговли с Индией, Китаем и другими странами. Со временем торговые компании заимели собственные флот и армию, стали оказывать прямое воздействие на более слабые державы. Мыши, к несчастью, тоже пришли к политике колониализма, жестоко эксплуатируя своих сородичей.

– А, да, есть и «во-вторых». Во-вторых, – голос Сюркуфа посуровел, – мы конкурентам вырвем ноги, все четыре, если посмеют встать на пути. Знаете ли, моя семья – одна из самых влиятельных во Франции. Кстати, а ты кто такой?

– Это Мауи, рыбак с атолла Матубару, – объяснил Гунтур и дёрнул верёвку, чтобы пленник придержал язык. – Его захватили в море. Он мой раб. И может стать твоим, если договоримся о цене.

– Да-да, – оживился Сюркуф. Он поправил халат и поспешил к выходу. – Идём скорее в мой кабинет. Нужно обсудить кое-какое дело. Заодно и будущее твоего раба.

Когда они вышли из стеклянного дома, чёрная и белая мыши были тут как тут. Сюркуф ни на мгновение не оставался без защиты.

Под конвоем или почётным караулом, Сюркуф, Мауи и Гунтур прошли через вторые ворота на широкий хозяйственный двор, полный мышей, крыс и хомяков. Они галдели без умолку, тащили тюки, катили бочки и пластиковые бутылки с непонятной жижей. Четыре пожилые женщины несли на плечах длинный огурец.

На виду у всех пороли кнутом тощего мыша в рабском ошейнике. Ему отмерял удары жирный крыс с полинявшей шкурой, сопя от натуги. Впрочем, дал немного, видно, для порядка. Отбыв наказание, раб натянул рубаху и побежал делать что велено, а крыс присел отдохнуть на лавочку под тень липы.

Сюркуф шагал через двор уверенной походкой, не обращая внимания на повседневную суету. Батраки кланялись своему хозяину и спешили освободить дорогу.

– Гляжу, ты окружил себя особой охраной, – Гунтур кивнул на мышей в кимоно. – Чего-то боишься?

– А как иначе? Моя работа связана с риском. Я же не бублики продаю. У семьи Лефевр много врагов. Они завидуют нашим успехам в торговле колониальными товарами. И могут подослать наёмных убийц, чтобы лишить семью столь яркого и выдающегося лидера, каким я, безусловно, являюсь.

– А если тебе нанять кота? – усмехнулся пират. – Он разорвёт любого врага, только пальцем укажи.

Сюркуф вздрогнул и со страхом посмотрел на Гунтура.

– Даже досыта накормленный и хорошо оплаченный кот рано или поздно сорвётся, когда вокруг бегает столько мышей, – пробормотал Сюркуф. Недовольный своей минутной слабостью, он пошёл ещё быстрее, показывая, что не намерен продолжать неприятный разговор.

– Кто такие коты? И почему он их так боится? – шёпотом спросил Мауи Гунтура.

– Ах да, у вас же они не водятся. Это хищные звери, очень большие и злобные. Говорят, однажды Сюркуфа изловил котёнок на господских виноградниках там, во Франции. Малыш принялся играть, не подозревая, с какой героической личностью связался, – Гунтур ухмыльнулся. – Сюркуфу чудом удалось вырваться из когтей и сбежать. Он-то себя го-

товил к легендарной жизни, славе и популярности, а едва не погиб в пасти кошачьего ребёнка, как несмышлёныш.

Они зашли в длинный дом из деревянных реек. Им открылся просторный зал, украшенный знамёнами под потолком. Вдоль стен стояли лавки и столы. На них расположились звери весьма необычного вида, которым прислуживали рабы. Засмотревшись, Мауи воткнулся во что-то мягкое и тут же получил сильный удар в живот.

– Смотри, куда прёшь, расписанная морда! – прошипел его обидчик. Смахнув слезу, Мауи увидел перед собой насупленную мышь с тёмной шерстью и блестящими злыми глазами. На ней был восточный халат и шапка с нитками бус.

– Чтоб тебя забрали дэвы! – выругалась мышь, бросила на рыбака испепеляющий взгляд и пошла прочь с гордо поднятой головой. [24]

– Осторожнее с Роксаной, – смеясь посоветовал Сюркуф. – Она с обидчиками не церемонится. В горах Гиндукуша живут суровые мыши-зороастрийцы, вам не чета. Они прекрасно ладят с огнём, и Роксана не исключение. Попадёшься ещё раз, и она зажарит твой хвост до хрустящей корочки. [25]

– Я смотрю, в этот раз ты собрал наёмников отовсюду, – заметил Гунтур.

---

[24] Злые духи в зороастризме.

[25] Одна из древнейших религий, ныне распространённая в Иране и Средней Азии.

– Да, и они ужасно дороги, – пожаловался Сюркуф. – Не представляешь, как трудно было найти и убедить каждого. Ох, совет директоров спустил бы с меня шкуру, узнав, сколько я плачу этой братии за каждый день службы.

– Так они же ничего не делают. Лишь пьют и едят вволю, – пират снова уколол Сюркуфа.

– Ах, ты опять! – скривился тот. – Ну, я хотя бы определил Инь и Янь к себе в телохранители.

Сюркуф кивнул на мышей в кимоно, которые сели за стол и потребовали у рабыни зелёного чая. Он поморщился и спросил:

– Вот скажи мне, Гунтур, отчего ты такой въедливый? За что меня подначиваешь?

– Есть за что.

Мышак кивнул с пониманием:

– Коль есть за что, давай обсудим. Я не хочу, чтобы между нами были какие-то трения.

Играя в радушного хозяина, Сюркуф забежал вперёд и пригласил гостей в свой кабинет. Главное место занимал изящный стол из красного дерева. Его, как и другую мебель, привезли из Франции. Мауи удивился мягким креслам: они имели отверстия в нижней части спинки, куда можно пропустить хвост для пущего удобства. До такого на Араутаке не додумались. Рыбаки оборачивали хвост вокруг себя.

Одно кресло занимала молодая мышка в кожаных штанах, белой блузе и алой бандане. Наряд выглядел забавно – де-

вушка походила на образцового пирата из детской книжки. На её мордочке читалась отчаянная скука.

– Разрешите вам представить мою старшую дочь Вивьен, – сказал Сюркуф.

– Здрасте, – ответила мышка, лениво махнув лапкой.

– Вивьен сопровождает меня в ходе визита в Полинезию, – разъяснил Сюркуф самым серьёзным тоном. – Я считаю, что молодой девушке полезно увидеть мир. А то у неё на уме одни мальчики и прогулки под луной.

Мышка наморщила носик, фыркнула и отвернулась.

– Давайте обсудим дела, – начал было Сюркуф, но больше ничего сказать не успел, потому что в кабинет без стука ворвался пожилой мышак в старомодной ливрее. Он принёс пачку бумаги, густо исписанной карандашом.

– А, Гастон! – воскликнул хозяин кабинета. – Знакомьтесь, это Гастон – мой верный валет, помощник во всех делах. [26]

Гастон вежливо кивнул присутствующим. Воздев лапы к небу и призывая его в свидетели, слуга возопил:

– Теперь он хочет морских коньков! Как вы это представляете, господин Сюркуф?!

– Подожди, Гастон, успокойся! – француз подвинул кресло старичку и налил стакан воды. – Расскажи всё по порядку. Как прошла встреча с Мусорным Бароном? Только коротко, пожалуйста, у меня посетители.

---

[26] Слуга при господине для помощи в повседневных заботах.

– А почему вы в халате, а не в мундире? – вдруг заметил старый мышак. – Нельзя вас оставить и на полдня без присмотра, как вы уже принимаете гостей в чём попало. Это же стыдно!

– Ладно-ладно, – замахал лапами Сюркуф, смущаясь. – Что ты там говорил про коньков?

– У Мусорного Барона новая блажь. Он желает, чтобы мы ему раздобыли морских коньков. На коронации лейб-гвардейцы возглавят процессию верхом. И ещё хочет, чтобы солдаты надели красивую форму, медные блестящие шлемы с пышными плюмажами. Мне кажется, ему невдомёк, что морские коньки – это рыбы и скакать на них нельзя.

– А что, Барон завёл себе лейб-гвардию? – удивился Сюркуф.

– Кто-то ему рассказал, что на коронации Наполеона лейб-гвардейцы украшали церемонию. Он хочет быть как знаменитый император, – Гастон сокрушённо покачал головой. – И даже готов учредить лейб-гвардию, чтобы на следующий день её распустить.

– Хм, надо подумать, – Сюркуф почесал ухо. – И про морских коньков тоже.

– Его Сиятельство пожурил вас за неуважение. Вы не явились на важнейшее заседание, а вместо этого отправили меня, – добавил старик. – Впредь Мусорный Барон настоятельно рекомендовал вам не пропускать ни одной встречи, чтобы не потерять нить рассуждений.

– Ага, как же! – расхохотался Сюркуф. – Он собирает одно заседание до обеда, а другое после обеда. И каждое длится не менее трёх часов. Это ещё не считая летучек, когда Его Сиятельству приходит какая-то блестящая идея и ему не терпится ею поделиться. Нет уж, самое главное – это Коралловый город. Завтра я подам его на блюде, а потом черёд лейб-гвардейцев на морских коньках!

– Неужели решились на сегодняшнюю ночь? – ахнул Гастон и прикрыл ладонью рот.

– Да, всё случится сегодня, – Сюркуф кивнул, прищурив глаза. – Теперь ступай и приготовь мой адмиральский мундир. Детали обсудим позже.

– Господин, ещё нужно поговорить про очередную партию «Утренней звезды». Она задерживается с прибытием, потому что…

– Тихо! Старый дурак! – зашипел мышак и замахал лапами. – Нашёл место и время! Не мешкай, иди, мне надо обсудить кое-что с нашими гостями.

Когда за слугой закрылась дверь, Сюркуф быстро успокоился и вежливо спросил хмурого пирата:

– Гунтур, желаешь ли чая или кофе?

– Желаю поговорить о делах, – ответил тот.

– Правильно! Нет ничего лучше, чем узнать правду, – француз хлопнул в ладоши и уселся в кресло во главе стола. – Скажи мне, друг Гунтур, отчего ты так зол на меня? Ты говорил, что есть причина.

– Есть причина, – кивнул пират, усаживаясь напротив Сюркуфа. – Я слышал от других капитанов, которых ты нанимал для поручений, что они несут много потерь среди моряков. Похоже, ты специально даёшь самые опасные задания и не сообщаешь всех подробностей. От незнания гибнут наши товарищи, а ты экономишь деньги!

– У пиратов опасная работа, разве не так? – заёрзал Сюркуф.

– Опасная, но не безрассудная. Для тебя эти моряки – никто, а для нас – соседи, друзья, родичи, – лапы Гунтура сжались в кулаки. – Я тебя раскусил. Ты скрываешь важные детали, ведь иначе капитан не согласится на твою цену. А потом удерживаешь часть денег, потому что моряков вернулось меньше и кое-кто не нуждается в оплате. Ты мошенник, Сюркуф!

– Но-но, я бы попросил! – мышак попытался спрятать страх за показной злостью. – Это серьёзное обвинение, Гунтур.

– Готов ответить за свои слова! И другие капитаны тоже. Если продолжишь в том же духе, никто из нас больше не будет работать с тобой. Мы так решили. Дальше думай сам.

– Ладно, – Сюркуф поднял ладони в жесте примирения. – Что было, то было. Только несправедливо обвинять меня в гибели каждого моряка, не вернувшегося из плавания. Есть же не зависящие от меня причины. Например, штормы, болезни, морские чудовища.

– Не все погибшие в море на твоей совести, – согласился Гунтур. – Хотя каждый капитан может привести факты, когда именно твой умысел привёл к трагедии.

– Хорошо, Гунтур, я всё понял, – закивал Сюркуф. – Давай так. Чтобы унять твою боль, я куплю этого пленника по любой цене, которую назовёшь. И ты получишь для своей команды простое задание, за которое я заплачу вдвое больше обычного. Что скажешь?

Гунтур подумал с минуту, а потом кивнул:

– Ещё заплатишь на каждого погибшего моряка единоразовую компенсацию. Список есть у капитана Коразола.

– Без ножа режешь! – схватился за голову Сюркуф. – Меня же акционеры съедят прямо с шерстью! Как я обосную им дополнительные расходы?!

– Это твои проблемы! Сам думай, что им скажешь. Пойми, у моряков остались жёны и дети. Они осиротели.

– Да чтоб тебя морской дьявол забрал! – брякнул в сердцах Сюркуф. – Ладно, твоя взяла. Заплачу всем компенсацию.

– А пленник?

– И его куплю. Доставай бумаги, – Сюркуф, ещё пылая ушами от злости, полез под стол и достал оттуда небольшой сундучок. – Купчую сделаем в упрощённой форме. Согласен? Дикарь без особых талантов, не будем страховать сделку.

Гунтур не возражал. Вот так документы о рабстве Мауи

перешли из лап в лапы, деньги перекочевали в обратную сторону, а несчастного рыбака никто не спросил – его продали как бессловесную вещь.

– К вечеру собирай своих ребят, – приказал Сюркуф. – Есть для вас несложное, но ответственное поручение. Ты можешь пообедать, а после поговорим о деталях.

– Ещё кое-что, – Гунтур достал из заплечного мешка крис и положил на стол. Сердце рыбака защемило, и он едва удержался, чтобы не броситься вперёд и не схватить отцовское оружие.

– О, Гунтур, что же ты не начал с него! – воскликнул Сюркуф. – Отличная работа, туземный колорит. Покупаю без всякого торга. Отличное прибавление в мою коллекцию.

Он достал из сундучка ещё пригоршню монет и отдал пирату.

Покончив с обменом, Сюркуф обратился к пленнику. После спора с Гунтуром он совершенно успокоился, и прежний ехидный вид вернулся к нему.

– Что ж, отныне ты мой раб! Как там тебя зовут? Я забыл.

– Мауи, рыбак с острова Араутака.

– Ах, Араутака! Прекрасное место! – воскликнул Сюркуф. – Как я люблю тропические острова. В моём родном городе Сен-Мало на побережье Атлантического океана всё по-другому. Знал бы ты, какие там отливы! Вода совершенно уходит, заставляя яхты лечь на дно.

Мауи неуверенно кивнул, не понимая, куда клонит фран-

цуз.

– Ты, конечно, хотел бы вернуться домой? И поскорее? – уточнил Сюркуф.

– А как же! – согласился Мауи, впрочем, уже не надеясь, что его просто так отпустят.

– Выслушай моё предложение. Мне понадобится твоя помощь в деле, которое я хочу провернуть сегодня ночью. Ты поможешь мне, а я помогу тебе. Честная сделка! Приходилось ли тебе бывать в Коралловом городе? Разумеется, нет. Вас туда не пускают. Матриарх Вирсавия и богатейшие граждане считают, что островитянам не место внутри городских стен. Вы им привозите пищу – и они охотно её берут. А потом дают вам от ворот поворот. Правильно я говорю?

– Так, – кивнул Мауи. – Я ни разу там не был. Слышал только дядин рассказ.

– Вот видишь, – Сюркуф театрально развёл лапами. – Вы для них чужие. Мыши второго сорта. А мне довелось однажды там побывать. Торговый дом отправил делегацию для установления деловых отношений.

За городскими стенами нам открылись богатые улицы с тенистыми двориками, которые накрывают тканью от палящего солнца. Там проводят дни зажиточные граждане, чиновники, купцы, окружённые заботой своих слуг. Всюду дорогие статуи. Да что там! Они вмуровывают жемчуг в мостовую и стены домов. Как тебе такое? Впору Коралловый город переименовать в Жемчужный. Словом, денег у них де-

вать некуда.

Мауи качал головой, слушая удивительный рассказ. В его душе заворочался червь сомнения. Почему горожане требуют столь великую дань каждый год, если у самих ломятся закрома? Лучше бы рыбаки оставили припасы себе. Штормы и наводнения сокрушают мышиные дома и рыбьи заводи. Их чинят всем миром, а потом приходят мытари и требуют оброк. Несчастья племени для них пустой звук. Как прожить рыбаку? В море его поджидают пираты, а на суше – местные чиновники-кровопийцы. [27] [28]

– Пришло время восстановить справедливость! – провозгласил Сюркуф. – Отомстим богачам за прошлые обиды и заберем то, что причитается нам по праву. Ты со мной?

От неожиданного вопроса Мауи растерялся.

– Чего ты от меня хочешь? – спотыкаясь, спросил он.

– У Города удобная гавань, но просто так туда не попасть. Два мола защищают её от незваных гостей, словно обнимая лапами. На них оборонительные башни «Слон» и «Тигр». Когда нет войны, огни на башнях указывают путь кораблям. Между молами крепкие ворота. Их на ночь запирают.

На башнях дежурит стража. Но есть кое-что похуже: крабовая кавалерия. Да, крабов там дрессируют как ездовых животных. Они ловко бегают, неся на спине двух седоков.

---

[27] Сборщики дани.

[28] Налог (дань) в натуральной форме, то есть едой, одеждой, изделиями народного промысла.

Словом, башни хорошо защищены, а их защитники могут надеяться на подкрепление. Наш единственный шанс – это внезапная атака! После захвата «Слона» и «Тигра» мы откроем ворота, и десантные суда войдут в порт.

– Как же я могу помочь? – Мауи развёл лапами в недоумении. – Я не воин.

– Зато у тебя есть эти рисунки на шерсти, – кивнул Сюркуф. Его распирала гордость за самого себя, и не терпелось поважничать перед дочерью и Гунтуром. – Вот послушай мой хитроумный замысел! Два каноэ ночью подойдут к молам. Ты и твои сородичи сядете первыми, а мы за вами. Стража увидит рисунки на ваших мордах и примет вас за ополченцев, которые задержались в пути и не успели добраться в Город засветло. Тут-то мои славные парни выскочат из лодок и повяжут гарнизон. А потом отпустим вас по домам. Ну как, согласен?

Сзади зашипел Гунтур:

– Соглашайся, дурак! Сегодня же будешь дома!

Мауи мешкал с ответом. Говорил Сюркуф складно, и предложение выглядело разумным, но…

Богачи Кораллового города – кто они для Мауи? Обуза? Нахлебники? Мучители? Или же родичи, которым в жизни повезло немного больше?

Да, они собирают налоги, порой отнимают силой. Зато обменивают собранное на заморские товары. Кое-что перепадает и рыбакам. Уже который год им обещают открыть шко-

лу – и однажды непременно откроют. А самое главное – они молятся великому Тангароа о процветании мышиных племён. Как прожить без жрецов? Бог разгневается и пошлёт ураган, который смоет деревню Мауи.

Да, Город берёт много, но и даёт немало. Он часть родного атолла, а эти пираты – стервятники моря – прибыли сюда пограбить, поживиться чужим добром. А ещё прикрываются напыщенными словами о справедливости! Если пустить их в Коралловый город, то они не принесут ничего, кроме убийств, слёз и разорения.

– Послушай меня, ты, меховой мешок! – Мауи, наконец, разобрала злость на двуличного француза. – Думал, раз я неграмотный рыбак, а ты образованный, то обманешь меня в два счёта? Думал, я отдам мой собственный народ в твои жадные лапы? Убирался бы ты восвояси на своей плавучей помойке!

Уши Сюркуфа покраснели от ярости, рот задёргался.

– Вивьен! – он взвизгнул так громко, что девушка подпрыгнула в кресле. – Сведёшь эту дикарскую морду в тюрьму, в компанию к той мыши-гордячке. Пусть вместе посидят и подумают над своими словами. И без него справимся!

Прижав уши от страха перед грозным родителем, мышка вылезла из кресла. Она торопливо засунула купчую в сумку, а потом взяла верёвку и потащила Мауи прочь из кабинета.

– Дурак, – тихо обронил Гунтур ему вослед.

Глава восьмая.
Узник пивной банки

Вопреки ожиданиям Мауи, Вивьен не повела его по чудесному саду с бассейном. Они покинули хозяйственный двор через дверь в глинобитной стене и оказались в переулке.

– Не вздумай шутить со мной! – строго сказала мышь, погрозив рыбаку небольшим кинжалом. – Мигом отрежу хвост и уши.

– Ты такая кровожадная, – попытался пошутить Мауи.

– Шагай, не оборачивайся, – без злобы сказала она, подтолкнув мышака. – Папа говорил, что с вами нельзя расслабляться. Стоит замешкаться, как дикарь набросится и убьёт.

Мышка произносила слово «папа» на французский манер, с ударением на последний слог.

– Наверное, ещё он рассказывал, будто мы едим мышей.

– Конечно! – охотно согласилась Вивьен. – Вы через одного каннибалы! [29]

– Твой отец говорит глупости, – уверенно сказал Мауи. – На нашем острове каннибалов нет. Может, на других есть, а на нашем нет. Мы разводим рыбу, собираем фрукты.

– Не говори так про моего папу. Он не первый раз в этих

---

[29] Те, кто поедает особей своего вида. Мыши могут есть любую пищу, а их предпочтения зависят только от культурного уровня, воспитания и обстоятельств.

краях и знает, как здесь всё устроено.

– А ты? – поинтересовался Мауи.

– Впервые. Сколько раз я просила взять меня в плавание! А последнюю зиму буквально ночевала в отнорочке, где у папы кабинет. Я уже достаточно взрослая, чтобы увидеть мир. Папа всё ещё опекает меня, будто я не могу за себя постоять, – она выхватила кинжал, ловко крутанула его в ладони и загнала обратно в ножны.

– Что ж, надеюсь, тебе понравится наш атолл, – с грустью сказал Мауи. – Лучше бы вы пришли как друзья. Вас бы ждал тёплый приём и праздник. А вы явились грабить и убивать.

Вивьен не нашла, что ответить. Грустно смотреть, как этот славный парень с забавными узорами на морде пылит резиновыми сандалиями, а на его шее болтается верёвка.

Длинный переулок превратился в кривую улицу с домиками из палок, глины и всякого мусора. В час перед обедом, жаркий и душный, хозяйки стирали бельё и готовили еду, а детишки с писком гонялись друг за другом. Мужчины работали в полях за деревней, окучивая зелёные всходы.

– У здешних мышей вдоволь земли, – удивился Мауи. – Должно быть, они богатые.

– Земля им не принадлежит. Ею владеет Мусорный Барон. А крестьян он подарил моему отцу, чтобы тот кушал свежий хлеб и овощи. Они обязаны отдавать нам половину своего урожая.

– Где же тут справедливость?! – возмутился мышак. – По-

смотри на них: трудятся целый день, их шерсть перепачкана грязью, а твой отец проводит дни в бассейне!

– Они не жалуются, – Вивьен с безразличным видом пожала плечами, хотя на самом деле ей стало стыдно. – У большинства и того нет. Землевладелец даст небольшой надел, и крутись как знаешь: корми семью и плати налоги.

– Кругом обман, – грустно заметил Мауи. – Так куда же мы идём?

– В тюрьму Синг-Синг, – ответила Вивьен. – Послушай, ты зря нагрубил моему отцу. Он обычно добр с пленниками и рабами, но ты перегнул палку. Так что придётся посидеть в карцере.

– Сюркуф принял меня за предателя, – нахмурился Мауи. – Почему-то он решил, будто я помогу ему хитростью взять столицу.

– Так другие-то согласились.

– Как?! Кто?!

– Я не знаю, кто, – пожала плечами мышка. – У них были такие же рисунки на шерсти, как и у тебя. И говорили они в такой же манере. Несколько мужчин. Я не помню их имена.

«Неужели отец?! – шерсть Мауи встала дыбом, точно в ознобе. – Нет, он не мог, он бы не пошёл на предательство».

Поселковая улица упёрлась в длинный одноэтажный барак, собранный из гнутых листов железа. Единственные ворота сторожили две крысы с алебардами. От палящего солнца сторожей прикрывали деревянные навесы, хотя и без осо-

бого толка. Зной раскалил воздух перед обычным полуденным ливнем. [30]

– Чего надо? – буркнул стражник вместо приветствия.

– Привела пленника в заключение, – в тон ему ответила Вивьен.

Крыс поленился открывать рот и просто мотнул головой, мол, заходи.

Мауи вошёл первым, и едва переступил порог, как покачнулся от тяжёлого запаха. Солнце настолько раскалило барак, что находиться внутри было сущим испытанием. Конторские работники страдали за письменными столами, отделённые друг от друга перегородками из целлофана. Некоторые сняли пиджаки и расстегнули рубашки, но вряд ли это помогало.

Посредине конторы зияла дыра: винтовая лестница уходила в глубину. Оттуда поднимались вонючие испарения и неслись страшные крики.

«Должно быть, барак – лишь видимая часть тюрьмы, – содрогнулся Мауи. – Узники внизу. Там может быть и мой папа».

Вивьен потащила его к мыши неопределённого возраста, которая выглядела поживее прочих.

– Чем могу помочь? – служащая всем своим видом и тоном дала понять, что помощь – это последнее, что от неё можно ожидать.

---

[30] Древковое оружие, сочетающее преимущества пики и боевого топора.

– Меня зовут Вивьен Лефевр, и я хочу сдать раба в карцер, – ответила молодая мышь. Она держалась уверенно и знала, как отвечать на вопросы.

Закряхтев, служащая поднялась со стула и не спеша потащилась к чугунным шкафам. Бормоча названную фамилию, она рылась, пока не нашла нужную папку. Грохнув ящиком, мышь так же не спеша вернулась на своё место. Её коллеги даже не вздрогнули, совершенно отупев от жары, вони и криков.

– Мадемуазель Лефевр, посмотрим, – мышь перебирала бумаги. Она задержалась на одной из них и подняла её повыше двумя пальцами. – Вот здесь написано, что скоро кончится депозит за пленницу, которую вы поместили в наше учреждение два дня назад. Если вы не внесёте средства до завтра, то сначала мы перестанем её кормить, а потом выставим за ворота. Таковы правила. За оставленных без присмотра пленников администрация ответственности не несёт.

Вивьен никак не ожидала такого поворота.

– Merde! – выдохнула она. – Мне нужно поговорить с отцом. Уверена, что уже завтра утром мы внесём необходимую сумму. [31]

– Поспешите, – посоветовала мышь. – Мы не благотворительная организация. Фирма «Синг-Синг» предоставляет лучший сервис на рынке принудительного содержания. Если не можете себе позволить собственную тюрьму, то лучше

[31] Французское ругательство, которому не место в приличной книге.

нас не найти. Однако услуги не бесплатны. Имейте в виду.

– Я понимаю-понимаю, – закивала Вивьен. – Завтра же отец пополнит депозит. А сегодня у меня ещё один раб, которого надо посадить в карцер за плохое поведение. Он нахамил моему папе.

– Надо же, какой негодяй, – скучным голосом заключила мышь-служащая. – В карцер так в карцер. Хотя можно было бы и просто высечь. Давайте его документы.

Вивьен порылась в сумке и достала бумаги.

– Так, посмотрим, – мышь снова углубилась в чтение. – Вот таможенная декларация на ввоз раба. А вот купчая. Ваш отец им владеет. А есть доверенность, что он дозволяет вам посадить его собственность в карцер?

– Доверенность? – Вивьен совершенно растерялась. – Какая доверенность?! Послушайте, два дня назад я привела сюда Александру, и никаких доверенностей не нужно было!

– Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, – служащая примирительно замахала лапами. – Понимаете, карцер – это не курорт. С рабом может случиться что-то нехорошее. Например, здоровье подорвёт или погибнет. И тогда ваш папа потеряет своё имущество и придёт к нам с претензией. Мы же не знаем, вдруг вы с ним повздорили и решили насолить. Взяли его собственность без спроса.

– Да что вы такое говорите! – вспыхнула Вивьен. – Мы не ругались с отцом! Он сам попросил привести раба. Мауи, ты-то хоть скажи, что так и было!

– Ну, слово раба ничего не стоит, – служащая жестом остановила Мауи, который уже открыл рот. – Вы же не спрашиваете мнение у лопаты? Что ж, на этот раз я оформлю заключённого, а завтра вы мне доверенность принесите. Я в дело подошью. Или пусть ваш папа придёт и напишет заявление.

– Да, хорошо, спасибо, – выдохнула Вивьен.

– Вечно пользуетесь моей добротой, – проворчала мышь и принялась за формуляр. – Значит, решили в карцер. Это будет подороже, чем обычная камера. Если возьмёте сразу на три дня, то получите скидку. У нас сейчас акция.

– Я думаю, одного дня достаточно, – смущённо ответила Вивьен. – Отец хотел его проучить, а не убивать.

– Да, три дня в карцере – не сахар, – согласилась мышь. – Питание закажете один раз в день, два, или хотите голодом поморить? Вода включена в стоимость и отдельно не оплачивается.

Вивьен грустно посмотрела на Мауи и сказала:

– Пусть будет два раза в день.

– Балуете его, – с укором сказала мышь и отметила на листке. – Битьё будете заказывать? Наказание ротанговыми палками или кнутом? Согласно последним исследованиям, воспитательный эффект больше, если совместить голод и битьё.

Изумление Вивьен мышь-служащая истолковала по-своему:

– Сейчас многие так делают. Стесняются сами бить ра-

бов, и приводят к нам. У нас всё-таки профессионалы, многие работали в Трюме. Есть даже сертифицированный палач, служивший у Мусорного Барона в пыточном застенке, – мышь кивнула на портрет невероятно толстой крысы, который висел над её рабочим местом. Мауи огляделся по сторонам и заметил повсюду такие же портреты. Видимо, это и был знаменитый Мусорный Барон. – Кстати, недавно пыточный застенок открылся и у нас. Пока в пробном режиме. Потому первый раз бесплатно. Хотите, мы туда отправим вашего Мауи? Уверяю, эти ощущения он запомнит на всю жизнь и станет как шёлковый.

– Нет-нет! – на мордочке Вивьен проступило отвращение. – Что вы! Не надо его мучить!

– Ну, как знаете, – пожала плечами мышь. – Моя работа – предложить вам лучший сервис, чтобы вы пришли к нам ещё и привели друзей. Знаете, рынок частных тюрем быстро растёт, и приходится толкаться с конкурентами. Постоянно выдумываем что-то новенькое.

Она проверила формуляр, а потом внимательно посмотрела на Мауи.

– Мадемуазель Лефевр, а ведь у вас раб без ошейника. Вы неместная, но должны знать, что заковать раба полагается в течение суток с момента появления на Острове. Добропорядочные граждане должны понимать, кто перед ними.

Она сверилась с таможенным документом и добавила:

– Правда, сутки ещё не прошли, хотя уже скоро. Если

желаете, наш кузнец может заковать его за дополнительную плату.

– Да, конечно, – кивнула Вивьен. – Я совсем забыла. Спасибо вам.

– Пожалуйста, – в первый раз улыбнулась мышь. – Столько возни с рабами, столько расходов и формальностей, а они ещё и грубят, неблагодарные!

Мышь перевернула листок и продолжила писать. Вдруг она хлопнула себя по лбу и воскликнула:

– Опять забыла! Проклятая жара! Хотите ли приобрести полис страхования жизни и здоровья для заключённого? А также страховку от побега?

– Что же у вас за тюрьма, если из неё можно убежать? – рассмеялась Вивьен.

– О, не волнуйтесь, тюрьма у нас самая надёжная, хотя иногда встречаются очень изобретательные узники, – твёрдо заверила мышь и добавила, будто бы извиняясь: – Понимаете, отдел маркетинга требует предлагать страховку каждому клиенту. Вроде как диверсификация доходов. [32]

– Нет, пожалуй, я откажусь.

– Что ж, как знаете, – мышь ничуть не расстроилась.

Она ещё раз проверила написанное и подняла глаза на Вивьен:

– Хорошо, если у вас нет других пожеланий, то подпишите здесь и вот здесь, а потом проходите в кассу для оплаты.

---

[32] Получение доходов из разных источников.

Когда с формальностями было покончено, Вивьен подошла к Мауи и смущённо сказала:

– Мне жаль, что так получилось. Это всего на один день. Завтра тебя освободят, и ты начнёшь работать в усадьбе моего отца. А если обещаешь хорошо трудиться и не безобразничать, я попрошу отца забрать тебя во Францию. Будешь жить вместе с нашими слугами.

– И после всего этого вы называете нас дикарями! Вы, образованные европейцы, обходитесь с нами как с вещами, продаёте и покупаете без зазрения совести, – с упрёком ответил ей Мауи. – Я не хочу ехать во Францию и жить там в качестве твоей игрушки. Я хочу домой, на Араутаку, к маме и папе.

Вивьен застыдилась, её уши покраснели, точь-в-точь как у отца. Из неловкой ситуации её вызволила мышь-служащая. Она звонила в колокольчик, пока из дыры не выбрался надзиратель – крупная крыса в серой форме и фуражке.

– Этого – в карцер, – скомандовала мышь. – Давай в четвёртый.

– Третьего дня оторвало, – меланхолично сообщил надзиратель.

– А почему не заменили?! – взбеленилась мышь. – Куда я буду сажать узников? К себе под стол, что ли?

– А я что? – крыс развёл лапами. – Заявку сразу оформили. На складе не было. Надо ждать, пока из города привезут. – Он туго ворочал мыслями. – Пятый со вчера свобод-

ный. Узник скончался.

– Ладно, давай в пятый, – сдалась мышь. – Что делается! Никакого порядка.

Отчаяние схватило Мауи за горло. Сначала продали, как вещь, а теперь прячут в какой-то чулан, точно ненужный веник. Он последний раз взглянул на Вивьен и увидел тоску в её глазах.

Крыс подошёл к Мауи и грубо толкнул к дыре, не утруждая себя разговором. Сбылись страшные предчувствия. Вонючая тюрьма разинула пасть, а её гнилой желудок алкал мехового пленника.

«Ах, где вы, милые пальмовые рощи, где ты, ласковый прибой?» – с тоской думал мышак.

Он спускался по осклизлым ступенькам, осторожно ставя резиновые сандалии. Слёзы наворачивались на глаза.

Первый уровень занимали служебные помещения. Одна дверь открылась, выпустив четырёх мышат. Они выволокли тяжёлую кастрюлю с тёмно-бурым супом.

– Час обеда, – крыс кивнул на поварят. – Только ты его уже пропустил.

Мерзкий запах варева немного перебил голод. Как не вспомнить завтрак Батари: лепешки с кусочками рыбы и овощей! Сейчас клетка Гунтура не казалась Мауи таким уж дрянным местом. Там хотя бы кормили и не обижали.

Этот уровень являлся лимбом – преддверием ада. Настоящая преисподняя начиналась этажом ниже, в душной во-

нючей яме, сдавленной мусором со всех сторон, где в тесных камерах томились пленники.

Перво-наперво надзиратель сводил Мауи в баню. Тут заключённые избавлялись от блох и вшей. В тюрьме много грязи и мало воды. Едва хватает попить. И потому мех арестантов сваливался комками – к вящей радости насекомых.

Из вошебойки Мауи попал в кузницу Велунда. Хромоногий мышак чинил вещи, заковывал узников в кандалы и даже лечил зубы, потому что врача в тюрьме не было. Лишь взглянув на испуганного мыша, он взялся за дело и скоро надел на шею Мауи новый блестящий обруч. Порядковый номер с обруча кузнец аккуратно переписал в формуляр. Ошейник висел свободно, но не снимался просто так.

– Хочешь зеркало? – усмехнулся надзиратель, глядя, как Мауи ощупывает железное кольцо. – Да пошли уже! Долго я буду с тобой возиться? Когда повар подаст обед, я должен сидеть за столом с ложкой наготове. А то останусь без супа.

Мауи трясся от мысли, что его поволокут в дыру, куда-то на нижние этажи. Надзиратель, напротив, провёл мышака мимо кухни, открыл тяжёлую дверь, и внутрь ворвался свежий морской ветер! К стене из прессованного мусора лепился балкон с кранами. На каждом кране висела жестяная табличка с номером.

Много времени прошло с тех пор, как Мауи видел море. Оно было таким свежим и прекрасным, что у мышака выступили слёзы на глазах. Вокруг только бесконечная синева

и никаких островов.

Крыс остановился у крана за номером пять и приказал крутить ручку барабана с лебёдкой. Тот проворачивался с трудом, дело шло так медленно и тяжело, что надзирателю надоело ждать и пришлось взяться за ручку самому. Обоих донимали жара и мысли о еде, причём крыс боялся не успеть к столу, а Мауи не чаял пообедать. Наконец перед балконом появилась пивная банка с люком и небольшими окошками. Подчинившись выразительному тычку под рёбра, мышак забрался внутрь. Щёлкнул навесной замок.

Тюремщик помалу стравливал лебёдку. Банка поехала вниз. Мимо пленника проплывала мусорная стена. Сквозь прорези с решётками тянулись к свету мышиные лапки. В конце спуска банка закачалась, и на Мауи накатила тошнота.

Глава девятая. Прыжок веры

Оставшись в одиночестве, Мауи стал обживать карцер. Можно сидеть, поджав лапы, а вот лечь не получалось. «Придётся спать сидя», – подумал он. В окошко виднелась чья-то камера.

Неприятный запах шёл от дыры для естественных надобностей. Гадили прямо в море: от бурлящих волн банку отделяло не больше двух метров.

Хуже всего была жара. Солнце грело банку с самого утра, и слабенький ветерок между окошками не приносил облегчения.

«Так вот он какой, этот карцер, – подумал Мауи. – Ужасное место. Как я доживу до завтра?»

Мышак не преувеличивал: без воды он перегреется и может умереть ещё до того, как солнце начнёт клониться к закату.

«Если пойдёт дождь, – размышлял рыбак, – я смогу напиться, высунув лапы наружу и набрав в ладони дождевой воды».

– Эй! Эй, там, в банке! – за шумом волн Мауи не сразу расслышал звонкий девичий голос.

– Кто это? Где ты? – крикнул рыбак в ответ.

– Я здесь, в тюремной камере! – между прутьев решётки показались две изящные мышиные лапки. – Как тебя зовут?

– Мауи!

– А меня зовут Александра!

Имя показалось знакомым, и вдруг путающиеся мысли растолкала догадка:

– Я слышал, что Вивьен, дочь Сюркуфа, привела сюда какую-то Александру. Тебя ли?

– Откуда ты знаешь?! Кто ты вообще такой? – удивился голос. – Да, это я. Сижу здесь уже, кажется, третий день. Пираты схватили меня в лесу неподалёку от Кораллового города. Я зарисовывала лагерь сборщиков копры. Они привезли меня к лощёному мышаку по имени Сюркуф, который долго меня допрашивал. Выведывал, как я попала на атолл, и ничего не добился. Тогда негодяй запихнул меня в одиночную камеру, – в голосе мыши сквозила неподдельная злость.

– Со мной вышло так же, – объяснил Мауи, перекрикивая волны. – Я плыл на лодке, и меня перехватили бандиты. Главный у них – крыса по имени Гунтур. Подонки отобрали рыбу, привезли меня сюда и продали Сюркуфу в рабство!

– Ужасно, когда тебя продают, как портсигар, – пожалела его Александра. – Рабство уже повсюду отменили. Разве что тут ещё осталось.

– На Матубару нет рабства!

– Как бы то ни было, мы пленники. Между прочим, хочу предупредить. Постарайся поменьше пользоваться отверстием в дне карцера.

– Это ещё почему?

– Посмотри внимательно. Видишь тени под водой?

Мауи встал на четвереньки и заглянул в сливное отверстие, морщась от противного запаха. И правда, там внизу скользили тени крупных рыб.

– Кто это?

– Акулы. Они постоянно здесь крутятся, потому что повара сливают объедки прямо в море. А ещё туда бросают тела узников, умерших в тюрьме. Акулы чувствуют не только кровь, но и фекалии. Вон там висит обрывок верёвки, – палец с маленьким когтем указал в нужную сторону. – В первый же день я своими глазами видела, как из моря высунулась акулья голова. Рыба цапнула верёвку и утащила пивную банку с несчастной мышкой.

Сердце Мауи ушло в пятки. Он едва удержался, чтобы не разрыдаться. Подумать только: плен, рабство, недоедание и жажда, а теперь ещё и акулы, которые могут запросто сожрать тебя вместе с тюрьмой.

«И карцер будет мне гробом, – мрачно подумал Мауи. – Ведь он так на него похож».

Словно угадав его настроение, Александра позвала его:

– Мауи! Не падай духом. Нам нужно отсюда выбраться.

– Как?! Моя клетка заперта на замок! – простонал он сквозь слёзы, сдавившие горло.

– Ну же, возьми себя в лапы! – разозлилась мышь. – Посмотри вокруг! Банка сделана из жести – мягкого металла. Ты сможешь расширить окно. Бери пример с меня. Я обсле-

довала камеру в самый первый день. Дверь слишком крепкая, а мусор такой плотный, что не разрыть. Остаётся окно с решёткой. Вот здесь прут подточили морская вода и дожди. Ржавчина съела металл. Когтями расковырять не получилось. Нужен какой-то инструмент. А у меня с собой только альбом с рисунками и карандаши. Спасибо Вивьен, не дала крысам их выбросить. Хотя от карандаша мало пользы.

Когда Александра сказала «инструмент», в голове Мауи вспыхнула идея. Заточенная ложка! Как он мог про неё забыть? Она пряталась за поясом юбки, пройдя с Мауи путь от пиратского корабля до карцера.

Отчаяние улетучилось, как только Мауи начал действовать. Прежде всего он отыскал слабое место в своём узилище. Морская вода прогрызла банку, истончив металл. Не теряя ни минуты, Мауи достал ложку и принялся за дело. За шумом моря никто бы не услышал тихих звуков.

Через полчаса напряжённого труда, вывалив язык от жары и почти в беспамятстве, Мауи сумел расширить окно настолько, чтобы протиснуться в него.

– Александра! – позвал он. – У меня получилось!

– Отлично! – обрадовалась мышка. – Помоги мне! Вылезай из банки и доберись до решётки. Я вижу небольшой карниз. Там ты можешь стоять.

– Как это сделать? – не понял Мауи. – Я не умею летать, а для прыжка здесь слишком далеко.

– Ох, ну что за тугой дикарь! – выдохнула Александра. –

Ты разве не видел, как обезьяны скачут с дерева на дерево? Они раскачиваются на лианах и в нужный момент прыгают.

– Откуда мне знать про них? – Мауи обиделся, что его снова назвали дикарём. – Они нас обижают и воруют припасы. Бывало, затеем с обезьянами игру, а те расшалятся и кидаются нами. Как тебе такое понравится? И зачем мы будем с ними дружить?

Александра лишь тяжело вздохнула. Мышак удовлетворённо кивнул, решив, что она с ним полностью согласна и сожалеет о резком слове. Сунув ложку за пояс юбки, Мауи протиснулся в окно и ловко забрался на крышу карцера.

Наверху по балкону ходил надзиратель. Всего один взгляд вниз – и он тотчас бы поднял тревогу. К счастью для пленников, хлынул полуденный ливень. Ему навстречу от разогретого мусора поднялся туман. Мауи понял: не будет более удачного момента для побега. Время сомнений осталось позади.

Стиснув зубы, Мауи стал раскачивать банку, точно качели. Всё быстрее и быстрее моталась лебёдка. Дождь хлестал наотмашь, мышак промок моментально, шерсть слиплась и топорщилась иголками.

«Если сорвусь, меня тут же проглотит акула».

Страх исчез, уступив место решимости. Выбрав момент, Мауи оттолкнулся от банки и прыгнул! Пролетев птицей под струями дождя, он попал точно в решётку, вцепился мёртвой хваткой и обвил хвостом для верности. Он посмотрел

вниз на бурлящие морские волны, удивившись высоте и своей смелости.

«Мама бы не одобрила», – подумал он, когда над водой показался серый плавник.

Из-за решётки на него восторженно глядели два блестящих глаза.

– Вот здесь, этот прут покрыт ржавчиной, – изящная лапка Александры указала нужное место.

– Да-да, я сейчас, – пробормотал Мауи. Решимость снова начала таять, уступая место дрожи от нахлынувшего страха. Он нехотя разжал пальцы одной лапы, продолжая крепко держаться остальными тремя и хвостом. Дождь норовил смыть мышака со стены. Мауи очень осторожно, без резких движений достал из-за пояса заточенную ложку и принялся ковырять ржавчину. Она понемногу поддавалась.

Скоро мышак притомился. Весьма непросто крушить металл, если вам на голову низвергается тропический ливень, а под ногами море, полное акул. Когда прут зашатался, резкий порыв ветра толкнул мышака так сильно, что тот едва успел схватиться за решётку четвёртой лапой. Увы, ложка, звякнув на прощание, улетела вниз.

Александра устремила на Мауи взгляд, полный отчаяния. Это неожиданно придало сил мышаку. Он исступлённо рыл мусор, обламывая когти, и вот нижняя часть прута потеряла опору. Увидев это, мышка вскочила на подоконник и отогнула прут.

Мауи забрался в камеру, ободрав спину о железку, но даже не заметил ссадины. Он присел отдышаться и смог наконец рассмотреть новую знакомую. Перед ним стояла симпатичная девушка с серой шёрсткой, розовыми ушками и умными глазами. Она разглаживала опрятное сиреневое платье. На лавке лежали широкополая шляпа в тон платью и пухлая папка для бумаг.

Александра, таинственно улыбаясь, разглядывала Мауи.

– Здравствуй! – она протянула лапу. – У тебя интересная моко.

– Она будет ещё интереснее, когда на ней нарисуют все мои приключения, – смущённо ответил Мауи, потерев щёку с рисунком. – Постой, а откуда тебе известно про моко? Ты ведь не с Матубару.

– Я много про вас читала. Знаешь, в других частях Тихого океана мыши тоже практикуют моко. Например, маори в Новой Зеландии, – объяснила Александра. – Я этнограф, хотя ещё не защитила диссертацию.

– Кто-кто? – не понял мышак. Его племя не знало такого рода занятий.

– Этнографы записывают обычаи, песни, сказки разных племён, – Александра наморщила лоб. – У вас есть старые мыши, которые берегут память народа. Они передают знания своим преемникам, когда дряхлеют и чувствуют приближение смерти.

– Да, есть, – кивнул Мауи. – Совет старейшин решает все

важные вопросы, ведёт календарь и говорит нам, когда нужно закладывать новые косяки рыбы, а когда укреплять наши норы, потому что близится сезон штормов.

– Вот и мы так же, – Александра обрадовалась, что ей удалось найти общий язык с Мауи. – Только не для своего племени, а для других. Мой интерес – это народы Полинезии. Или народы моря, как мы их называем. Матубару входит в их число.

– Надо же! – удивился Мауи. – А ты мне расскажешь о наших соседях и о других странах?

– Конечно, – улыбнулась Александра. – Когда-нибудь. Давай сначала выберемся из этой тюрьмы.

– Я как раз хотел предложить, – рассмеялся мышак. – А как мы это сделаем?

Он высунулся в окно.

– Ну, хотя бы дождь кончился. Так, банка больше не качается, не допрыгнем. Да и зачем? Если заберёмся по верёвке, то надзиратель нас вмиг сцапает. Погоди! Я что-то вижу! – он рванулся так резко, что едва не выпал. Александра успела схватить его за хвост.

– Тут есть небольшой карниз со скобами, вроде лестницы, – объяснил Мауи. – Наверное, по нему ходят рабочие. Если они смогли пройти, то и мы сможем, – он вернулся в камеру: – Опасное дело. Карниз мокрый, ты можешь сорваться.

– Будто ты не можешь! – фыркнула мышка. – Решил, если я девчонка, то непременно запутаюсь в платье и рухну?!

Как бы не так!

– Я беспокоился о тебе, – смутился Мауи.

– Ладно, не в обиде, – Александра качнула головой. – Я благодарна тебе за помощь. Если бы не ты, сидеть мне тут, пока у Сюркуфа не закончатся деньги или он не сочтёт меня бесполезной.

– Деньги уже закончились, – сказал Мауи. – Сначала тебя перестанут кормить, а потом выставят за ворота тюрьмы.

– Давно пора! – расхохоталась Александра. – От местной кормёжки у меня колики в животе, так что разгрузочный день не повредит. А если они сами меня отпустят, то нам не придётся ползать по опасному карнизу, рискуя угодить акулам на обед.

Александра взглянула на опешившего Мауи и быстро сообразила, что у туземцев другое чувство юмора.

– Я же шучу, – поспешила добавить Александра. – Вряд ли Сюркуф намеревался отпустить меня с Острова живой.

– Что ему вообще от тебя нужно? – спросил Мауи. – Неужели Сюркуф хочет послушать сказки, которые ты собрала в Полинезии?

– Конечно, нет, – снова рассмеялась Александра. – А ты забавный! Месье Лефевр вряд ли интересуется культурой здешних мест. Его занимает выгода торговли с колониями. А тут подвернулась я, и Сюркуф очень заинтересовался моими коллегами.

– Кем? – спросил Мауи, перебирая в памяти куцые зна-

ния об устройстве Кораллового города и его обитателях. – Жрецами? Торговцами?

– Ни теми и ни другими. Я тебе расскажу. Только не сейчас. Хорошо, что дождь закончился. Не хотелось бы намочить мои записи, – мышка кивнула на папку с бумагами.

– Зачем тащить их с собой? Нам предстоит непростой путь. Тебе понадобятся все лапы. Какая польза от этой вещи?

– Что значит «какая польза»?! – вспыхнула мышка. – Это путевые заметки и зарисовки! Основа моей диссертационной работы!

Видя, что Мауи не понимает, Александра объяснила:

– У моего народа есть обычай: юные мыши должны сделать что-то выдающееся, значимое. Только тогда их будут принимать всерьёз. Нужно написать научную работу и защитить её на совете учёных мышей.

– А, я знаю, о чём ты говоришь! – обрадовался Мауи. – И мне предстоит то же самое! Наш обычай таков. Молодой мышак забирается на муравейник, где обитают чёрные муравьи, и суёт туда хвост. Они тут же вцепляются, истово грызут хвост и зад. Настоящий мужчина должен сидеть ровно, будто ничего не происходит. Особо крепкие мыши при этом улыбаются. Нужно высидеть так хотя бы пять минут у всех на виду, после чего старейшины предлагают мышу прекратить пытку. Мышак обязан гордо отказаться, иначе он покроет себя несмываемым позором. Затем старейшины спрашивают ещё и ещё, и только на третий раз претендент, буд-

то бы нехотя, соглашается слезть с муравейника. Обычно после испытания тело ломит от муравьиного яда и зад обильно кровоточит. Этот ваш «учёный совет» выглядит похоже?

– Можно сказать и так, – уклончиво ответила Александра. – Было бы интересно посмотреть на испытание. Ты уже прошёл его?

– Нет, что ты, – смутился Мауи. – Разве мне по силам? Вот помню случай из детства. Мы с друзьями играли в прятки. И я не заметил, как подкрался муравей. Он больно укусил, а потом мама выхаживала меня неделю. Не знаю, смогу ли выдержать, когда они будут грызть мой несчастный хвост.

– Ты же не побоялся прыгнуть к незнакомой девушке, – рассмеялась Александра.

– Спасибо, что веришь в меня, – улыбнулся Мауи. – Пора идти. Я вылезу первым, а ты следуй за мной.

Лапы так и норовили разъехаться на скользком карнизе. Александра держала папку зубами, растопырившись в поисках опоры. Хватаясь за скобы, беглецы прошли по карнизу, пока не достигли отверстия, что вело вглубь мусорной стены. Оттуда тянуло вонючей сыростью.

Мыши юркнули в нору и долго шли по склизким коридорам. С потолка капала вода, застаиваясь лужами, где копошились омерзительные белые червячки. Порой лужи приходилось переходить вброд, и Мауи в который раз поблагодарил Сухарто за сандалии.

Следуя врождённому чувству направления, мыши вы-

бирали галереи, ведущие наверх. Они шли, пока путь им не преградила решётка.

– Заперто, – заключил Мауи, подёргав врезанную дверь.

– Поищем другой путь? – предложила Александра.

– А вдруг наткнёмся на стражника? Тогда карцера не миновать нам обоим, – возразил мышак. – Лучше затаимся в темноте и нападём на рабочих! Они укажут путь на свободу.

– Что за глупый план! – воскликнула Александра. – И сколько ждать? Вечером баландер принесёт ужин, а нас уж и след простыл. Охрана устроит облаву. Тогда нам крышка. [33]

– Эй, кто там? – вдруг раздался хриплый голос. – Вы кто такие?

От неожиданности Мауи подскочил на месте, а мышка едва не выронила свою папку. С той стороны решётки приковылял старый крот в меховой безрукавке и резиновых сапогах. Подойдя поближе, крот сощурился, стараясь разглядеть две неясные фигуры.

– Мы из ведомственной комиссии! – вдруг громко сказала Александра и шагнула вперёд, закрывая собой Мауи. – Ужас, что тут делается!

Она потрясла папкой. Крот отпрянул от решётки. А мышь продолжала наступать.

– Здесь нарушений на уголовное дело! До чего довели тюрьму! Ты сам сядешь! Все у меня сидеть будете!

---

[33] Раздатчик пищи в тюрьме (жарг.).

– Да что это?! – залепетал крот. – Я тут ни при чём! Это бригадир. Экономит, гад, на всём: света почти не даёт, сырость развёл. Я всё расскажу про этого негодяя! Вы только меня не трогайте.

– Живо открывай дверь! – приказала мышь, окончательно войдя в роль. Разгадав замысел, Мауи не лез вперёд. Его внешний вид мог смутить даже порядком напуганного крота. Не бывает инспекторов по надзору за тюрьмами, которые ходят в рабском ошейнике и в юбке из пальмовых листьев.

– Да-да, конечно! – мелко закивал крот и заторопился к замку, гремя ключами. Старик отпер дверь и замер в угодливой позе перед строгой дамой и её спутником.

– Мы пойдём на верхние этажи, – заявила Александра, не давая кроту опомниться. – Где нужная лестница?

– Там, прямо, – крот махнул в глубину тёмного коридора. – Первая ведёт в контору.

– Нет-нет, – Александра ответила чуть более поспешно, чем требовал образ, но испуганный крот не обратил внимания. – Нужно проверить запасные выходы. На случай… пожара! Если случится пожар, как будут эвакуировать узников.

– А зачем их эвакуировать? – не понял крот. – Пущай горят, кому они нужны? Самим бы выскочить.

Сообразив, что ляпнул лишнего, добавил:

– Пройдите дальше. Там ещё одна лестница. Грязно, уж не серчайте. Коробки понаставлены. Подниметесь наружу через колодец. А может, вас проводить? Кабы не заплутали

во тьме да ножку не подвернули.

– Ничего, мы сами. Правда, коллега? – в ответ Мауи кивнул со всей важностью, на которую был способен. – Всего доброго! Благодарю за сотрудничество.

Крот обтёр заскорузлую, широкую, как лопата, ладонь о безрукавку и осторожно пожал тонкую лапку Александры. Попрощавшись, мышка решительно зашагала в темноту, а Мауи посеменил вслед.

– Подождите! – крикнул крот, и Александру прошибло холодом. – А что с бригадиром? Я готов донести на него.

У мыши отлегло от сердца:

– Напишите заявление в наше министерство. Можно анонимно.

– Вот! – обрадовался крот. – Как хорошо, что можно анонимно. Ни к чему мне проблемы. А бригадир – гад такой – пусть получит по заслугам. Да, пусть получит.

Предоставив крота мстительным мыслям, мыши поспешили прочь. Скудное освещение едва разгоняло мрак. К счастью, норные зверята не боялись темноты.

– Крот как-то странно говорил, я не всё понял, – сказал Мауи.

– Неудивительно. Это кротовый диалект, – пояснила Александра. – Я брала факультативный курс в университете, когда увлеклась кротовьей поэзией. Знаешь, у них довольно необычные стихи. Кроты плохо видят, а потому выражают свои чувства ритмом. Лучше подыгрывать чтецу на бараба-

не. К поэзии я охладела, а знания пригодились.

Скоротав путь разговором, беглецы пропустили первую лестницу и добрались до второй. Вокруг в полном беспорядке валялись картонные коробки, как и предупреждал крот. Со дна колодца виднелся голубой кружок чистого неба.

– Ура! – воскликнул Мауи. – Вот она, свобода!

Александра от радости обняла мышака. Тот смутился, но девушка этого даже не заметила.

Мыши раздвинули коробки, чтобы пробраться к лестнице. Мокрый картон порвался, покатились жестяные банки. Рыбак поднял одну и в недоумении уставился на неё.

– Что это такое?

– Хм, похоже на консервы, – Александра покрутила жестянку в лапах. – Там внутри еда. Банка предохраняет её от порчи долгое время.

– Как необычно! – воскликнул Мауи. – Мы тоже запасаем пищу впрок. Сушим рыбу, копру, кусочки ямса и батата. Вот только жестяных банок у нас нет.

– И хорошо, – улыбнулась Александра. – Ещё неизвестно, может, консервы протухли. А то получится как с полярной экспедицией.

Видя, что Мауи снова ничего не понял, Александра объяснила:

– Далеко на севере есть море, полностью покрытое льдом. Да, не удивляйся, и такое бывает. Мыши из нашего университета плавали туда на корабле вместе с людьми, чтобы отыс-

кать полярных сородичей. Все ели консервы, а банки отравили пищу – в них был заводской брак. Люди и мыши сильно болели, но, по счастью, никто не умер.

– Мы тоже отравимся? – испугался Мауи. Он-то уже настроился на обед.

– Почём мне знать? – пожала плечами Александра. – Всё лучше, чем ничего. Давай возьмём одну с собой.

Беглецы не придумали ничего другого, чем засунуть банку за пояс Мауи. Получилось очень неудобно: юбка оттопыривалась, и жестянка натирала спину. Карабкаясь по лестнице, мышак изо всех сил надувал живот, потому что находка так и норовила выскользнуть.

Выбравшись из подземелья, мыши взялись за лапы в восторге от солнца и голубого неба. И даже характерный запах помойки не мог омрачить их радость. Вместе с тем, Мауи понимал, что лишь перебрался из малой тюрьмы в большую, ведь до настоящей свободы было ещё далеко.

Глава десятая. Город огня и дыма

Вентиляционный колодец вывел беглецов на пятачок где-то на задворках тюрьмы. Сюда мог забрести охранник, и мыши сочли за лучшее отойти подальше. Они укрылись от палящего солнца в тени холодильника, который торчал из мусорной кучи, словно айсберг. Пришло время консервной банки.

– Давай перекусим? – предложил Мауи. – Мой живот скучает о пропущенном обеде.

Он царапал банку когтями и попробовал укусить крышку, но упрямая жестянка не поддавалась.

– Как её открыть?

– Обычно используют консервный нож, – Александра с интересом наблюдала за потугами своего приятеля. – Но я знаю ещё один способ.

Она забрала жестянку и принялась бродить вокруг, пока не присела у садового гнома. Александра потёрла крышку о гномий нос, стачивая металл. Банка уступила, открыв мышам содержимое: жёлтую пасту непонятного происхождения. Беглецов выручил нюх. После короткого обсуждения решили, что это перетёртые кукурузные зёрна в кисло-сладком соусе.

Они поделили консервы пополам и с большим аппетитом прикончили кукурузу. После обеда встал самый главный во-

прос: что делать дальше?

– Сюркуф отправил меня в карцер, потому что я отказался пойти на подлость. Ну и нагрубил ему, конечно, – признался Мауи. – Он хочет нынче же ночью внезапно напасть на Коралловый город. Похоже, негодяй подбил моих соплеменников на предательство. Вдруг среди них мой отец?.. Ты только не подумай, что Ронго способен на измену! Нет, он смел и решителен. Если он сядет в лодку Сюркуфа, то лишь ради побега в удобный момент. Мы должны скорее плыть в Коралловый город, поднять тревогу и спасти моего папу!

– Я ожидала от Сюркуфа чего-то подобного, – нахмурилась Александра. – Неспроста он подробно выспрашивал, что я знаю про Город и его укрепления. А ещё – о том, что может наша экспедиция. Твоё желание, Мауи, мне понятно, да как его исполнить?

– Надёжные ребята мне рассказали о важном месте, которое называется «порт». Оттуда ходят корабли во все страны, – таинственно молвил Мауи, не упомянув, что узнал это от дочерей Гунтура. – Мы спрячемся на судне и поплывём на Матубару.

– Ох, Мауи, один твой план завиральнее другого, – мышка покачала головой. – Откуда нам знать, где этот порт? А если их несколько, то какой нам нужен? И потом, как понять, который корабль идёт в Коралловый город и идёт ли вообще? Хотя план очень решительный и смелый, – поспешно добавила она, увидев, что мышак злится.

– Спорить очень легко, – язвительно сказал Мауи. – Не твоему же отцу грозит смерть! Если тебе не нравится мой план, то предложи свой!

– Эх, если бы связаться с моими коллегами, – грустно вздохнула мышка. – Полковник прилетел бы на орнитоптере и вытащил бы нас отсюда.

– Ты говоришь загадками, – Мауи спрятал в голосе досаду.

– Ладно, – Александра махнула лапой. – Похоже, что лучше твоего плана у нас ничего нет. Я предлагаю идти в Таун – единственное поселение на Острове, которое можно назвать городом. Столица государства. И там правда есть крупный порт.

– Откуда ты всё знаешь? Неужели пираты покатали тебя по Острову?!

– Не нужно иронии, мой мохнатый друг, – мышка легонько стукнула Мауи кулачком. – Эти сведения добыты воздушной разведкой.

– Знаешь, я слышал дивную историю как мыши летали по небу на чайках. Точно про вас!

– Отличная сказка! – рассмеялась Александра. – В другой раз запишу. У моих коллег вместо птиц летающие машины. Только это большой секрет!

Мауи обиделся на Александру за тайны, но не подал вида, не желая тешить её самолюбие. Не хочет говорить, и ладно. На самом деле любопытство жгло мыша. Да что там – Мауи отдал бы кончик хвоста за чудо, благодаря которому мыши

летают по небу.

– Не очень-то и хотелось, – гордо сказал он. – Лучше скажи, куда нам идти? Что там говорит твоя воздушная разведка?

– Давай заберёмся на холодильник и выясним!

К задней стенке холодильной машины крепилась засаленная решётка, по которой мыши влезли на самый верх. Отсюда открывался чудесный вид на грандиозную помойку. Мауи посмотрел на кривые улочки посёлка и усадьбу Сюркуфа. Она выделялась зеленью среди ржавого и пыльного пейзажа. В центре двора торчало липовое дерево, которое Сюркуф привёз из Франции. Неподалёку за край обрыва цеплялось мрачное здание тюрьмы Синг-Синг.

– Эй, Мауи, взгляни-ка вот туда! – Александра указала на горизонт.

Мышак увидел грязно-серое облако, которое смотрелось неуместно на голубом небе.

– Что это такое? На грозу непохоже – грозовые тучи иссиня-чёрные.

– Смог, – ответила Александра. – Наверняка над столицей. В Тауне горожане готовят пищу, освещают дома, сжигают мусор. День и ночь к небу поднимается дым.

– Неужели нам надо идти в эту… – «помойку», хотел сказать Мауи, но помойка окружала беглецов со всех сторон.

Другого плана не было. Мыши слезли с холодильника и отправились к дымам на горизонте. Шли долго, жарко

и скучно.

Мучила жажда, и беглецы уже пожалели, что вместо консервов им не попались бутылки с водой. Кое-где стояли ржавые лужи. Александра, едва взглянув, наотрез отказалась пить, и Мауи последовал её примеру.

На Араутаке можно припасть к любому источнику. А здесь цивилизация победила природу, и доступ к чистой воде стал привилегией, а не гарантией.

По пути мышам встретился целлофановый пакет из тех, что в изобилии появляются из недр крупных магазинов и потом расползаются по всему миру. Они встречаются посреди океана, на вершинах гор и в заповедных лесах. По совету Александры Мауи оторвал от пакета полосу и сделал шарф, закрыв рабский ошейник от любопытных глаз. Под шарфом шерсть слиплась от жары, но Мауи стойко терпел неудобства.

На Острове Мауи словно бы и сам покрывался мусором. Он переступил борт пиратского корабля, имея только юбку. Потом у него появилась ложка, затем сандалии, рабский ошейник и шарф. Как ему хотелось сбросить всё лишнее, пробежаться налегке по песочку и нырнуть в родную лагуну!

Мыши всё шли и шли по дороге, петлявшей меж мусорных куч. Повсюду лепились дрянные лачуги. Там ночевали старатели, которые рыли норы в поисках добычи, чтобы продать её и прожить ещё один день.

Возле одного домика Мауи увидел маму-мышь в драном

халате и четверых детей. Отец появился из норы, вытянув железку с проводами. Семья тут же бросилась ему на помощь. Все вместе дотащили находку до верстака. Над разделкой работали всей семьёй. Дети ловко откручивали провода, очищали их от грязи, а отец с матерью разбирали крупные детали. Некоторые сразу летели обратно в помойную кучу, а другие бережно откладывались в сторонку. Похоже, за этот хлам можно выручить деньги.

Мауи засмотрелся на старателей и сбавил шаг. Заметив его интерес, отец семейства нахмурился и погрозил кулаком. «Видать, решил, будто я хочу отнять добычу», – догадался Мауи.

Лачуги попадались по обеим сторонам дороги. Их становилось всё больше и больше, и как-то незаметно дорога превратилась в городскую улицу.

Дело к вечеру. Солнце опустилось ниже, окрасив дома и чахлую травку в карамельный цвет.

Мауи тревожно поглядывал на небо: ночью Сюркуф поведёт своих головорезов на Коралловый город, а он застрял здесь и не может помочь. При этом он с любопытством разглядывал кривые домики, у которых над первыми этажами нависали вторые, а кое-где был и третий этаж. Строились тут тесно. Убогие развалюхи ползли друг на друга, оставляя кривоколенные переулки. В полумраке вонючих переходов копошились тараканы – вечные спутники бедности.

Всюду мерцали огоньки. Жители готовили пищу, стира-

ли, грели воду, чтобы помыть детей. Они жгли уголь и дерево, а самые бедные – что придётся, не гнушаясь пластиком, который давал чёрный вонючий дым. К вездесущему мусорному духу прибавился запах гари.

По улице сновали мыши, крысы и хомяки, спеша по своим делам. Трясясь в колеях, катились повозки с коробками и пассажирами. В них запрягали рабов или землероек. От беготни, ругани и криков у Мауи закружилась голова. Нечего и сравнивать тихие улицы рыбацкой деревни с пригородом Тауна! [34]

К счастью, друзья увидели сквер с высаженной травой и цветами. На тенистых аллеях стояли лавочки и столики. Там устроилась компания старых мышей, которые азартно резались в настольную игру.

– Давай немного передохнём? – предложила Александра. Рядом как раз оказалась лавочка из прозрачных авторучек. Как бы ни спешил Мауи, усталость взяла своё, и он согласился со спутницей.

– Нужно узнать дорогу в порт, – Мауи заёрзал на лавке. Он проклинал свои усталые ноги, натёртые до мозолей неудобными сандалиями. – У нас нет времени просто так блуждать по городу. Или, может быть, ты знаешь, куда нам идти? Вы же посмотрели сверху.

– Всё, что я знаю об Острове, мне рассказал пан Йозеф, –

[34] Мелкие зверьки, похожие на мышей, но с мордочкой, вытянутой в виде хоботка.

развела лапами Александра. – Это мой научный руководитель. А ему поведал полковник Рейнхарт – наш главный.

Мауи пригорюнился, уперев лапы в подбородок. Очень хотелось пить. И брюхо урчало, вспоминая консервы.

– Посиди тут, – предложила Александра. – Я схожу к тем дедушкам поговорить. Мне будет проще найти с ними общий язык. Не возражаешь?

Мауи ничего против не имел. Поднявшись с лавки, мышка пошла самой лёгкой походкой, на которую была способна, сложив губы в милейшей улыбке.

За столиком сидели четыре пожилых мыша, одетые в рубашки и парусиновые штаны. Трое играли, а четвёртый – очень старый вислоухий мышак – только следил за игрой слезящимися глазами.

Игроки по очереди выкладывали костяшки на стол. Вернее сказать, колотили так, будто желали загнать стол в землю. Александра увидела нарисованные на костяшках фрукты и овощи. Игрок, делая ход, совмещал костяшки с одинаковыми картинками.

Дедушки увлеклись. Они колотили и колотили, возбуждаясь всё больше, пока один не заорал что есть мочи:

– Рыба!!!

Александра схватилась за сердце от неожиданности, а потом удивилась, ведь на костяшках были нарисованы только овощи и фрукты.

«Наверное, они поставили рыбу на кон, – решила она, –

и теперь победитель требует свой выигрыш».

Однако никто не поспешил за рыбой, зато дедушки дружно рассмеялись.

– Здравствуйте! – ласково улыбнулась Александра. – У вас очень интересная игра!

– Добрый вечер, милая девушка! – старички заулыбались и стали подмигивать друг другу. – А то ж! Перед вами мастера спорта по домино. Сборная Фабричного района. Цените момент!

– Ух ты! – деланно удивилась Александра. – Как мне повезло! А я, знаете ли, заплутала. Шла в порт и сбилась с дороги.

– Почто тебе в порт, дорогая? – спросил вислоухий дед, с подозрением глядя на мышь. – Какое у тебя там дело?

– Да что ты на неё набросился?! – зашикали остальные старички. – Не обижайся на Эриха! Он работал в Секуритас, говорит, генералом был. Брешет, поди.

– Попрошу, без имён, – прошамкал старик. – Да, вышел в отставку генералом! Что, не верите? В следующий раз принесу удостоверение!

– Да ты каждый раз обещаешь и не приносишь! – потешались над ним друзья.

– А знаете ли вы, что нынешний директор Салазар – мой ученик? – не унимался ветеран подпольного фронта. – Я его всему научил, да-да.

На него махнули лапой, и внимание пенсионеров верну-

лось к симпатичной мышке.

– Ты, что ли, на свидание спешишь? – предположил один дедок. – Помню, когда я служил матросом, у меня в каждом порту была девушка. А мышат, наверное, целый выводок получился.

– Да, есть там один крановщик, – подыграла ему Александра, притворно смущаясь.

– Вот, это дело! – наперебой закричали старики.

– Тогда слушай, – продолжил моряк. – Пойдёшь по улице до перекрёстка. Дальше направо по Парковой, оттуда через площадь Героев Старателей вниз под холм, и увидишь портовые ворота.

– Спасибо вам большое! – расцвела девушка. – Ладно, я пойду, а то скоро темнеть начнёт.

– Ну, самые интересные дела делаются в темноте! – заметил дед-разведчик, и все засмеялись.

– Да ты погоди, – сказал моряк. Он потянулся под лавку и вынул чайник. Другой дед достал несколько железных кружек. – Попей с нами чайку. Вот как приплыли в эту Полинезию, стало ужасно жарко. Только холодным чаем и спасаемся.

Увидев чай, Александра сглотнула вязкую слюну. Она умирала от жажды. Последний раз пила ещё в тюремной камере после невкусного обеда. Мышь поблагодарила за поданную кружку, выпила всё до капли и сказала:

– Там на лавочке сидит мой приятель. Его разморило

на жаре. Можно ли ему отнести кружку чая?

– Так зови его сюда! – потребовали дедушки.

Александра махнула лапой, и Мауи подошёл. Все с любопытством принялись его разглядывать.

– Я таких видел на островах, – заявил моряк. – Когда мы пополнялись водой, на якорную стоянку прибывали вот эти, на лодках-пирогах. Они продавали всякие фрукты и красивые поделки. Помню, привёз матери бусы из жемчуга. Как она была рада!

– Да, необычно выглядит твой дружок, – заметил вислоухий дед и громко спросил: – Ты как здесь очутился?

– Не нужно кричать, я всё понимаю, – ответил Мауи, чувствуя себя неуютно под пристальными взглядами. – Приплыл к родственникам.

– Ого, так у тебя родственники тут, – дед стал ещё более подозрителен.

Заметив, что Мауи косится на кружку с чаем, моряк подвинул её поближе и предложил мышаку угощаться, что тот с удовольствием и сделал.

– А я вам рассказывал про жарких таитянок? – попытался сменить тему моряк.

– Уже тысячу раз, – ответил вислоухий и указал на целлофановый шарф: – Что это у тебя на шее, паренёк?

– Немного простудился, – соврал Мауи и потянул Александру за лапу. – Вы знаете, нам уже пора.

– Да что ты не уймёшься?! – пристыдил моряк разведчи-

ка. – Прицепился к парню! Может, у них мода такая. Разве поймёшь молодых? Или правда простудился. Знаешь, в островитянах нет стойкости к нашей заразе. Подчас целые племена вымирают!

– Наверняка твоя вина. Я всегда знал, что ты – выдающийся блоховоз! – пошутил его дружок. А беглецы, помахав старичкам на прощание, почли за лучшее уйти от неудобных вопросов.

На Парковой улице мыши заметили, что дома теперь выглядят прилично: у них ровные стены, аккуратные двери и остеклённые окна. И строили здесь не из мусора, а из ровных кусков дерева и пластика.

Мауи впервые в жизни увидел мостовую и удивился: это ж сколько камней уложили на землю в полном порядке! Мощёный тротуар отличался от проезжей части более мелкими камешками.

Александра потянула друга за лапу, уводя с дороги, чтобы тот не попал под телегу. Улица привела их на широкую площадь, окружённую красивыми домами из серого и красного камня. Посреди зелёного газона стоял памятник старателям. Мауи застыл, от удивления раскрыв рот. На своём веку он не видел скульптур, за исключением тики, да и у тех сходство с мышами было условным. А этот памятник достоверно изображал двух старателей, устремлённых вперёд – один сжимал в лапах лопату, а второй замахивался киркой. Насилу оторвав взгляд от скульптурной группы, Мауи обнаружил,

что Александра смотрит по сторонам и явно скучает.

– Неужели тебе не интересно? Посмотри, какой огромный и красивый город!

– Не такой уж огромный, – девушка пожала плечами. – Вот Москва гораздо больше. Пусть она сырая и шумная, но я всё равно её люблю.

Площадь Старателей, расположенная на вершине холма, имела обзорную площадку, откуда каждый мог полюбоваться морским портом с кранами и большими кораблями. Ветер доносил свежий запах моря. Воодушевлённые зрелищем, друзья поспешили вниз по широкой улице, предвкушая близость цели, но путь им преградил забор. Ворота сторожили четверо мышей в серой униформе, подпоясанные мечами. Стражники были настроены очень серьёзно. Солдат выступил вперёд и поднял лапу.

– Добрый вечер! – начала Александра, натянув свою лучшую улыбку.

– Стой! Поворачивай обратно! – крикнул солдат, не прельстившись её обаянием.

– Нам очень нужно пройти в порт, – принялся объяснять Мауи, но солдат его грубо оборвал:

– Ты что такой непонятливый? Иди, иди отсюда! Порт закрыт, – для убедительности солдат положил лапу на меч.

Сообразив, что пора уходить, Александра потянула Мауи за лапу. Тот упёрся, и ей пришлось потянуть его ещё и ещё раз, пока он не сдался и не позволил себя увести. Они верну-

лись на обзорную площадку. Теперь свежий морской ветер будто бы издевался над ними. Мауи едва сдерживал слёзы обиды.

– Мы так близко, – прошипел он сквозь зубы. – Давай пойдём вдоль забора и отыщем дыру! Или перелезем!

– Может, не так уж и близко, Мауи, – мягко сказала Александра. Она положила ладонь ему на плечо, успокаивая. – Я думаю, войско Мусорного Барона готовится к вторжению. Потому они выгнали всех гражданских и наверняка запретили все торговые рейсы. Из порта выйдут только военные корабли.

– Так давай проберёмся в порт и спрячемся на одном из них! – в отчаянии воскликнул Мауи.

– Я этнограф, а не шпион! – возразила мышка. – Нас тотчас поймают, и в лучшем случае мы опять загремим в тюрьму!

Получилось так громко, что прохожие стали оглядываться. Смутившись, Александра перешла на шёпот:

– Мауи, нам ни за что не пробраться на корабль и не доплыть до Араутаки. Смирись с этим. Подождём несколько дней. Когда пойдут торговые суда, тогда и мы выберемся отсюда.

– Что ты такое говоришь! – зашипел Мауи. – К тому времени эти вот солдаты разорят Коралловый город!

Трясущимся пальцем он указал в сторону портовых ворот.

– Ты слишком много на себя берёшь! – вспылила Алек-

сандра. – Будто всё зависит только от тебя! Нет, Мауи, нет. Грядут большие события. Сотни воинов сойдутся в битве за Город. Разве может один-единственный мышак на что-то повлиять?!

Мауи надулся от злости, его губы затряслись. Он хотел крикнуть обидное слово, а потом вздрогнул и сник.

– Прости, – повинилась Александра. – Я сказала лишнее.

– Нет, ты права, – грустно ответил Мауи. – Мне беспокойно за родичей, хотя глупо думать, что моё присутствие им сильно поможет. Просто ещё один боец в строю, ещё одна лапа, сжимающая копьё.

– Надеюсь, стража Кораллового города распознает врага. Что будем делать? В порт нам хода нет.

– Мои мысли об отце. Очень возможно, что он либо на Острове, либо Сюркуф забрал его с собой для засады. Хотя моего папу невозможно вовлечь в гнусное дело.

– Давай попробуем найти твоего родителя, – предложила Александра. – Мы сможем бежать все вместе, когда суета вокруг Кораллового города уляжется. Да как его отыскать? Остров огромен. Тут живут тысячи зверей.

– Один доброжелатель, подаривший мне сандалии, дал совет заглянуть в бар «Три топора». Вдруг мы нащупаем ниточку, и она приведет нас к папе?

– Надеюсь, советы твоего доброжелателя лучше обуви, которую он делает, – улыбнулась Александра. – Он случайно не сказал, где искать этот бар? Он вообще надёжен?

Мауи не хотел объяснять перипетии судьбы повара, и потому ответил коротко:

– Я его плохо знаю, но мне кажется, что ему можно доверять. Он лишь сказал, что бар находится в Тауне, а где именно – не было времени спрашивать.

– Хорошо, давай поверим твоему таинственному знакомцу. А про бар мы сейчас выясним самым простым способом, – подмигнула Александра.

Неподалёку проходил важный хомяк в деловом костюме. Он ступал тяжело и устало, возвращаясь домой после скучного дня в конторе. На его коротких лапах болтались нарукавники, которые носят, чтобы не протёрся пиджак от бухгалтерской работы. Хомяк проводил целые дни за столом, перебирая платёжные ведомости. Погружённый в мысли о квартальном отчёте, хомяк не сразу заметил, как дорогу заступила симпатичная мышка в сиреневом платье и широкополой шляпе.

– Позвольте вас побеспокоить, уважаемый, – произнесла она нежным голосом. Хомяк сразу насторожился, потому что не питал иллюзий относительно своей внешности. Он справедливо полагал, что если уж красавица обратила на него внимание, то ей непременно что-то нужно. Вдобавок неподалёку околачивался странный тип в юбке из пальмовых листьев, нелепом шарфе и со странными узорами на щеках.

– У меня нет денег, – пробурчал хомяк и попытался обойти незнакомку, ускорив шаг.

– Нет-нет, мне не нужны деньги, – затрясла ушами Александра. – Хочу лишь спросить.

– Что вам угодно? – хомяк недоверчиво посмотрел на неё, жалея, что поблизости нет полицейского.

– Я ищу бар «Три топора». Вы очень меня выручите, если подскажете, где я могу его найти.

– Эта дыра находится в Фабричном районе, – поморщился хомяк. – Не советую вашей очаровательной особе ходить по таким опасным местам. В городе есть гораздо более спокойные и приятные заведения.

– Вы очень добры! – просияла Александра. – Всего доброго!

Хомяк охотно распрощался с опасной красоткой и её мрачным спутником-дикарём. Уходя прочь, он подумал, как было бы здорово принять закон, чтобы туземцев не пускали в Таун. Однако очень скоро он забыл и про Мауи, и про Александру, потому что его мысли вернулись к квартальному отчёту и полностью растворились в нём.

Глава одиннадцатая. На улицах Фабричного района

На город навалился вечер, подмяв его под себя. Стало прохладнее, на улицах появился лёгкий туман. У Мауи саднило в горле, он покашливал. Закат на Мусорном Острове отдавал нездоровой желтизной: лучи солнца окрасили вездесущий фабричный дым.

Морской ветер проводил мышей до Парковой улицы, а потом бросил. Само собой получилось, что они взялись за лапы, как старые друзья. Ведь каждый чувствовал себя одиноким в незнакомом городе, на который опускается ночь. Скоро Парковая улица сменилась Мясным переулком, а он вывел на Медный проспект. Оттуда мышей подхватил Липовый бульвар, где не росло ни одного дерева. Да и грязный кривой проулок мало походил на бульвар. Улицы переплетались змеями, окончательно запутав Мауи. Свернув наудачу, он едва не завёл Александру в Гнилой тупик.

Домики становились всё беднее, а мостовая исчезла. Под ноги лезли комья грязи из разбитых колей. Ступив в яму, Мауи оставил там сандалию.

Мыши не знали толком, куда идут. Посовещавшись, они решили держать курс на большие трубы, извергающие дым в закопчённое небо. Где трубы – там и фабрика. А где фаб-

рика – там и Фабричный район.

По пути им встретился фонарщик. Он пропускал разбитые фонари, а к остальным добирался по лестнице. Пополнив запас масла из жестяной канистры, фонарщик поджигал фитиль. От жёлтого света на улице стало уютнее, особенно когда тьма спрятала унылые и грязные дома.

Трубы приближались, закрывая половину неба. Чудилось, будто кто-то чужой глядит с вышины и пускает ядовитый дым.

Улица, растерявшись, принялась петлять. Пузатые домишки пинали её друг другу, как мышата футбольный мяч. Нельзя пройти и метра, чтобы не свернуть. Из чёрных дыр подъездов тянуло плесенью и кислятиной.

Дорога вывела мышей во двор, окружённый покосившимися домами. В открытых настежь окнах говорили, смеялись, играли на гитаре, но получалось дурно – соседи громко ругали неумелого музыканта. На крохотном клочке земли толкались ветки единственного куста в округе. Им бы вырваться на свободу из занюханного и грязного двора, пустить корни в настоящем лесу, да где отыщешь лес посреди помойки?

Александра остановилась возле девочек, которые играли на детской площадке.

– Давай посмотрим, что они там делают.

– Зачем? Мы же ищем бар, – нахмурился Мауи.

– Я этнограф. Воспользуюсь моментом, чтобы узнать по-

больше, – объяснила Александра. – Детские игрушки и забавы – это важная часть культуры. Они самобытны, уникальны для каждого уголка Земли.

– Какой земли?

Тяжело вздохнув, Александра пошла к детям. Три девочки – две мышки и одна крыска – играли в куклы. Дети смутились, когда к ним подошла незнакомая красивая тётя. Игра девочек была довольно проста. Мышка с крыской укладывали кукол спать, а другая мышка, с бантиком на серой макушке, сидела поодаль надувшись.

– А почему ты не играешь с ними? – ласково спросила Александра.

– Они меня не принимают, – обиженно ответила девочка. – У меня нет Дейзи.

– Что это?

– Как?! Вы не слышали о Дейзи?! – возмутилась крыска. Александра тотчас поняла, что перед ней всезнайка. Она их страшно не любила ещё со школы. – Это кукла. Очень модная. У Агаты такой куклы нет, а только старая и никчёмная!

– Не обижай её! – воскликнула мышка с бантиком, прижимая к груди свою любимицу. – Она самая хорошая. Мне её мама сделала. И ни у кого в детском саду нет такой куклы. А ваши все одинаковые!

На игрушках красовалось фабричное клеймо – шестерёнка с надписью «Гадсби». Александра не смогла понять, что за зверь эта Дейзи. В ней было что-то от всех грызунов – вер-

шина унификации. Такую куклу можно подарить хоть мыши, хоть шиншилле.

Агата подёргала Александру за край платья:

– Тётя, тётя, а скажи, что моя кукла – самая красивая!

Александра согласно кивнула. Да, мама девочки хорошо постаралась. Она взяла угол от наволочки, набила его старыми тряпками, обозначив нос. Пришила глазки-пуговицы, из тряпочек смастерила уши, чтобы всё было как положено. На ткани умелая мама сделала аппликацию, подарив кукле красивое платье в горошек. Получилась чудесная мышка-модница. И в ней чувствовалась любовь матери, чего не дождёшься от фабричного изделия.

У тряпичной мышки глаз висел на ниточке, платье запачкалось песком, одна лапа потерялась.

«Наверное, девочка так любит игрушку, что не даёт матери её починить», – подумала Александра. А вслух ответила:

– Агата, мне твоя кукла очень нравится. Замечательная!

– Вот! Слышали? – девочка показала язык подружкам. Она растолкала двух одинаковых кукол Дейзи и положила свою посередине.

– Эй, вы кто такие?! – вдруг раздался окрик. – Вы что там делаете?

Александра обернулась и увидела низкорослого мышака у входной двери. Его неопрятная шерсть свалялась, а из одежды мужичок имел только трусы, почему-то канареечного цвета. Почёсывая отвисшее пузо, он злобно смотрел

на девушку и её спутника.

– Так я спросил, вам чего тут надо? – грубо буркнул мышак.

– Я просто интересовалась у девочек, во что они играют, – вежливо ответила Александра.

– Нечего там смотреть! Агата, чтоб через пять минут была дома! Вожжаюсь с тобой…

И он пропал в чёрной глотке подъезда. Испугавшись отцовского окрика, Агата прижала уши и сидела тихо, не шевелясь. Александре стало её жалко. Она погладила девочку по голове и прошептала:

– Твоя кукла лучше всех!

Агата просияла:

– Я сошью ей новое платье! Мама обещала принести с Фабрики обрезки тканей. У них там мастер ух какой злющий! Ничего не разрешает домой уносить. А мама, наперекор ему, прячет тряпочки в башмаках.

Потратив ещё несколько минут, Александра зарисовала всех кукол, затем распрощалась с девочками и вернулась к Мауи. Мышак сидел на табурете из бутылочной пробки со спичечными ножками и ёрзал от нетерпения.

– Нам пора идти, – с укором сказал он. – Я чувствую, что мы напали на след.

Не став его разубеждать, девушка кивнула. Мыши продолжили путь к фабричным трубам, держась широких улиц. Долго ли, коротко ли, дорога вывела их на площадь. Тут

не было фонтана или памятника, а только грязная мостовая между скособоченных домов.

Площадь упиралась в забор с широкими воротами, что караулил часовой с алебардой. Забор огораживал фабричные корпуса – коричневые и серые коробки без окон и четыре исполинские трубы. На почтительном расстоянии от часового в очереди стояли мыши, одетые кое-как. Они переступали с ноги на ногу и мяли в лапах шапки.

Воздух пропитался дымом, а земля мелко тряслась от работающих станков. Внезапно раздался пронзительный звук, надолго повисший в воздухе. Испугавшись, Мауи прижал уши и зажмурил глаза.

– Не бойся, – Александра обняла друга. – Это гудок. Я слышала такой на ЗИЛе. Он объявляет, когда начинать и заканчивать рабочий день. Пойдём ближе, вдруг что-то узнаем про бар «Три топора». [35]

За воротами возникло оживление. Появились счетоводы в белых рубашках и брюках на помочах. Каждый нёс железный сундучок и письменный набор. Для них вытащили столы и стулья.

Очередь заволновалась: мыши тянули шеи, стараясь рассмотреть, что там происходит. Стоило друзьям подойти поближе, как бедняки у ворот злобно уставились на них, как на соперников. Когда счетоводы расселись по местам, часовой отпер ворота и прошёл внутрь, погрозив очереди кула-

[35] Автомобилестроительный завод имени И. А. Лихачёва в Москве.

ком.

От фабричных зданий послышался неясный гул, и на площадку у ворот вывалила толпа рабочих: мышей и крыс самого разного возраста. Все очень спешили, но перед столами выстроились в затылок друг другу. Счетоводы выкрикивали:

– У кого имя начинается на «А» или «Б» – подходи ко мне!

– «В» и «Г» – ко мне!

И так далее. Часовой, помахивая алебардой, ходил между рабочих и следил за порядком, приговаривая:

– Ну, не балуй! Стой ровно! Куды прёшь, ещё с этим не закончили!

Счетовод спрашивал имя, рылся в поисках нужной ведомости, а после отсчитывал деньги из железного сундучка. Так оплачивался трудовой день. Не везде расчёт шёл полюбовно. Мауи услышал, как пожилой мышак в застиранной куртке и мятом картузе спорил с кассиром, в конце концов сорвавшись на крик.

– Ты что мне даёшь?! Я токарь третьего разряда! А ты мне платишь будто я разнорабочий! Столько лет на Фабрике, а ты меня не помнишь. Совесть потерял!

– Не шуми, папаша! – процедил счетовод. – Мистер Гадсби урезал часовую ставку, так что получай сколько дадено и вали отсюда! А не нравится, можешь жаловаться ему лично!

Наглец указал на окно верхнего этажа в административ-

ном корпусе. Оно отличалось от других круглой формой и светилось яркой желтизной. Мауи увидел ушастый силуэт – сам хозяин Фабрики наблюдал за процессом оплаты подённого труда.

Старый рабочий поупирался ещё немного, но взял гроши и пошёл восвояси, утирая слёзы обиды.

Следующими в очереди были молоденькие мышки – по виду брат и сестра. Измученные дети жалобно смотрели на счетовода в надежде, что он им даст немного больше денег. А получили всего две монеты на двоих. Мальчик стал возмущаться, что отработал в сушильном цеху целый день, а денег хватит только на кусок хлеба, но сзади незаметно подошёл часовой и огрел мальчишку между ушей. Мышонок упал как подкошенный. Толпа заволновалась, а часовой ощерился и поднял повыше алебарду. Сестре не оставалось ничего, кроме как поднять несчастного и увести прочь с фабричного двора.

На Фабрике широко использовался детский труд. Обычно малышей посылали туда, где не пролезали взрослые: внутрь механизмов, в узкие трубы и дымоходы. А денег им почти не платили.

– Да что это за место проклятое? – прошептала Александра.

На двор вышли хомяки в опрятных синих рубашках и с портфелями, видимо, инженеры. Этих пропускали без очереди и платили немало: хомяк старательно пересчитывал

деньги, прежде чем подписать ведомость.

До Мауи снова докатились гвалт и гомон, теперь со стороны жилых домов. На площадь высыпали жёны и дети рабочих. Они тянули шеи, выкрикивали имена своих кормильцев. Должно быть, услышав гудок в конце смены, родичи собрались и побежали сюда.

По мостовой застучали колёса фургона, запряжённого четырьмя землеройками. Возница и его помощник бодро соскочили с козел и сняли фанерную стенку. За ней обнаружились прилавок и ящики, набитые разной снедью. Помощник зазывал народ покупать овощи на ужин.

Многие так и делали. Деньги переходили из потной ладони рабочего его рачительной хозяйке, а от неё – в лапу торговца. От повозки несло подкисшими помидорами, но никто не жаловался. Нередко за еду отдавали всё заработанное за день.

Окончив расчёт, старший счетовод подошёл к подёнщикам, готовым наняться в ночную смену. Объявил, что возьмут только четверых. И тут же в очереди началась драка. Несчастные колотили друг друга, кусали за уши и таскали за хвосты. Их никто не разнимал: ни часовой, ни счетоводы, ни рабочие.

– Я опытный плотник, возьмите меня! – кричал тощий мышак, придушенный мускулистой крысой. Стукнув обидчика в лоб, рабочий продолжил собеседование: – Не берите его! Он объелся «Утренней звезды»! Зачем вам такой?!

– Как это зачем? – удивился старший счетовод, который был заодно представителем отдела кадров. – Под «Утренней звездой» он будет в литейке чугунные чушки перекидывать за троих.

– Да это же дрянь несусветная! – не унимался плотник. – Видели, что делает с мышью за пару месяцев? Не знаете?! А я вам скажу: превращает в дрожащее ничтожество. Да он не сможет дойти до гнусного ведра и оправиться как положено!

– Нам-то что с того?! Пусть поработает здесь, пока в силах, а потом мы его выгоним и возьмём другого. Нет отбоя от желающих работать на нашей чудесной Фабрике! – заготовал старший и пальцем поманил крыса: – Эй ты! Иди сюда! Мы тебя берём!

Крыс расхохотался и пошёл за ворота, попутно шваркнув плотника о землю. В глаза бросалось, насколько энергичным, возбуждённым выглядел этот крыс, как пружинисто он шёл, как резко поднимал и опускал лапы при ходьбе. А вот плотник, напротив, поднялся с трудом. Он стряхнул пыль с брюк и не оглядываясь побрёл прочь, бормоча себе под нос:

– А пропади всё пропадом! Пропью последнее!

– Мауи, ты слышал? – Александра толкнула мышака локтем в бок. – Пойдём за ним! Может быть, он идёт именно в «Три топора».

Так они и сделали. Плотник шагал через площадь,

без церемоний расталкивая рабочих. В нём кипела обида на несправедливую и несчастную жизнь. Клокоча, она выплескивалась наружу, брызгая ругательствами. Мауи и Александра старались держаться позади него, опасаясь, что серая тужурка затеряется в толпе.

Плотник свернул к жилым домам и пошёл через грязные дворы, едва освещаемые редкими фонарями. Они походили на пчелиные соты и отделялись друг от друга воротами. Их запирали на ночь, что-де способствовало общественному порядку. На самом деле ворота помогли бы полиции быстро изолировать зачинщиков бунта, пока зараза мятежа не перекинулась на соседей.

Ныне ворота едва держались, а кое-где совсем отвалились. Мышата приспособили их для катания. Министерство внутренних дел не поскупилось на качественный пластик, отчего «горке» сносу не было. Вытертая до блеска меховыми задами, она обещала послужить внукам нынешних сорванцов.

Многим мышатам не выбраться из Фабричного района в «большую жизнь». Всё из-за ловушки бедности. Учёба в школе платная, потому что у Министерства просвещения нет денег, чтобы обеспечить карандашами и бумагой всех малышей столицы, не говоря уже о деревнях и посёлках. В борьбе за государственный бюджет выигрывали Министерство обороны и Министерство внутренних дел, а другим министерствам «мирного времени» доставались лишь объедки. Потому правительство требовало от поступающих

в школы иметь свои писчие принадлежности, а тем, у кого их не было, вход в школу запрещался. Спрашивается, зачем ребёнку приходить на занятия, если он не может записать слова учителя?

Семья откладывала на школьные дела из тех крох, что приносил кормилец с Фабрики. Разве выучишь всех детей? Хватило бы на одного!

Матери вели хозяйство, заправив хвосты за пояса. Они добывали и готовили пищу, стирали бельё на всю семью, ухаживали за детьми и ждали вечернего гудка, чтобы встретить мужа и забрать деньги пока те не пропиты в кабаке. Рабочие тупели от однообразной работы, обмана и безысходной тоски.

Без образования мышата повторяли судьбу родителей. Нередко отец передавал своё ремесло сыновьям; мать обучала дочерей домоводству с раннего возраста. Старшие дети присматривали за младшими, а подростки помогали родителям на Фабрике.

Вот такая тут была жизнь. Бедность бросалась в глаза, однако рука об руку с горестями шли житейские радости. После работы собирались во дворе. Выносили столы и садились ужинать, болтая с соседями. Пили чай, играли в настольные игры и смеялись. Все одинаково бедны – завидовать нечему и некому.

В сгустившихся сумерках Мауи не замечали, но, встретив, пугались. Местные почти не знали мир за пределами Фаб-

ричного района. Рисунки на мышиной физиономии приводили их в недоумение. К счастью, рабочие не приставали к незнакомцам, выясняя, кто они и откуда.

Голова Мауи кружилась от количества мышей вокруг. На Араутаке он не видел столько и за целый год. Александра почувствовала его волнение и взяла за лапу.

Две мамы посадили мышат в жестяное корыто с водой. Детки были настолько маленькими, что на розовых тельцах едва пробился пух. Они пронзительно пищали и толкались. Мамы брали детей по одному, намыливали и терли щёткой, не разбирая, где чей. И ещё успевали вести задушевный разговор.

Улыбнувшись забавной сценке, напомнившей родную деревню, Мауи вдруг сильно закашлялся.

– Неужели я заболел?! – испугано воскликнул он. – Помнишь, старый моряк говорил, что островитяне погибают от встречи с цивилизованными мышами? Я умру?!

– Навряд ли, – покачала головой Александра. – Я из большого города, но и у меня першит в горле. Чувствуешь что-то необычное?

– Только голод, хотя я к нему уже привык.

– Думаю, сажа из фабричных труб оседает у нас внутри и заставляет кашлять, – предположила Александра. – Вот выберемся с Острова, тогда и кашель пройдёт.

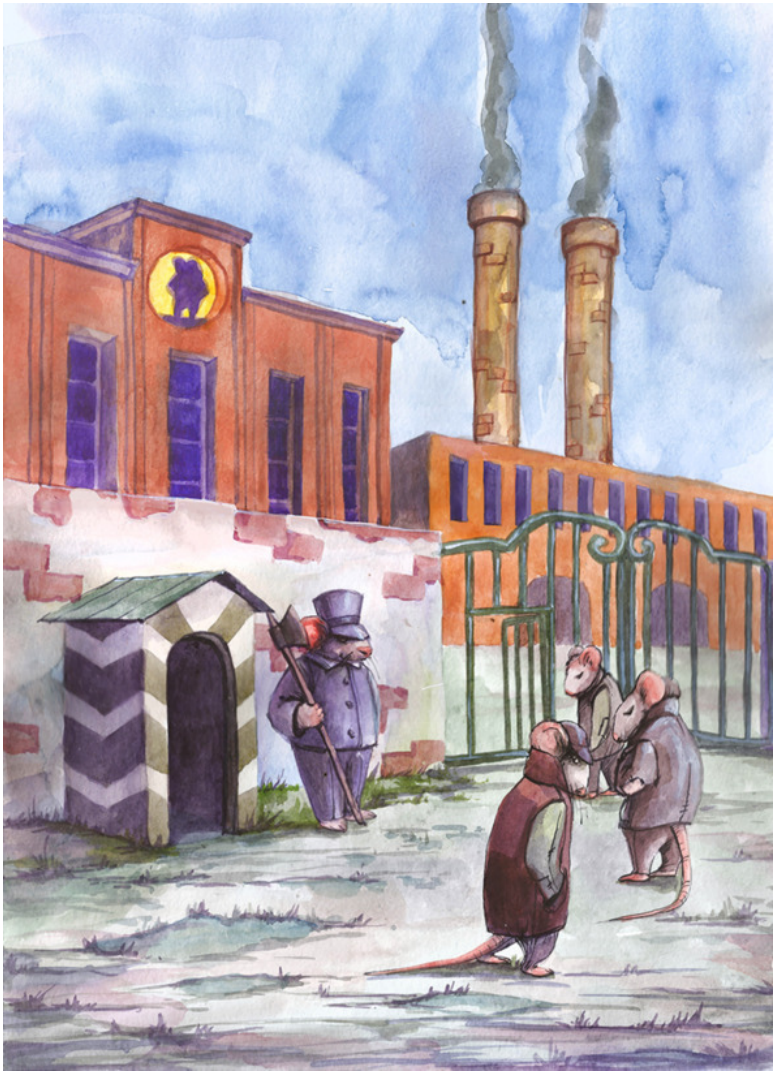
– Хочу верить, – Мауи выплюнул чёрный комок. – И как тут мыши живут?!

– Плохо живут, – тихо сказала Александра.

Тем временем окончательно стемнело. Серая тужурка едва виднелась, плотник ускорил шаг. Он предвкушал близкую цель.

Дома кончились на границе пустыря, где из мусора пробивалась настоящая трава, пусть и жёсткая, как стружка. Под стрекотание цикад её шевелил ветер. С травинки на травинку перелетали светлячки.

Серая тужурка путеводной звездой указывала мышам дорогу. Плотник насвистывал весёлую мелодию, плечи его распрямились, а хвост подрагивал от нетерпения. Тропинка привела к приземистому зданию. Вывеска гласила: «Три топора».



Глава двенадцатая. Закон или справедливость?

Впервые в жизни Мауи попал в питейное заведение. Здесь мыши, крысы и другие жители Мусорного Острова топили тоску и бытовые проблемы в разных спиртных напитках. Рабочие с Фабрики и несколько конторских заняли все столики. Плотник нашёл знакомых и подсел к ним.

В «Трёх топорах» заправляла белка дегу – зверёк небольшого роста, не крупнее обычной крысы, похожий на шиншиллу. Хозяйка бегала по залу, разнося напитки. На её плюшевой физиономии застыло выражение гостеприимства и доброжелательности. Наряд выделял её среди серых рубашек и голубых воротничков. Модная белка носила штаны из полосок ткани красного и жёлтого цветов и кожаную куртку с разными нашивками. Белка заметила гостей, мнущихся возле двери, и указала на барную стойку:

– Добро пожаловать! Кажется, я вас раньше не видела? Подходите, налью вам чего-нибудь выпить!

– Она может что-то знать про моего папу, – прошептал Мауи на ухо Александре. – Я только не представляю, как начать разговор.

– Давай заведём пустяковую беседу, а уж потом спросим про главное. Как зовут твоего папу? Как он выглядит?

– Его имя Ронго, а прозвища нет. Я на него очень похож, только отец покрупнее. Моко больше моей, ведь он прожил длинную и достойную жизнь.

Они подошли к стойке и поздоровались с белкой, которая как раз отнесла последний заказ и теперь протирала стаканы. На самом видном месте висели три боевых топора.

– Добрый вечер! – поздоровалась белка. – Я хозяйка этого чудного заведения. Меня зовут Эшперанса Сантуш, – в разговоре хозяйка будто бы немного пришепётывала. – Могу я узнать ваши имена?

– Меня зовут Александра, – представилась мышка, не давая своему спутнику произнести ни слова. – А это мой коллега Мауи. Мы прибыли на ваш Остров с инспекцией ООН.[36]

– О, как интересно! Надеюсь, не по моей части? – Эшперанса рассмеялась, показав крупные оранжевые резцы.

– Нет-нет, – помахала лапкой Александра, напустив на себя серьёзный вид. – Мы по делам… – она запнулась, быстро соображая на ходу, – мы по делам коренных народов Полинезии.

– Надо же! – снова удивилась белка, достоверно изображая восторг. Но её глаза пристально рассматривали шарф из полиэтилена. – А я, знаете ли, тоже не местная. Давным-давно мы с мужем переехали на Мусорный Остров из Португалии. Да, Остров тогда был гораздо меньше, чем

[36] Организация Объединённых Наций

сейчас, и дрейфовал в Атлантическом океане. Мы решили открыть свой бар в небольшом посёлке старателей, из которого вырос Таун. Так что моё заведение – это место с историей.

– Поразительно! Скажите, а почему бар имеет такое название?

– Так его назвал мой ныне покойный супруг, – объяснила госпожа Сантуш. – Обычно сюда заходили старатели, которые рыли свалку в поисках ценных вещей. Свои находки они сбывали криминальным боссам. В том числе нашему любимому Мусорному Барону, – добавила она шёпотом. – Помню его ещё молодым, но очень перспективным вожаком банды. А старатели – народ горячий, особенно после трудного дня и залитого «горючего». Они нередко устраивали потасовки прямо в зале. Конечно, для нас драка – сплошные убытки, ведь посетители крушили мебель и били посуду. Муж смог договориться с бандитами, и те за небольшую мзду взяли бар под защиту. Потом, с ростом государственности на Мусорном Острове, эти бандиты подались в полицию и перед баром сделали полицейский пост. Стало тихо и спокойно. К нам даже приходили семьи с детьми поесть пирожных.

Она показала на топоры над барной стойкой.

– О тех временах напоминает оружие, изъятое у буйных гостей. Понимаете, когда Мусорный Остров проплывал мимо городов, кто-то да срывался с насиженного места и приезжал сюда в поисках счастья и быстрой наживы. Напри-

мер, вот этот – от северных народов, – она указала на топор с бородкой, насаженный на длинную рукоять. – Его любезно оставил гость из Швеции перед тем, как его повесили за убийство по пьяному делу. А вот другой экземпляр, – мохнатый палец упёрся в небольшой топорик с короткой ручкой. – Томагавк нам подарил гурон из племени, что кочует по лесам вокруг Великих озёр в Канаде. Последний топор, – белка протянула ладонь к оружию весьма странного вида, где широкое лезвие заменили клювом. – Посмотрите, какая изящная резьба на рукоятке и травление по металлу. Он остался от факира. Знаете, кто это такие? – Мыши пожали плечами. – Так называют странствующих волшебников из Индии. Они выглядят вульгарно: всклокоченная и свалявшаяся шерсть, странные узоры белой краской, вот как у тебя, – госпожа Сантуш показала на Мауи. – А также безумный взгляд и странный запах, будто факир ползал в трюме корабля с Островов Пряностей. Этот босяк заявился в рабочий посёлок и стал показывать фокусы, дышать огнём, заговаривать больные зубы и творить прочие чудеса. Наступил момент главного трюка. Индийский колдун подбросил верёвку в воздух, и вдруг она стала твёрдой, как дерево. Он пригласил мальчика из толпы, угостил сластями и велел взобраться по верёвке. Мальчишка полез наверх, цепляясь лапами и хвостом. А потом мышонок исчез! Я сама видела – так и было, да-да. Будто бы растворился в воздухе. Все ахнули и очень испугались. К несчастью для факира, рядом оказался

полицейский, который тут же его поколотил и отвёл в тюрьму. Мальчишка нашёлся почти сразу, но осадок остался. Факира посадили за шарлатанство, а господин полицмейстер, который любил тут обедать, подарил его топорик нам. Так вот и сложилась коллекция.

Мауи заслушался, раскрыл рот и задрал голову, глазея на топоры. А в это время хитрая Эшперанса разглядывала его шею и наконец увидела то, о чём подозревала. Под слоем целлофана блеснул казённый металл рабского ошейника. Дегу тотчас позвала одного из мальчиков, что сидели в углу за барной стойкой. Оставив игру в солдатики, мышонок подбежал к ней. Эшперанса прошептала ему что-то на ухо, тот бросил удивлённый взгляд на Мауи и пулей выскочил за дверь. А хозяйка улыбнулась ещё шире и сказала гостям:

– Я налью вам нашего фирменного портвейна. Нет-нет, не спорьте – доставляем прямо из Португалии, – она подмигнула мышам. На стойке появились две рюмки, куда дегу налила тёмно-коричневой жидкости из пузатой бутылки. – Не беспокойтесь о деньгах. За счёт заведения.

Она повернулась к другому мышонку и прикрикнула на него:

– Эй ты! Поди на кухню да скажи Росиенде подать гостям жареного кальмара. Портвейн и морепродукты хорошо сочетаются. А вы пока отдыхайте и наслаждайтесь шоу. Скоро на сцене появится знаменитый ансамбль «Алабама».

Сценой оказалась обширная площадка в дальнем углу ба-

ра под высоким куполом. Там был отдельный вход с улицы – дверь таких размеров, что Мауи оставалось гадать, для какого зверя её устроили.

– Эшперанса, дорогая! – замахал лапами толстый мышак. – Подойди же скорее! У нас пусто!

– Спешу, мои родные! – расхохоталась белка. Она наполнила кружки пивом из бочонка. Мауи не мог больше медлить и перешёл к главному вопросу.

– Мадам Сантуш, мы ищем одного мышака, который… очень важен для нас.

И тут же Александра наступила ему на ногу, чтобы не сболтнул лишнего.

– Да, мой помощник прав, – доверительно обратилась она к белке. – Видите ли, произошла чудовищная ошибка. Каперы захватили уважаемого мышака и привезли на Остров. А ведь он – хранитель традиций своего племени! ООН уполномочила нас вернуть пленника обратно. Вот только следы мышака после прибытия теряются. Нам сказали, что вы можете помочь.

– Не знала, что ООН интересуется делами Мусорного Острова, – белка пошевелила усами и отмахнулась от толстого мышака, который всё никак не мог дождаться своего пива. – Как зовут того дикаря?

– Ронго, госпожа, – быстро сказал Мауи. – Он выглядит как я, только старше. Может быть, он заходил сюда или вы что-то слышали о нём?

– Дорогуша, на Острове живут тысячи разных мышей, – саркастически улыбнулась белка. – Разве я могу знать их всех? Ронго я не видела. Но вы зашли в правильное место. Если сумеем договориться, то я похлопочу об этом вашем хранителе традиций. Посидите пока. Кушайте ужин, пейте портвейн.

Она крикнула в кухню, уперев лапы в бока:

– Эй, Росиенда! Долго ли гости будут ждать кальмара?

– А долго ли я буду ждать своё пиво?! – в тон ей крикнул толстяк.

– Иду-иду, мой дорогой! – моментально сменив гнев на милость, белка подхватила кружки и проворно поспешила к его столу, оставив Александру и Мауи наедине. Скоро перед ними образовалась тарелка с горячими кусочками кальмара.

Мыши уселись на высокие стулья. Александра подозрительно оглядела рюмку с портвейном и отказалась наотрез. А вот Мауи решил выказать смелость и отведать угощение гостеприимной белки. Сначала он лизнул незнакомую жидкость. Фу! Отрава! Вонючая, едкая и удивительно неприятная! Мауи громко плевался и тёр язык об ладонь.

На шум выплыла дородная хомячиха Росиенда и, сложив лапы на груди, с тревогой смотрела, как парень мучается. А тот всё никак не мог проплеваться. Тогда сердобольная повариха принесла ему графин с водой, и Мауи припал к нему, словно к роднику.

– Не стоит это пить, – мудро заметила Александра и подвинула тарелку с едой поближе к своему другу.

Мауи так и сидел, вывалив язык. Он не мог говорить и лишь согласно кивал.

Сухарто неспроста вспомнил про мадам Сантуш. Под видом милой и гостеприимной женщины скрывался хитрый жулик. Эшперанса занималась розыском граждан, которых обратили в рабство судебным решением. Осуждённый исчезал, родственникам ничего не сообщали, и те платили любые деньги за новости о пропавшем. У Эшперансы давно имелась лапа в полицейском управлении. Она делилась со своим агентом частью денег, а взамен могла передать письмо или посылку. Иногда удавалось провернуть рисковое дельце: осуждённого на пересылке заменяли каким-нибудь бродягой. Осуждённый возвращался домой, а его заместитель шёл на каторгу.

В дверь за сценой громко постучали. Вошли три зверя, столь высоких и крупных, что Мауи едва достал бы им до пояса. Мышак убрал язык в рот и дрожащим голосом спросил:

– Кто это?!

– Я думаю, это вомбаты, – Александру тоже поразили размеры гостей. – Они живут в Австралии и на острове Тасмания. Похожи на хомяков, но я и представить себе не могла, насколько они большие!

Между тем трое вомбатов устраивались на сцене. Первый вынул из принесённого ящика барабаны, второй – контра-

бас, а третий – гитару, фетровую шляпу и тёмные очки. Таков был его сценический образ. Прокашлявшись, мохнатый великан обратился к публике низким и хрипловатым голосом:

– Здравствуйте, дамы и господа! Для вас играет трио «Алабама». Всем доброго вечера в компании хорошей музыки.

Гости зааплодировали, приветствуя музыкантов, и кто-то потребовал больше пива.

Вомбат кивнул своим друзьям, взял поудобнее гитару и заиграл спокойный, немного протяжный мотив. В нужный момент вступил контрабас, а затем барабаны. Солист начал песню, каких Мауи прежде не слышал. Там не было стихов, а только предложения, что цеплялись словами друг за друга, как бананы на пальме.

О чём он пел? О работягах, сидящих в зале, об их нелёгкой доле и бесконечном труде на хозяина день за днём. Мыши затихли, пропуская песню через сердце. Кто-то задумчиво разглядывал дно стакана. Мауи будто бы встал на одну доску с ними. Музыка кончилась так же плавно, как и начиналась. Исчезли все звуки, а потом зал взорвался аплодисментами.

Вомбат поправил шляпу и доверительно подался вперёд:

– Кажется, вы немного загрустили, друзья мои? Давайте поднимем настроение!

И тут же ударник задал быстрый ритм, за него уцепил-

ся контрабас, и над столами понеслась весёлая мелодия. Не прошло и полминуты, как перед сценой возникла пара: пожилой рабочий в синем комбинезоне лихо крутил в танце юную мышку-буфетчицу. Мауи подивился его сноровке. И танец был озорной, совсем не похожий на пляску вокруг костра под барабаны.

Эшперанса направилась к барной стойке, ловко уворачиваясь от подвыпивших посетителей, которые хотели потанцевать с хозяйкой.

– Нравится? – спросила она Александру, кивнув на вомбатов. – Лучший блюзовый ансамбль на Острове! Они играют разную музыку, например, рок-н-ролл. Хотя блюз у них выходит лучше всего. Тот, в тёмных очках, это Кинг. Он звезда! Желанный гость самых дорогих клубов Тауна. Даёт частные концерты высшим чиновникам. Но раз в неделю обязательно заглядывает сюда и – представляете! – играет совершенно бесплатно для обычных рабочих.

– Почему он так делает? – спросил Мауи.

– Я его тоже спрашивала. Помню, сидит Кинг передо мной, жуёт своё сено и говорит: «Знаешь, Эшперанса, здесь у вас настоящая жизнь. Она подпитывает мою музыку. Нельзя играть хороший блюз, будучи успешным и богатым. Если ты отрываешься от корней, то музыка превращается в помёт тасманского дьявола». Да, вот так он сказал!

Мышиную плясовую сменила спокойная мелодия. Вомбат запел про моряка, что водил дружбу с морем. Песню слуша-

ли невнимательно – должно быть, в зале совсем не было моряков. Зато Мауи она пришлась по душе, ведь море было ему родной матерью. Он так заслушался, что поначалу не заметил шум, доносившийся с улицы. А когда входная дверь громко хлопнула, мышак подпрыгнул от неожиданности.

– Полиция! Всем оставаться на своих местах!

– Ну вот и всё, – с грустью произнесла мадам Сантуш. – Прости, дружок, но это пришли за тобой. Закон обязывает всех добропорядочных граждан доносить о беглых рабах, нравится нам это или нет. Твоё путешествие закончилось.

Мауи вытаращил на неё глаза. От макушки до хвоста его пробила мысль: предали! Белка щедро лила елей, пряча подлое коварство. Она убаюкала бдительность гостей кальмаром, портвейном и добрым разговором, а сама тем временем послала мальчишку за полицейскими!

Мышак хотел броситься на обидчицу и покусать её, но та, увидев, что глаза дикаря наливаются кровью, метнулась к задней двери. Не тут-то было! Дверь распахнулась, и за спинами вомбатов возникли двое полицейских в синей форме.

С главного входа ворвались их коллеги и мигом рассыпались по залу. За ними неспешной походкой вошёл крепкий мышак в такой же синей форме, как у всех. Только его шерсть имела кофейный цвет, а между тёмно-розовых ушей он носил оранжевую чалму. На поясе висел кинжал в изящно украшенных ножнах.

Мышак шёл очень уверенно. Умные блестящие глаза внимательно осматривали бар. Он подождал, пока взгляд каждого не обратится на него, а затем громко объявил:

– Меня зовут Раджит Сингх. Я инспектор криминальной полиции. Мы проверяем сведения о продаже запрещённого вещества под названием «Утренняя звезда». Сейчас проверим документы и устроим личный досмотр. Если у вас есть что нам сообщить, обратитесь к любому полицейскому. Благодарим за сотрудничество! – он обернулся к вомбатам и виновато добавил: – Прости, Кинг, такая служба.

– Всё в порядке, Раджит, я понимаю, – прогудел добродушный меховой гигант.

– А с тобой, Эшперанса, мы поговорим по душам, – инспектор поманил пальцем хозяйку бара. Прижав уши, мадам Сантуш покорно подошла к стойке.

– Я думаю, они явились не за тобой, – прошептала Александра в ухо Мауи. Тот сглотнул комок и согласно кивнул.

Сингх устроился на высоком стуле и предложил Эшперансе присесть рядом. Его взгляд скользил по физиономии белки. А та поджимала лапы, жевала губами и без конца дёргала хвостом.

– Мадам Сантуш, – начал Сингх вежливо, но твёрдо, – из надёжного источника нам стало известно, что в этом баре продают «Утреннюю звезду». Навряд ли это происходит без вашего ведома. Кто знает, может быть, и с вашим участием. Сбыт подобных средств наносит огромный вред. Зелье несёт

смерть! Наш долг бороться с этим злом. Единственная причина, почему ваш бар ещё не закрыт, а вы ещё не в тюрьме, заключается в моей вере в вас. Да, я верю, что вы – добропорядочный гражданин, который будет сотрудничать с нами и помогать в раскрытии преступления. Что бы вы хотели сообщить?

– Инспектор Сингх, произошла ошибка, – пробормотала белка, пряча взгляд. – В моём баре продаются только спиртные напитки, и у меня есть лицензия. Желаете проверить? – она подскочила со стула, готовая бежать куда угодно, только бы подальше от страшного мыша.

– Нет, не желаю, – спокойно ответил инспектор и жестом остановил заметавшуюся белку. – Полиции хорошо известно, что из португальской колонии Жабовилль на Мусорный Остров идут регулярные поставки портвейна для вашего бара. В одной из партий обнаружили закладку «Утренней звезды».

– Да как такое может быть! – взвилась Эшперанса. – Всё это неправда! Зелье подбросили!

Инспектор нахмурился и хотел что-то сказать отпирающейся белке, но тут к нему подошёл молодой коллега и тихо произнёс:

– Раджит, там у входа стоят шкуродёры и требуют, чтобы их пустили. Мол, поступила наводка, что заметили беглого раба. Пускать или нет?

Молодой полицейский говорил тихо, но Мауи его пре-

красно слышал – нервы были на пределе. Слова прозвучали как приговор. И до того, как инспектор открыл рот, Мауи вскочил:

– Я могу вам рассказать об «Утренней звезде»! Я слышал, как о ней говорили в усадьбе Сюркуфа Лефевра!

Сингх открыл рот, потом закрыл, внимательно посмотрел на Мауи, снова открыл рот и приказал своему помощнику:

– Стоян, бери эту парочку и веди в наш фургон. Шкуродёрам не отдавай. Сам отвечаешь за их сохранность. Всё, иди! А с вами, дорогая мадам Сантуш, мы продолжим разговор здесь или в камере нашего уютного полицейского участка, – добавил Раджит. – Как вы предпочитаете?

Что выбрала Эшперанса, Мауи не узнал, потому что полицейский аккуратно, но настойчиво подталкивал его к выходу. Александра забрала со стойки свою папку и последовала за ними.

Сразу за дверьми три крупные крысы с перекошенными от злости мордами ругались с двумя полицейскими мышами, стоявшими на посту. Те наотрез отказывались пропустить крыс внутрь, пока не разрешит командир. Увидев Мауи, крысы взбеленились и полезли вперёд:

– Да вот же он! Вот беглый раб! Давайте его сюда!

На их плащах Мауи разглядел эмблему: цепь, зажатая в кулаке. За рыбаком пожаловали ловцы беглых рабов, или шкуродёры. Так их называли за отвратительную привычку спускать шкуру с невостребованных пленников.

Один крыс держал ошейник на длинной верёвке, а его коллеги махали лапами, норовя достать Мауи.

– А ну, назад! – крикнул Стоян. Его шерсть вздыбилась от злости, глаза сверкали яркими угольками.

Полицейские вскинули дубинки. По-честному, им хотелось врезать крысам – шкуродёров никто не любил. Вот только ловцы рабов были не готовы всерьёз драться с мышами. Получив отпор, они отошли в сторонку и смотрели люто.

Стоян проводил Мауи и Александру до полицейского фургона, запряжённого парой землероек.

– Дай нам хотя бы списать номер с его ошейника! – крикнул вслед старший шкуродёр. – Так требует закон! Ты же не будешь препятствовать?

– Списывайте, – разрешил Стоян, но близко шкуродёра не подпустил. Он приказал Мауи снять шарф и громко прочитал номер. Ловец рабов записал цифры в блокнот с подозрительно знакомой обложкой. Похоже, на неё пошла чья-то серая меховая шкура.

– Мы сообщим хозяину, что нашли его раба, а вы – забрали, – угрюмо прогудел ловчий. – Пусть сам разбирается.

– Ваше право.

Помявшись, шкуродёры встали поодаль, не спуская глаз с упущенной добычи.

Мауи немного потряхивало: его жизнь висела на волоске. Если Стоян отлучится хоть на минутку, то крысы бросятся на фургон и сделают что-то страшное. Что именно,

Мауи не знал, но перед глазами стояли засаленные шерстинки на обложке блокнота.

Александра вздохнула с облегчением, когда в дверях бара появился Раджит Сингх. Он шёл один, без госпожи Сантуш, и было непонятно, то ли он отпустил её, то ли её привезут следом. Инспектор даже не взглянул на ловчих. Стоян помог ему забраться на козлы, сам уселся рядом и приказал трогать.

Землеройки потянули фургон, поскакали на тоненьких ножках так быстро, как Мауи ещё ни разу не ездил. Стоян тянул вожжи, криком и руганью распугивал зазевавшихся прохожих, слегка притормаживал на поворотах, отчего фургон заносило и колёса приподнимались над землёй. Прошло всего десять минут, и полицейский экипаж остановился у приземистого кирпичного дома на захудалой улице Фабричного района.

Глава тринадцатая. Под несчастливой звездой

Был поздний час, и в полицейском управлении сидел только дежурный, клюя носом. Проходя мимо, инспектор стукнул кулаком по столу. Дежурный подскочил на месте и сон разом слетел с него. Мыши поднялись на второй этаж, подошли к двери с табличкой: «Старший инспектор Р. Сингх».

Обстановка кабинета отражала привычки и образ жизни своего хозяина. Прямо напротив входа стоял широкий стол. Центральное место под керосиновой лампой было оставлено пустым, тогда как по бокам высились папки с рабочими бумагами. С левой стороны от входа примостился диван с подушкой и пледом.

«Наверное, Сингх спит здесь, – подумал Мауи. – Разве у него нет дома?»

На стене в деревянной раме висела карта Тауна. На нижней части рамы лежали карандаши, а на верхней крепилась перекладина со шторкой. Через нарисованные улицы тянулись разноцветные нити от булавки к булавке, которыми пришпилили портреты каких-то мышей без всяких подписей. Там был, кажется, и портрет госпожи Сантуш, но Мауи не успел рассмотреть. Перехватив его взгляд, инспектор недовольно кашлянул, подошёл к карте и задвинул

шторку.

– Садитесь вот сюда, – Сингх указал мышам на стулья подле его стола. – Желаете воды с мятой?

После невероятно долгого и трудного дня мыши с удовольствием согласились. Инспектор налил воды, и пока гости пили, внимательно изучал их, стараясь составить первое мнение.

Вода из стакана моментально исчезла в иссушённой глотке Мауи. Сингх снова наполнил стакан до краёв. Мауи застеснялся своих привычек и чувствовал себя неуклюжим увальнем, который всё делает не так, как городские.

– Теперь давайте познакомимся, – начал разговор инспектор. – Меня зовут Раджит Сингх. Мы находимся в управлении криминальной полиции. Вас пригласили в качестве свидетелей преступления. Пожалуйста, представьтесь и расскажите о себе.

– Меня зовут Мауи. Я рыбак с острова Араутака. Вернее, рыбий пастух.

– А моё имя Александра.

– Чем же вы занимаетесь, Александра?

– Я… собираю сказки, – запнувшись ответила мышка. Поскольку врать она умела плохо, её тут же выдали опущенные уши.

– Собираете сказки?! – Сингх удивлённо поднял бровь. – Пусть так. Можете секретничать, пока это не относится к нашему делу. Я помню, вы говорили, что приходитесь больши-

ми друзьями известному дельцу по имени Сюркуф Лефевр.

– Он нам не друг! – яростно воскликнул Мауи. – Он настоящий подонок, мучитель и рабовладелец! Как у нас с ним может быть что-то общее?!

– Да, Сюркуф – последний, кого бы я взяла в друзья, – согласилась Александра.

– Простите, меня подвела память, – Сингх поднял ладонь, успокаивая мышей. На память, разумеется, он никогда не жаловался. – Тем не менее, вы оба знакомы с месье Лефевром, что даёт вам право делать такие выводы. Как же вы с ним познакомились?

– Он купил меня у пиратов! – выпалил Мауи. Инспектор смотрел на него с интересом. – Я тащил груз живой рыбы на остров Тараваи. И на меня напали пираты! Я зарезал одного, а остальные скрутили меня, обобрали и привезли на Остров! – Мауи в запале не заметил, как Александра посмотрела на него со смесью восторга и удивления. – Потом их вожак по имени Гунтур привёл меня в усадьбу Сюркуфа и продал ему. Разве можно продавать живое существо, как вещь?!

Инспектор мрачно пошевелил усами.

– По действующему закону, можно, – Раджит кивнул на портрет Мусорного Барона, обязательный в каждом кабинете. – Рабство – это гниющая язва на теле нашего общества. В рабство попадают на время или навсегда. Например, за долги. Оно разлагает души, обесценивает жизнь. Сегодня

гражданин свободен, а завтра – раб. Хорошо, если родственники могут его выкупить. Иначе с ним будут обращаться как с вещью: продадут, обменяют или сломают. А то и убьют. Владельцу ничего за это не будет. Если рабу навредил кто-то другой, то положено заплатить штраф, будто за разбитое окно. А знаете, что самое страшное? Самое страшное, что всё это делается по закону! – Сингх особенно выделил последнюю фразу. – Я, как инспектор полиции, давал клятву соблюдать и охранять все законы Мусорного Острова, а не только те, которые мне нравятся. Потому, хоть мне глубоко противно, я должен признать, что твой владелец – Сюркуф. Он имеет полные права на тебя, пока ты находишься на территории нашего государства или протектората Дубрава. Другое дело, что я могу воспользоваться правом временного отчуждения на одни сутки для следственных мероприятий.

– Как это? – Мауи едва ли понял половину сказанного. Он совершенно потерялся в незнакомых словах.

– Это означает, что я тебя забираю у хозяина на одни сутки, чтобы разобраться в мутных делишках, которые он прокручивает. Оформлю документы и выпишу тебе пропуск. На случай, если тебя попробуют задержать.

– Инспектор Сингх! – взмолился Мауи. – Я вижу, что вы добрый и порядочный! Здесь, на Острове, томится мой отец Ронго. Его схватили вместе с товарищами-рыбаками. Вернее, я не знаю, точно ли он тут – мне сердце подсказывает, – Мауи замялся. – Пожалуйста, помогите его отыскать! Я вас

очень прошу.

Раджит Сингх действительно был порядочным мышаком, и Мауи сильно повезло, что именно он нагрянул в «Три топора». Немного подумав, инспектор ответил:

– Я расследую преступления и разыскиваю преступников. И никак не связан с рабами, – он заметил, как на мордочке Мауи проступает отчаяние, и поспешил добавить: – Погоди! Я действительно не имею к рабам никакого отношения, но в Главном архиве трудится мой дядя Анкит Гупта. Все сведения о рабах стекаются туда. Дядя мог бы поискать в картотеке и найти следы твоего отца и его друзей. В конце концов, вас всех доставили на Остров силой. Выдернули из обычной жизни. Будет справедливо вернуть вас домой.

– Спасибо! Спасибо вам! – воскликнул Мауи и вскочил, уже готовый бежать в архив, где бы тот ни находился. Инспектор попросил его успокоиться и сесть обратно на стул.

– Думаю, будет честно, если взамен ты мне поможешь. Расскажи всё, что слышал про «Утреннюю звезду», и тогда получишь пропуск и записку для Анкита.

– Конечно! – с радостью согласился Мауи, почему-то решив, что Анкит Гупта доподлинно знает, где папа. – Я слышал про эту самую «Утреннюю звезду» в кабинете у Сюркуфа. У него есть слуга Гастон. И тот сказал, что следующая партия задерживается.

– Вот как?! – инспектор улыбнулся. – Я был уверен, что отраву привозит на Остров кто-то облечённый властью

и связанный с морскими перевозками. Значит, это Сюркуф! Он директор торгового дома. Много денег, большой флот и, самое главное, связь с губернаторами в колониях. И в Жабовилле тоже. Всё сходится.

– Что это такое – «Утренняя звезда»? – спросила Александра. – Почему вокруг неё такой переполох?

– Охотно расскажу, – кивнул Раджит. – Зелье выглядит как оранжевый порошок. Его растворяют в воде или подмешивают в пищу. У того, кто отведает, на некоторое время появляются невиданная энергия и желание свернуть горы. Кстати, наша общая знакомая, госпожа Сантуш, подавала в своём заведении напиток «Бодрость». Хитрила, конечно, ведь в меню его не было. Но знающие посетители могли попросить.

– Что же плохого? – спросила Александра. – Кофе тоже бодрит.

– Как бы не так! Начнём с того, что эффект от приёма «Утренней звезды» будет уменьшаться с каждой новой дозой. Чтобы снова почувствовать силу, требуется всё больше и больше порошка. Это только полбеды! Кто раз его отведает, будет тяготиться своим обычным состоянием. Ему захочется всегда чувствовать себя героем. А значит – покупать всё больше и больше «Утренней звезды».

– Наверное, богачи могут себе позволить, – неуверенно протянула Александра.

– Богачи-то как раз и не принимают зелье, потому что зна-

ют об его побочном эффекте. Когда ощущение сверхсилы проходит, наступают усталость, разбитость и апатия. Чудес не бывает: мобилизация организма на короткое время тянет за собой упадок сил и потребность в отдыхе. Однако слабые волей продолжают принимать и принимать порошок, отчего скоро умирают, ведь ни одно тело не выдержит такого насилия.

– А кто же тогда употребляет «Утреннюю звезду»? Если богачи её сторонятся?

– Обычные работяги. Да-да, не удивляйтесь. Приняв зелье, они выдают продукции как за две смены. Хороший способ удержаться на Фабрике. Всех «неэффективных» Гадсби выставляет вон. Разумеется, у них нет денег на дозу. Потому они идут на преступление. Знали бы вы, сколько краж и разбойных нападений случилось за последние два месяца! Криминальный разгул пошёл от первой находки оранжевого порошка в кармане у одного из бандитов. Да разве это бандиты! – инспектор взмахнул лапой. – Первый – ученик формовщика, а другой – сапожник. Оба ни за что не привлекались. И тут сразу – разбой и убитая крыса-стенографистка. Они пытались снять с неё простенькие серёжки, когда прибежал квартальный полицейский и повязал обоих.

– Что же с ними будет? – спросил Мауи.

– Всех ждёт тюрьма. И Эшперансу Сантуш тоже. Стоило надавить по-настоящему, как она разрыдалась и всё рассказала. Ящики с портвейном имеют двойное дно. Там про-

возили «Утреннюю звезду» из Жабовилля, – инспектор задумался. – Хозяйка бара, в сущности, неплохая женщина. Её подвело желание быстро обогатиться. Собиралась на пенсию, как только накопит нужную сумму.

– В ящиках с портвейном много зелья не провезёшь, – заметила Александра.

– Верно, – согласился инспектор. – Сегодня мы накрыли только один канал поставки «Утренней звезды» на Остров. И довольно небольшой. Есть и другие, откроются новые. А рабочие так и будут выносить всё из дома, совершать преступления, только бы ещё разочек почувствовать себя сверхсильным.

– Как же вы думаете победить?

– Есть два пути. Первый – прекратить производство зелья в Жабовилле. Второй – найти тех, кто координирует сбыт на Острове и арестовать их. Конечно, мы работаем сразу в обоих направлениях.

– Видимо, у вас не получается.

– Пока нет, – согласился Раджит. – Видите ли, зелье производят из высушенной кожи суматранских жаб. Когда открыли это её поразительное свойство, в Жабовилле поднялась волна убийств. С несчастных жаб снимали кожу.

– Кошмар! – Александра закрыла ладошками глаза.

– Местность вокруг Жабовилля топкая, со множеством ручьёв и болот. Иными словами, лучшее место для жабьих деревень. Земноводные селятся свободно, отдельными хуто-

рами.

Преступники не останавливаются ни перед чем. Они создали «эскадроны смерти» – летучие отряды, которые снимают кожу с взрослых мужчин и женщин. Детей не трогают, потому что у них ещё не вырабатывается нужное вещество.

– А что же местная полиция? Армия, наконец?

– Они ловят бандитов, но те сильны, мобильны и решительны. Пока разгромить преступный синдикат не удаётся. Нам в помощь командировали опытного следователя по имени Джерваас Ван Жаб. Он был моим напарником, – тихо сказал Сингх и покачал головой.

Мыши не решались потревожить инспектора и ждали, пока он заговорит сам.

– Следователь мне здорово помог, хоть и протянул всего неделю, – продолжил инспектор с печалью в голосе. – Однажды утром он не вышел на работу. Я отправился к нему на квартиру и обнаружил её пустой. Джерваас не ночевал дома. Корыто, где он спал, было сухим. На поиски голландского следователя бросили всех, и вскоре бедолагу нашли в доме, разрушенном прошлогодним ураганом. У правительства, как обычно, не было денег, чтобы его починить, – добавил Сингх.

– И что случилось с Джерваасом? – спросил Мауи.

– Как вы уже поняли, следователь и сам был жабой. По несчастью, той самой породы, из которой делают «Утреннюю звезду». Каким-то образом о нём прознали местные

бродяги. Они подкараулили Джерваса, когда тот возвращался с работы, схватили и стали пытать.

– Это ещё зачем? – удивилась Александра.

– Бродяги решили узнать у него рецепт «Утренней звезды». Они, конечно, слышали, что её делают из кожи жабы, но понятия не имели, как именно. И так получилось, что Джерваас сам рассказал своим палачам, как следует с ним поступить, – инспектор провёл ладонью по лбу и носу, словно смахивая морок. – В общем, бродяги его убили, сняли и засушили кожу. Тут-то мы их и взяли с поличным. Увы, Джерваса не вернуть.

– Трагическая история, – прошептала Александра.

– Да, – кивнул Сингх. – Жители Фабричного района балансируют на грани между бедностью и нищетой. А теперь для многих баланс нарушен привозным зельем.

Он пристально посмотрел на мышку:

– А вот вы, прекрасная Александра, почему-то не рассказали мне, откуда вы родом и как познакомились с Сюркуфом. Будьте так добры.

– Я попала в плен к пиратам, которые отдали меня Сюркуфу.

– Для чего вы ему нужны? Рассказывать сказки? – ехидно спросил Раджит. – Может, это месье Лефевр любит сказки, но мне вы их не рассказывайте! Если он купил вас, значит, вы имели нечто ценное для него. Что же?

Мышка надулась и замолчала. В кабинете повисла тиши-

на. Инспектор ждал долго, но Александра не проронила более ни одного слова.

– Ладно, – наконец сказал Раджит. – Не хотите говорить – дело ваше. По акценту я могу уверенно сказать, что вы не из Полинезии. Судя по вашей породе и цвету шерсти, ваши предки прибыли в Азию либо из Германии, либо из России. Так откуда же вы? Циндао? Пекин? В первом есть большая немецкая община, а во втором – русская.

– Я родилась далеко от тех мест, про которые вы говорите, – надутая мышь снизошла до ответа. – Я из Москвы. Это большой город на северо-западе России. Две недели назад, когда я отправилась в путь, там ещё лежал снег и стояли густые туманы.

– Опять темните, – сказал с упрёком Сингх. – Допустим, я никогда не слышал про такой город. Спишем на пробел в моей эрудиции. Как вы объясните, что от Матубару до Таити не менее двух недель пути, а Москва, по вашим словам, находится гораздо дальше?

– Вы спорите о том, чего не понимаете! – вспыхнула мышь. – Я сказала вам правду от первого до последнего слова!

– Хорошо, не волнуйтесь, – Раджит подлил мыши воды из графина. – Пейте на здоровье, я вижу, вам нравится этот приятный освежающий вкус. Как же вы познакомились с Мауи?

– Мы познакомились… – «в тюрьме», хотела сказать

Александра и запнулась. Она вдруг вспомнила, что перед ней полицейский, который может посадить её обратно в клетку, если узнает о побеге. И мышка ляпнула первое, что пришло ей в голову: – Мы познакомились в одном мрачном месте, которое, к счастью, вскоре покинули.

– Вы, наверное, говорите о частной тюрьме, коих расплодилось без счёта? – беспечно спросил Раджит. В его глазах заблестели искорки смеха. – Ладно, ладно, не стесняйтесь. Нынче в такую тюрьму можно посадить кого угодно, даже собственную бабушку, если у вас есть деньги. Мне довелось видеть и такое. Судя по всему, Александра, месье Лефевр хотел произвести на вас впечатление. Чтобы вы стали сговорчивее. Я понимаю ход его мыслей.

– Да, так и было, – смущённо ответил Мауи. – И мы там надолго не задержались.

– Вы же не собираетесь посадить меня в вашу тюрьму?! – Александра испугалась, что за дерзкие ответы инспектор отправит её за решетку.

– Нет, что вы! – рассмеялся Сингх. – Если правовой статус Мауи мне ясен полностью, то про вас я думаю так. Вы – иностранный гражданин, неправомерно задержанный другим иностранным гражданином – месье Лефевром – с корыстными целями. Похищение мышей является серьёзным нарушением прав личности. Так что на совести вашего визави ещё одно преступление, – он помолчал немного, пытаясь поймать какую-то мысль за хвост.

– Да, вот ещё! Получается, вас ввезли на Остров нелегально, потому что не оформили документы на ваше рабство, – он поднял лапу, прося мышку помолчать. – Разумеется, вам не может быть предъявлено никаких обвинений в незаконном пересечении государственной границы, ведь вы сделали это не по своей воле. А Сюркуфу и его пособникам придётся ответить. У нас тут правовое государство, а не разбойничья вольница! – заключил Раджит Сингх и пристукнул кулаком по столу.

– Что же со мной будет? – робко спросила Александра.

– Как персону, нелегально въехавшую в страну, вас ждёт депортация. Уверен, что суд, разобравшись в деле, учтёт обстоятельства и даже назначит вам некую компенсацию. Однако, пока идёт разбирательство, вас поместят в пересыльный лагерь.

– Надолго ли? – забеспокоилась мышка.

– К сожалению, да, – Сингх ей искренне сочувствовал. – Разбирательство занимает много месяцев. А ещё полгода вы будете ждать перечисления компенсации. Пока нужные бумаги пройдут через Министерство финансов. Пересыльный лагерь – неподходящее место для хорошенькой мышки. Видите ли, обычно у правительства нет денег, чтобы поддерживать его в должном порядке, и там процветает мелкая преступность, вроде мошенничества и краж. Время от времени случаются вспышки опасных заболеваний. К счастью, серьёзных эпидемий пока не было.

– Неужели меня это ждёт?! – хвост Александры затрясся от страха.

– Нет, если последуете моему совету. Напишите родным в Циндао, Пекин, Токио или откуда вы на самом деле. Пусть вышлют денег на билет. Уплывайте с Острова первым же кораблём куда угодно. Разумеется, только после того, как дадите показания на Сюркуфа. По закону раб не имеет слова на суде, но вы-то свободная.

– А если мне нужно на атолл Матубару? – осторожно спросила Александра. – Там ждут друзья.

– Да вы совсем не следите за новостями! – усмехнулся Раджит. Он достал из стола газету и протянул Александре. – Вот, читайте, это утренний выпуск.

Название газеты – «Голос правды» – пропечатали крупным шрифтом по верху страницы. С портрета подле заголовка на читателя сурово смотрела толстая крыса. Александра без труда узнала Мусорного Барона. Передовицу сопровождал карандашный рисунок мышей в касках. Они стояли с мечами наголо, слепив героическое выражение на мохнатых физиономиях. Показав рисунок Мауи, Александра зачитала передовицу:

– «Сограждане! Долгожданный день наступил! Сегодня первый эшелон морской пехоты грузится на корабли в порту Тауна, чтобы отправиться на штурм Кораллового города. Не будет больше вероломных нападений! Не будет больше вдов и сирот в семьях моряков торгового флота! Мы отмоем

честь нашего Острова и поднимем флаг на пепелище вражеской столицы».

Она с недоумением посмотрела на Сингха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.